

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Faculty of Social Sciences and Psychology, Baku State University
Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies
Penza State Technological University
Tashkent Islamic University

PEOPLES OF EURASIA: HISTORY, CULTURE AND INTERACTION PROBLEMS

Materials of the VI international scientific conference
on April 5–6, 2016

Prague
2016

Peoples of Eurasia: history, culture and interaction problems : materials of the VI international scientific conference on April 5–6, 2016. – Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», 2016. – 124 p. – ISBN 978-80-7526-091-8

ORGANISING COMMITTEE:

Sergey N. Volkov, doctor of philosophy, professor, head of philosophy department in Penza State Technological University.

Kyzylgul Ya. Abbasova, candidate of philosophical sciences, assistant professor of sociology department of Baku State University.

Nicholay V. Mityukov, doctor of technical sciences, professor Kama Institute of Humanities and engineering technologies.

Boris A. Doroshin, candidate of historical sciences, assistant professor of the philosophy department of Penza State Technological University.

Umidjon R. Kushaev, Ph.D., senior researcher applicant of Tashkent Islamic University.

Authors are responsible for the accuracy of cited publications, facts, figures, quotations, statistics, proper names and other information.

These Conference Proceedings combines materials of the conference – research papers and thesis reports of scientific workers and professors. It examines the problematic of peoples of Eurasia. Some articles deal with questions of main stages of the formation of the ethnogenesis of the peoples of Eurasia. A number of articles are covered features of the material culture. Authors are also interested in Environmental views and attitudes regarding the nature of the peoples of Eurasia.

UDC 94:008:316

ISBN 978-80-7526-091-8

The edition is included into Russian Science Citation Index.

© Vědecko vydavatelské centrum
«Sociosféra-CZ», 2016.

© Group of authors, 2016.

CONTENTS

I. THE MAIN STAGES OF THE FORMATION OF THE ETHNOGENESIS OF THE PEOPLES OF EURASIA

Баева Л. В.

Философский анализ проблем Прикаспийского фронта6

Şahhüseynova S. A.

Azərbaycan ərazisində neolit dövrü insanların estetik təsəvvürləri 11

II. FEATURES OF THE MATERIAL CULTURE

Аскерова Х. З.

Архитектура Баку на рубеже XIX–XX вв. 15

Ибрагимова Ф. С.

Ўрта асиё халқлари миллий либослари: “лойихалаш маданияти”нинг
компоненти сифатида 19

Иванова Е. В., Ищенко О. В.

Самые необычные музеи России 27

III. ENVIRONMENTAL VIEWS AND ATTITUDES REGARDING THE NATURE OF THE PEOPLES OF EURASIA

Барамидзе Д. Д.

Международное сотрудничество в области охраны окружающей среды
Арктики (на примере Российской Федерации) 30

Дорошин Б. А.

Основные эколого-этические аспекты примитивной ментальности 34

Плотникова Ю. А., Тарасова Е. А., Попкова В. А.

К вопросу о роли Евразийского экономического союза в международном
сотрудничестве в области рационального использования природных
ресурсов и охраны окружающей среды 38

Прокопьева П. А. Экологическая политика в регионах России: Крымский федеральный округ.....	42
---	----

IV. RELIGION AND INTERFAITH RELATIONS, SCIENCE, SECULAR CULTURE

Куликова Е. А. Буддизм и ламаизм: предпосылки возникновения и сущность вероучения.....	45
Чепкасов Е. В. История крещения вогулов (манси)	49

V. EDUCATION: TRADITIONS AND INNOVATIONS

Бирюк Р. В., Труфанова В. П., Цой Д. И. Специфика японской образовательной системы.....	54
Ильина Ю. И. О влиянии иранского религиозного образования на изучение персидского языка в России	57
Хасанова Н. С. Форма, структура и содержание современного художественного образования в странах СНГ	61

VI. PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE: ACHIEVEMENTS, PROBLEMS, PROBLEMS

Ваулина О. Е., Юркова О. А. Культура, общество, личность	68
Никифорова С. В. Становление письменных форм культуры саха (якутов)	70

VII. THE MAIN VECTORS OF POLITICAL AND ECONOMIC COOPERATION OF THE EURASIAN SPACE

İsmayılova E. Ə. Turizmin inkişafının tarixi-coğrafi xüsusiyyətləri	80
---	----

Мустафа Д. А. Векторы российской политики на Ближнем Востоке: некоторые аспекты.....	85
---	----

VIII. MIGRATION POLICY AND SOCIO-DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT EUROPEAN AND ASIAN COUNTRIES

Əliyeva S. A. Qadın problemlərinin kulturoloji araşdırmaları	88
Белоусов А. М. Анализ развития современного миграционного законодательства и его влияние на рынок труда РФ	93
Бормотова Т. М. Влияние миграции на динамическое развитие Арктического Севера	96
Ескина М. Д. Исследование миграционной привлекательности регионов Российской Федерации в 2014 году.....	99
Kadirova Z. A. Ways of addressing migration issues in Uzbekistan under globalized world	106
Силантьева В. А. Некоторые аспекты современной трудовой миграции в России в условиях кризиса.....	111
Турк С. Н. Демографическая проблема в современном Египте: причины и последствия.....	115
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Болгарии, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана и Чехии на базе Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ» в 2016 году.....	119
Информация о научных журналах	121
Издательские услуги НИЦ «Социосфера» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	122
Publishing service of the science publishing center «Sociosphere» – Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ».....	123

I. THE MAIN STAGES OF THE FORMATION OF THE ETHNOGENESIS OF THE PEOPLES OF EURASIA

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ПРИКАСПИЙСКОГО ФРОНТИРА¹

Л. В. Баева

*Доктор философских наук, профессор,
Астраханский государственный
университет, г. Астрахань, Россия,*

Summary. Within the framework of frontier theory approach presents a philosophical analysis of the peculiarities of the Caspian region, as a special territory, with rolling dynamics of cultural borders many ethnic groups and religions.

Keywords: frontier; the border; the Caspian region; cultural safety.

В конце прошлого столетия территория Прикаспия стала очагом политических споров, конфликтов, дискуссий, во многом так и не получивших своего разрешения. Прежде всего, это было связано с нефтяными запасами, Каспийского моря, а также со сложной обстановкой формирования новых постсоветских государств в этом регионе. Отсутствие законодательного решения о статусе Каспия только усугубило проблемы, и если в советский период страны Прикаспия были близки к определенным соглашениям, то после того, как вокруг моря или озера Каспия возникло пять государств, в четырех из которых шло перераспределение государственной собственности, решение проблемы окончательно зашло в тупик. Единого соглашения между прикаспийскими государствами о статусе Каспия и разделении его акватории так и нет, хотя саммит Прикаспийских государств в Астрахани (в сентябре 2014 года) вплотную подошел к этому решению.

Важным фактором нестабильности в Прикаспии стали процессы поиска культурной идентичности, «национальной идеи» бывших советских республик, каждая из которых стремилась занять лидирующее положение в регионе. На смену сценарию «интернационализма» как определяющего суть должных отношений внутрисоюзных республик пришли отношение геополитического партнерства, преследования собственных национальных интересов. Зоной наиболее острых конфликтов оказался своеобразный

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ госзадание № 2014/414 по теме. «Человек фронта: вызовы и риски межкультурных коммуникаций в условиях приграничных территорий», код проекта 392.

кавказский «фронтир», который полярно сменил в XXI веке свое направление (от России на Кавказ на обратный вектор). Из-за политической, а затем экономической нестабильности кавказский регион стал источником миграционных потоков в города юга России (Краснодар, Ставрополь, Астрахань, Волгоград и др.), что вызвало в этих регионах значительные изменения в экономической и социокультурной сфере. Для анализа проблем Прикаспийского региона оказалась эффективной «теория фронта», которая позволяет раскрыть истоки его современной динамики и очертить возможные риски. В данном случае мы обозначим основные маркеры фронта и их связь со спецификой южно-российского региона Прикаспия.

Теория фронта изначально сложилась в трудах Ф. Дж. Тернера для анализа проблем территорий с подвижными границами, возникших после завоеваний белыми переселенцами земель американских индейцев [1]. Постепенно понятие фронта стало трактоваться расширенно, под таковым понимались не только как области освоенных переселенцами территорий (американский, сибирский фронты), но и области межкультурного взаимодействия на пограничных территориях, где субъекты имеют соизмеримый уровень развития культуры, но оказываются в условиях ее активного взаимовлияния. Проблемы современного мира, кавказского и южно-российского фронта активно исследуются, начиная с 2010 года, в трудах С. Н. Якушенкова [2], А. П. Романовой [3], И. В. Лебедевой и др.. В наших работах были освещены проблемы типологии фронта, сравнительного анализа сибирского и южно-российского фронтов, современным социально-политическим и культурным аспектам фронтальных регионов [4; 5].

Южный регион России, зона Нижнего Поволжья и территория Прикаспия являются местом проживания более 100 этносов и этнических групп, трех основных конфессий, самых разнообразных культурных традиций. Этот регион исторически представлял собой пограничье, мир с меняющимися границами и высокодинамичными социальными, политическими, духовными процессами. Для его изучения с позиции теории фронта, прежде всего, важно определение маркеров, характерных черт этих уникальных зон. Рассмотрим их на примере данного региона.

Прежде всего, фронт отличается гетерогенный характер, наличие двух (или более) разных культур, народов, этносов, исторически развивающихся в значительной близости друг от друга и имеющих подвижные границы. На территории Юга России, зоны Северного Прикаспия исторически проживали и взаимодействовали такие крупные этносы как русский, казахский, татарский, а также значительное количество народов Кавказа, прибывавших в Россию как досоветский период, так и после 90-х годов прошлого века. Долгое время, начиная с присоединения к России, русские представляли меньшинство населения Астраханской губернии, лишь в XIX веке получив доминирующее положение по численности [4].

Фронтир отличает векторальная направленность, подвижность границы, что является следствием захвата, заселения новых земель, освоение «диких» территорий, а также продвижением на новые территории той или иной конфессии, продвижением новой политической системы. Южный регион России многократно становился объектом завоевания со стороны разных народов, его насеявших (скифо-сарматские племена, хазары, татаро-монголы, русские), которые оседали на этой территории, оставаясь в ней навсегда. Продвижение Российского государства на южные земли в Поволжье и Прикаспии произошло в XVI–XVII веках после присоединения Казанского, а затем Астраханского ханства Иваном Грозным. Освоение русскими земель, на которых со времен Золотой Орды проживали татары, ногайцы, а затем и калмыки, осевшие кочевые народы, с XVII века происходило путем заселения этих земель военными, казаками, торговыми людьми. Этот процесс не был похож на проникновение европейцев на территории традиционных народов Америки. В России в большей степени проявилась политика лавирования, дипломатии, мирного проникновения на новые территории, которые еще долгое время (да и по сей день) ярко отличались от центрально-российских городов и поселений. Сегодня процесс смешения народов и культур здесь отнюдь не завершился: этот регион занимает третье по России место по количеству мигрантов (после Москвы и Краснодара). На политической границе страны это не отражается, но в культурном и социальном аспектах продвижение народов Кавказа, Закавказья, Средней Азии в этот регион очень значительно [5].

Особенностью фронта выступает высокая конфессиональная неоднородность, которая также имеет в этом уникальном регионе яркое выражение. Христианство (главным образом, православие) и ислам являются здесь основными конкурентами, несмотря на присутствие буддизма, иудаизма, а также нетрадиционных культов. Рост численности мусульман за последние два десятилетия оказался связан как с внутренними демографическими процессами, так и со значительным вливанием мигрантов из республик и государств, исповедующих ислам.

Отличием фронта является удаленность от «центра», выражающаяся в значительной свободе, в часто наблюдаемых отходах от «норм» культурной жизни, принятых в «срединных» землях, не столь значительное как в центре уважение к власти. На юге России, в дельте Волги традиционно, с царских времен собирались беглые люди, маргиналы, люмпены, свободные торговцы, рыбаки и др. Здесь была своеобразная вольница, где не действовало крепостное право, можно было схорониться от столичной власти, жить относительно независимо [6].

Для фронта свойственна контрастность, своего рода «единство противоположностей»: он может сочетать в себе лояльность, терпимость, уживчивость народов и стремление к яростному продвижению своей культуры, насаждению «новой веры» и т. п. Американский фронтир, описыва-

емый Ф. Дж. Тернером, отличало жестокое противостояние индейцев белому населению, непримиримая борьба за подчинение европейцам новых земель. Тернер называл «английскими монголо-татарами» войска, жестоко уничтожавшими коренных жителей и продвигающихся все дальше к Западу. Что же касается фронтиров, в условиях которых долгое время сосуществуют различные этносы, через которые проходят многие народы, то его отличает значительная демократичность, толерантность к самым различным проявлениям культуры и поведения человека. Несмотря на полиэтничность, рассматриваемый нами южный регион России характеризует мирное сосуществование народов, отсутствие крупных национальных или религиозных конфликтов на протяжении длительной истории вплоть до современности.

Значительным фактором динамики и маркером фронта является наличие природных ресурсов, за которые идет борьба, будь то земля, золото, нефть, рыбные запасы и др. Например Р. Биллингтон определяет фронт как «географический регион... где низкая плотность населения и обычно богатые и слабо разработанные природные ресурсы обеспечивают исключительную возможность для улучшения социального и экономического статуса мелких собственников» [6]. Фронтальные интересы, прежде всего, выражаются в стремлении к укреплению экономического положения «наступающей стороны». Завоевание индейцев Центральной и Северной Америки, покорение народов Сибири, Дальнего Востока, экспедиции европейцев в Среднюю Азию, Африку – были обусловлены поиском новых материальных благ, ресурсов, источников богатства. В регионе Нижней Волги в качестве особого географического ресурса выступало выгодное местоположение относительно выхода к Каспийскому морю, игравшее важную роль для России в военно-политическом аспекте. Современная ситуация в Северном Прикаспии и дельте Волги свидетельствует о том, наиболее значимым ресурсом данного региона оказываются запасы углеводородов (газа, конденсата, нефти), которые играют определяющую роль не только для экономического развития государств каспийского бассейна, но и основных политических сил мира [7].

Субъект фронта – своеобразный «фронтальный человек». В классическом варианте, это переселенец, завоеватель, нескованный привычными нормами поведения. Для него свойственны открытость, рискованность, активность в перемене мест, высокая восприимчивость нового, свобода, авантюризм, нетерпимость к ограничениям. Фронтальная специфика личности складывается из особой «энергии пограничья» (Тернер), где человек надеется, главным образом, только на самого себя, отличается высоким индивидуализмом, стремлением к независимости, а также ориентированностью на получение благ без длительного труда [1]. Фронт это территория, где преобладает философия «дележа добычи», получения легкой прибыли от особого типа деятельности (промыслов, золотодобычи), а также

захвата новых территорий и обогащения. Эти особенности личности проявляются на пограничных территориях в разных частях земли, характерны они и для юга России, где жизнь никогда не отличалась строгой упорядоченностью и следованием закону. Влияние различных контактирующих культур друг на друга, по выражению Тернера, подобно «вирусу» заражало каждую из сторон и проявлялось в заимствованиях языка, образа жизни, культуры повседневности, что ярко проявляется в и специфике жизни народов юга России [5].

Можно заключить, что, во-первых, фронтир как теория и методология исследования представляет актуальность для изучения современных регионов с динамичными культурными и этническими границами; во-вторых, что зона северного Прикаспия, юга России имеет все признаки фронта как особого пограничного региона с присущими ему маркерами и признаками; в-третьих, что исследование этого фронта приводит к выявлению его особой специфики по сравнению с фронтами Америки, Сибири и т.д., что открывает новые перспективы исследования.

Библиографический список

1. Turner, F.J. The frontier in American history. – N. Y. Holt, Rinehart and Wilson, 1962. – 38 p.
2. Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. Американский фронтир и российские аналогов Поволжье и на Нижней Волге // Каспийский регион: экономика. Политика. Культура. – 2010. – № 1. – С. 109–114.
3. Романова А. П. Специфика раннего фронта на Кавказе // Тематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2014. – № 102. – С. 446–458.
4. Баева Л. В. Типология и проблемы изучения южно-российского фронта // Вестник ВолГУ. Философия, социология и социальные технологии. – 2014. – № 2 (22). – С. 32–39.
5. Baeva L.V., Romanova A.P Challenges to Frontier Allegories: the Caspian Sea Region in Southern Russia // Cultura International Journal of Philosophy of Culture and Axiology. – 2015. – Volume 12. Issue: 1 Pp. 159–172.
6. Billington R. A. America's Frontier Heritage. – Albuquerque, University of New Mexico Press. 1991. – 222 p.
7. Baeva L.V. South-Russian and Siberian Frontier: Analogies and Specific Character // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2015. – 5 (8). – С. 994–1002.

AZƏRBAYCAN ƏRAZISİNDƏ NEOLİT DÖVRÜ İNSANLARININ ESTETİK TƏSƏVVÜRLƏRİ

S. A. Şahhüseynova

*Fəlsəfə elmləri namizədi, dosent,
Azərbaycan Dövlət Mədəniyyət və İncəsənət
Universiteti, Bakı, Azərbaycan*

Summary. The article «The aesthetic representation of people in the Neolithic era on the territory of Azerbaijan «considers the activity of inhabitants with their aesthetic demands. To this end, the author is based on archaeological and ethnographic materials. The scenes of fishing, hunting, boat images, animals, humans, and other examples of primitive art are transmitting information about the aesthetic culture of the primitive people.

Keywords: aesthetic ideas of primitive people; architecture and decorative art of the Neolithic era; ceramics of Neolithic era; cave paintings; primitive art; aesthetic demands.

Azərbaycanda e.ə. VIII–VI minillikləri əhatə edən Neolit dövründə əkinçi-maldar təsərrüfatına keçid başa çatdı, istehsalədirici təsərrüfat formalaşdı, təbiətin hazır məhsullarının yığıcılıq, ovçuluq və balıqçılıq vasitəsilə mənimsənməsi istehsal fəaliyyətinin bərqərar olması ilə nəticələndi ki, bu da Neolit dövrünün ən böyük tarixi uğurudur. Bütün bu nəhəng çevrilişlər və prinsipial dəyişikliklər, həmçinin, «yeni istehsal formasına keçid insanların maddi həyatı ilə yanaşı mənəvi mədəniyyətində də dəyişikliklərə səbəb oldu» [1, s. 335] və dövrün sonunu «Neolit inqilabı» kimi xarakterizə etməyə kökləyərək, ibtidai icma quruluşunun məhvinə yol açdı.

Azərbaycan ərazisində Neolit nümunələrinə «Qobustanın «Anazağa», «Kənizə», «Ovçular zağası», «Firuz-2», «Qayaarası-2», «Öküzlər», «Böyükdaş» düşərgələrində» [1, s. 339], «Gillikdağ, Xanlar düşərgəsi, Damcılı, Yanıqtəpə və Həsənlinin alt təbəqəsində» [4, s. 101], həmçinin, «Naxçıvan Kültəpəsində, Qaraköpəktəpə, Hacı Firuz, Şomutəpə, Töyrətəpə və digər abidələrdə» [3, s. 31] təsadüf edilir. Bəzi müəlliflər müəyyən əraziləri Neoliddən Eneoliddə keçid kimi qəbul edərək, «Ağstafa rayonunda Töyrətəpə, Qarğalar təpəsi və Şomutəpə, Qazax rayonunda Qiyamətəpə, Naxçıvanda Kültəpə yaşayış yerlərinin alt təbəqələrinin» adını çəkir [2, s. 71].

Neolit dövründə insanların oturaq həyat tərzinə keçmələri «möhrədən birotəqlı evləri olan yaşayış yerlərinin» yaranmasına gətirib çıxardı [1, s. 337]. Bu dövrdə evlərin yalnız möhrədən deyil, digər materiallardan da tikildiyi qeyd edilir: «Neolit dövründə oturaq əmək məşğuliyyətinin (toxa əkinciliyi, ev maldarlığı) və bununla əlaqədar oturaq həyat tərzinin bərqərar olması daimi səciyyə daşıyan möhrə, daş və ya ciy kərpic ilə hörülmüş ev tiplərinin və kəndlərdən ibarət ilk daimi məskən növlərinin yaranmasını labüd etmişdir» [4, s. 8]. Həmçinin, I Kültəpədə də evlərin, başlıca olaraq, möhrədən tikildiyi qeyd olunaraq, göstərilir ki, «I Kültəpənin Neolit təbəqəsindən aşkar olunan tikinti qalıqları bu dövrdə dördkünc formalı, yerüstü mənzillərin tikintisinin mənimsənildiyini deməyə əsas verir» [3, s. 32]. Həmin yaşayış yerlərinin müasir

memarlıqla heç bir əlaqəsi olmasa da, onlar «suni tikililərdən ibarət daimi yaşayış məskənləri – kənd tipli məskənlərin ilk prototipi» hesab edilə bilər [4, s. 101]. Patriarxal qəbilə məskənlərindən ibarət bu süni tikililər Azərbaycan ərazisində məhz Neolit dövründə yaranaraq, müasir yaşayış komplekslərinin əsasını qoydu.

Əvvəlki dövrlərdə olduğu kimi, Neolit dövründən də tapılmış materialların müəyyən olunmasında daşın işlənmə texnikası mühüm rol oynayırdı. İstehsalədiçi təsərrüfatın inkişafı, hələ də dövrün əsas atributu olan daşı sıxışdırıb çıxara bilməmişdi. «Neolit dövründə əvvəlki texniki üsullardan da istifadə edilmişdir. ...Bu dövrdə insanlar daşın deşilməsi və cilalanması texnikasına yiyələnmişlər. Cilalanmış və deşik açılmış daş baltalardan ağac emalında istifadə olunmuşdur ki, bu da mənzillərin tikilməsini təkmilləşdirməyə imkan vermişdir» [3, s. 31]. Bütün bu texnoloji proseslər həm memarlığın, həm də dekorativ-tətbiqi sənətin yaranması üçün zəmin oldu.

Daimi yaşayış yerlərinin yaranması Neolit dövrünün yeganə mühüm yeniliyi deyildi. Bu sıraya keramikanın icad olunması, gil qabların ixtirası, toxuculuq, dulusçuluq, yundan və bitki lifindən məmulatların hazırlanması, saxsı qab istehsalı, cilalı daş baltalar və s. aiddir, hətta bəzi «tədqiqatçılar Neolit dövrünü iki mərhələyə bölürlər: keramikasız Neolit və keramikalı Neolit» [3, s. 31]. Bütün bunlarla yanaşı, daş dövrünün sonu və erkən metal dövrünə keçid mərhələsində də «daş qablar peyda olmağa başlamışdır. Arxeoloji qazıntılar zamanı daş buta, cam, dən daşları, kirkirə, dibək və s. aşkar olunmuşdur» [4, s. 191].

Neolit dövrünün daş məmulatları Qobustanda da üstünlük təşkil edərək, Mezolit materialları ilə səsləşir, onun oxşarı və davamı hesab olunur. Qobustanda arxeoloji qazıntılar zamanı tapılmış bəzi daş məmulatlarının üzərində hətta təsvirlər var.

Qobustan Neolitinin bir xüsusiyyəti də budur ki, o, «gil qaba qədərki ilk mərhələyə aiddir. Bu abidələrdə hələ gil qab yoxdur» [1, s. 342]. Alimlər hesab edir ki, «gil qabın ixtirası Neolit dövrü adamının təbiəti dərk etməsi və onun ehtiyat mənbələrinə yiyələnməsi yolunda əhəmiyyətli addım sayılır» [1, s. 343].

«Kəviz» düşərgəsinin gil qaba qədərki mərhələsinə aid olan qəbirdən bir çox materiallarla yanaşı sümükdən bəzək əşyası və daş asma da tapılmışdır ki, belə faktlar o dövr insanların öz həyatlarını gözəlləşdirmək, estetik tələbatlarını ödəmək haqqında düşüncələrini göstərir. Bu məqsədlə onlar ətrafda olanlardan istifadə edərək, o dövrün estetik təsəvvürlərinə cavab verən dekorativ-tətbiqi sənət nümunələri yaradırdılar. Belə nümunələrə, həmçinin, «Ana zağa»dan tapılmış balıqqulağıdan olan muncuqlar və boyunbağılar, «Ana zağa»nın 30-40 metrliyində yerləşən daşaltı sığınacaqdan ucları döymə xəttlərlə, yanları isə döymə nöqtələrlə naxışlanmış sürtgəc, bəzəkli əmək alətləri, balıqqulağından bir ədəd asma, «Ovçular zağası»ndan tapılmış xalsedon, dağ bülluru, daş asmalar, balıqqulağından asmalar, «Firuz» düşərgəsində dəfn olunanların boynunda olan silindrşəkilli muncuqlardan ibarət boyunbağı da aiddir.

İnsanların bəzəyə, incəsənətə vaxt sərf edə bilmələri istehsaledici təsərrüfatın inkişafı ilə artan asudə vaxt hesabına əldə edilir və bu vaxt onların «mənəvi aləminin ...inkişafına, ...biliklərin əldə edilməsinə sərf olunur... bu, həm əmək fəaliyyətində, həm də incəsənətdə müşahidə edilir... Azərbaycanın Mezolit-Neolit dövrü əhalisinin mənəvi aləmi haqqında ...bəzi incəsənət nümunələri, qayaüstü təsvirlər və s. müəyyən təsəvvürlər yaradır» [2, s. 73].

Belə qayaüstü təsvirlərin ən parlaq nümunəsi Qobustan abidələridir. Qobustanın Mezolit və Neolit dövrlərinə aid qayaüstü rəsmləri içərisində «kişi... və ...qadın təsvirləri, real və mütənasib verilmiş öküz, ceyran və gur rəsmləri, kollektiv rəqs, kollektiv əmək, balıq ovu səhnəsi və gəmi təsvirləri» diqqəti cəlb edir [2, s. 74]. Bu cür səhnələr Azərbaycan ərazisində yaşayan o vaxtkı insanların, xüsusən də qədim Qobustan əhalisinin yalnız əmək fəaliyyəti və məşğuliyyətinin deyil, həm də mənəvi aləminin, gerçəkliyə estetik münasibətlərinin, yüksək estetik hiss və duyğularının təzahürü olub, ibtidai incəsənət nümunələridir.

Qobustanın ayrı-ayrı düşərgələrində, xüsusən, «Ana zağa», «Ovçular zağası», «Kəvizə», «Firuz», «Öküzlər» və digərlərində insan və heyvan təsvirlərinə rast gəlirik. Müxtəlif düşərgələrdə bu təsvirlərin nisbəti fərqlidir, məsələn, «Ana zağa»da çoxlu kişi təsvirləri, həmçinin, «kişi və ceyran, öküz təsvirləri, kəmərli ovçu kişilərdən ibarət səhnə» [1, s. 353], «Ana zağa»nın 30–40 metrliyində yerləşən daşaltı sığınacaqda «kişi təsvirlərindən ibarət yallını xatırladan bir cərgə qovma üsulu ilə ov edən insan şəkli» [1, s. 363], «Öküzlər» düşərgəsində doymə usulu ilə cəkilmiş iki insan, o cümlədən, qadın təsvirləri, «Maral» düşərgəsindən maral, «6 ədəd (4 öküz, 1 keçi və dairədən ibarət) şəkil» [1, s. 373], «Ovçular zağası»ndan «iki ədəd kiçikölçülü rəsmlə daş... Birinci daşın bir üzündə öküz, o biri üzündə insan və öküz təsviri, ikinci daşın üstündə ortadakı yalağın (daş qabın) ətrafında yalaqdan su içməyə gəlmiş 6 öküz şəkli» [1, s. 360], həmçinin, üzübüz qayalarda «öküz ovu, atların ovlanması, gurların tələyə – tora salınmasıyla ovlanması, qabanın itlə ovlanması» [1, s. 361], «qədim qadın təsvirlərinin altında kiçikölçülü kişi təsvirlərindən ibarət alt-alta iki cərgə yan-yana yallıya bənzər üsulla düzülmiş səhnə» [1, s. 362], «Şonqar» düşərgəsində öküz, keçi (ceyran) şəkilləri, ov səhnəsi, «Kəvizə» düşərgəsindən isə yalnız kişi rəsmləri tapılmış, «qadın təsvirlərinə nə qayalarda, nə də kiçik daşlarda təsadüf olunmamışdır. ...bir ədəd öküz başından başqa demək olar ki, heyvan təsviri də yoxdur» [1, s. 358].

Qobustan incəsənəti də öz idraki funksiyasını yerinə yetirərək, dövrün ictimai vəziyyəti, o cümlədən, qadına münasibəti, insanların dünyagörüşü, əmək və məişəti, hətta o vaxtın iqlimi barədə məlumat verir. Məsələn, kişilərin geyimi «dövrün iqliminin isti olduğunu göstərir» [1, s. 409]. Bu dövrlərə aid olan çoxsaylı qadın fiqurları, ananı məhsuldarlıq rəmzi kimi təsvir edən petroqliflər o zaman Qobustanda qadına pərəstişin güclü olduğunu sübut edir. «Mezolit–Neolit dövründə qadına, anaya pərəstişin olunduğu Qobustan qayaüstü təsvirləri arasında qadın şəkilləriylə yanaşı, düşərgələrdən qadın heykəlciklərinin

tapılması da qadına olan pərəstişin, ehtiramın göstəricisidir» [1, s. 392]. Məsələn, «Maral» düşərgəsindən tapılmış qadın fiquru buna misaldır. Fiqur oxraya (qırmızı rəngə) boyanmışdır. Mezolit–Neolit dövrünün bitməsi qadına pərəstişi də zəiflədərək, ana nəslinin ata nəslə ilə əvəz edilməsinə səbəb oldu.

Mezolit və Neolit dövrlərinə aid olan insan, heyvan, qrup halında rəqs, birgə əmək, ov və digər səhnələrlə yanaşı, qayıq təsvirləri də Qobustanın o vaxtkı sakinlərinin həyat və fəaliyyəti barədə kifayət qədər məlumat verərək, bizim bu barədə təsəvvürlərimizi bir qədər də genişləndirir. İlk növbədə, Azərbaycanın dəniz gəmiciliyinin yaranma tarixi məlum olur. Alimlər gəmi rəsmlərinə əsasən Azərbaycanda dəniz gəmiciliyinin hələ e.ə. VII–V minilliklərdə mövcud olduğunu söyləyirlər. «İ. M. Cəfərzadənin fikrincə, dəniz nəqliyyatının bu novunun ilk nümunələri neolit dövrünün erkən mərhələlərinə» təsadüf edir [4, s. 217]. Qayıq tipli avarlı gəmi təsvirlərinə daha çox Böyükdaş dağının qaya daşlarında rast gəlmək olur. Özünəməxsus məharətlə çəkilmiş bu şəkillər artıq Neolit dövründə bu ərazidə mövcud olan «dəniz nəqliyyatı», «dəniz gəmiçiliyi» haqqında məlumat verir.

Bizim üçün bu gün daha çox idraki funksiya, daha dəqiq desək, o dövrün tarixini öyrənmək baxımından əhəmiyyətli olan bu təsvirlər, öz zamanında, görünür, insanların estetik tələbatlarını ödəyir, gerçəkliyə estetik münasibətlərini ifadə edirdi. Bir çox müəlliflər bunu təsdiq edir: «Qobustanın qayaüstü rəsmləri ...qədim Qobustan sakinlərinin yüksək estetik duyğularını əks etdirən ibtidai incəsənət abidələridir» [2, s. 74], «qayalarda yüksək zövqlə çəkilmiş qayaüstü təsvirlər “Ovçular zağası” sakinlərinin, təsvirləri çəkən rəssamın incəsənət baxımından yüksək zövqə malik olduğunu göstərir... Qayalarda döymə üsulu ilə təsvirlər... əmək alətlərini bəzəmək... onların yüksək estetik zövqə malik olduğunu göstərir... Qobustanın Mezolit–Neolit dövrü sakinlərinin bədii-estetik səviyyəsinin yüksək olduğunu.. xüsusi qeyd etmək lazımdır... Qədim qobustanlıların bədii-estetik yetkinlik baxımından... incə zövqə malik olduqlarını demək mümkündür. Qobustanın qayaüstü təsvirləri Qobustan sakinlərinin yüksək estetik zövqünü əks etdirən əsl ibtidai incəsənət abidələridir» [1, s. 363, 365, 391, 407, 408].

Bibliqrafiya

1. Azərbaycan arxeologiyası. 6 cildə, I c. – Bakı, 2008.
2. Azərbaycan tarixi. Yeddi cildə. I c. – Bakı, 2007.
3. Baxşəliyev Vəli. Azərbaycan arxeologiyası. – Bakı : Elm, 2007. – 239 s.
4. Mustafayev A. H. Azərbaycanın maddi mədəniyyət tarixi. – Bakı., 2009. – 420 s.

II. FEATURES OF THE MATERIAL CULTURE

АРХИТЕКТУРА БАКУ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

Х. З. Аскерова

*Доктор искусствоведения,
доцент,
Азербайджанская государственная
академия художеств,
г. Баку, Азербайджан*

Summary. This article is devoted to historical excursion of architectural beauties of Baku. Here are analysed the architectural monuments of the end of XIX and the beginning of XX centuries. Especially at that period the city Baku was full of new buildings in eclecticism (fusion style) and modern.

Keywords: Azerbaijan; Baku; architecture; fusion style; modern.

Возникновение и распространение капиталистических производственных отношений на стыке XIX–XX столетий оказало значительное влияние на развитие Азербайджанской архитектуры в целом. В этот период Азербайджанская архитектура начинает развиваться в двух направлениях – на основе композиций зданий, занимающих важное место в архитектурно планировочной структуре жилищ и традиций европейской архитектуры. Основу композиционного строения зданий, сооружаемых местными архитекторами и народными мастерами, составляли традиционные архитектурные корни. Следует отметить тот факт, что в XIX веке в Азербайджане зародились небольшие архитектурные школы, в определенной степени, продолжающие старые традиции. В этот период Азербайджанская национальная архитектура большей частью была представлена культовыми сооружениями (мечети) и зданиями культурно-бытового назначения.

Главные показательные особенности внешнего вида зданий мечетей на территории Азербайджана создали возможность определить местные архитектурные направления, такие, как Баку-Абшерона, Губа-Гусар, Гянджа-Карабах, Шеки-Закаталы, Ленкорань и Нахичевань [5, с. 40–42].

В Баку мечеть Бека (1895 г., архитектор Мухаммед Хашим эл-Бакиви и Мирали эн-наги бин Сеййид Хусеин), мечеть Касум бека (1896 г., архитектор Машеди Мирза Гафар Исмаилов), мечеть Тазапир (1905–1914 гг.), Голубая мечеть (1912–1913 гг.), мечеть М. Мухтарова (1909 г., архитектор всех 3-х мечетей З. Ахмедбеков) – это самые характерные строения своего времени.

Активно действовали наряду с местными архитекторами, также воспитанники европейской школы архитектуры (в основном это были вы-

пускники Петербургского института гражданских инженеров и Императорской художественной академии). Для широкого возрождения национальной архитектуры, способной противостоять стилизации и эклектике, исходящим из европейской архитектуры, в это время в Азербайджане не было соответствующих условий. Укрепление европейской архитектуры в гражданском строительстве и недостаток профессиональных национальных кадров-архитекторов не позволяли широкому распространению национального стиля в местной архитектуре. Плеяду первых профессиональных архитекторов Азербайджана представили Зивер-бек Ахмедбеков, Гасымбек Гаджибабабеков, Мешади Мирза Гафар Измайлов, Мамед Гасан Гаджинский и др. Первым главным архитектором города Баку в советский период становится Зивер-бек Ахмедбеков, гражданский инженер, первый азербайджанец выпускник Петербургского института гражданских инженеров. Под его руководством были воздвигнуты в городе Баку – мечети «Тезе-пир» и «Иттифаг», школа «Саадет», больницы и жилые дома.

В Сальянах построенная в 1860 году, по проекту Г. Гаджибабекова, больница, действовала до начала XX века. Здания театров, построенные во 2-й половине XIX века, были совершенно нового типа конструкции в Азербайджанской архитектуре. Первое здание театра было построено в Шемахе (1858 году, архитектор Г. Гаджибабеков) [5, с. 37].

Однако, в зоне Карабаха традиции европейской архитектуры не смогли пустить глубокие корни. В середине XIX столетия в Карабахе образовалась своеобразная архитектурная школа, а самым видным представителем этой школы был Кербелай Сефихан Гарабаги. Кербелай Сефихан реставрировал в г. Барда комплекс Имамзаде (святыня – 1868 год), в Агдаме мечеть (1868–1870 года), в Шуше Нижнюю мечеть (1874–1875 года), Верхнюю мечеть, или Джума мечеть (1883 год), в нынешнем городе Физули мечеть Хаджи Алекбера (1890 год), в том же районе в селе Хорадиз (1891–1908 года) и в селе Кочахмедли (1906 год) построил сельские мечети и другие строения.

Новые проявления, наблюдаемые в архитектуре Азербайджана, особенно наглядно выразились в застройке Баку. Перенос в 1859 году уездного центра в Баку, и бурно развивающаяся нефтепромышленность, обусловили стремительный рост, превратив столицу нашего государства за короткий период времени в один из крупнейших городов.

На рубеже XIX и XX вв. Баку переживает архитектурный бум. Нефть привлекала в город не только всякого рода искателей приключений, безработных, предпринимателей, но и лучших в Европе архитекторов, мастеров, у которых была прекрасная возможность претворить в жизнь самые смелые идеи. Заработанные миллионы меняли образ жизни промышленников, меняли и облик города. Соперничая друг с другом, бакинские миллионеры строили дома один величественней другого, административные здания, школы, театры, благоустраивали город. Поэтому в Баку можно встретить

множество домов самых разных стилей. Все формы модерна в Баку, как и, например, в Риге или в Санкт-Петербурге, пришли из Западной Европы.

Использовавшиеся при строительстве зданий архитектурные стили и приемы были самыми разнообразными и зачастую зависели не от профессионализма архитекторов, а от прихоти заказчика. В Баку появляются сооружения в стиле «неоренессанса», «неоготики», «необарокко», «классицизма», «ампир», «модерн». Строятся здания в псевдовосточном, так называемом «мавританском» стиле [6, с. 18].

При внешней пестроте эклектика в целом обладала определенным единством основных принципов и художественного языка. Она и была архитектурным методом и стилем эпохи нефтяного бума в Азербайджана.

Яркий период эклектики совпадает с периодом бурного развития капитализма в Азербайджане. Строительная деятельность в столице резко активизируется, достигая своего апогея на рубеже XIX–XX столетий. Для архитектуры эклектики были свойственны новые качества: богатство и насыщенность декора, подчеркнутая репрезентативность форм, символизирующие благосостояние нового заказчика и потребителя – буржуазии. Теперь нередко соединялись элементы различных исторических стилей в одной композиции, на одном фасаде.

В становлении архитектурного облика Баку на рубеже XIX–XX вв. большая роль принадлежит зарубежным архитекторам. Именно под их руководством были воздвигнуты такие неповторимые архитектурные шедевры – как здание Президиума Академии Наук («Исмаилийе») (арх. И. Плошко), Дворец бракосочетания (арх. И. Плошко), здание Исполнительной власти города Баку (арх. И. Гославский), Национальный Музей Искусств (особняк де Бура) (арх. Н. Фон дер Нонне), здание Театра Оперы и балета (театр братьев Маиловых) (арх. Н. Баев), Национальный Музей Истории (особняк З. Тагиева) (арх. И. Гославский), здание Сабунчинского вокзала (арх. Н. Баев), Кирха (арх. А. Эйхлер), здание Союза Архитекторов Азербайджана (особняк Ага-Балы Гулиева) (арх. Е. Скибинский) и др. [1, том IV].

Использование элементов так называемых «исторических» архитектурных стилей (неоренессанс, необарокко, неоготика, неомавританский стиль) называют эклектикой в азербайджанской практике. Эклектике присущи, с одной стороны, все черты европейской архитектуры XV–XVIII вв., а с другой – в ней есть принципиально другие свойства. Эклектика сохраняет архитектурный ордер, но в ней он утратил свою исключительность.

Каждый стиль порождается определенной эпохой, вместе с ней эволюционирует и отмирает или же переходит в иной стиль, во многом от него отличающийся и складывающийся еще в его пределах. Эклектика основывалась на произвольном сочетании приемов и форм различных исторических стилей и свободном выборе, соединявшихся с современным функционально-планировочными решениями.

В Баку до сих пор сохранились здания, которым эклектика, порожденная смешением различных стилей, придала неповторимые своеобразие и оригинальность.

В городе построено было более 80 зданий разного назначения, архитектура которых отличалась стремлением к созданию одновременно и эстетически красивых, и функциональных построек. Большое внимание уделялось не только экстерьеру, но и интерьеру. Все конструктивные элементы: лестницы, двери, столбы, балконы – художественно обрабатывались. Минимум прямых линий и углов в пользу более естественных, «природных» линий, использование новых технологий и конструктивных материалов – металл, стекло.

Несмотря на разнотилье здания объединяли высокое качество выполнения строительных работ, верно найденный масштаб. Отличительная черта модерна в Баку – использование всех конструктивных и художественных особенностей местного известняка, а также отделочных материалов, таких, как фактурная штукатурка, облицовочный кирпич разных оттенков и керамическая плитка, определяющие тектоническую структуру фасадов. Отсюда монументальность и законченность архитектурного образа построек в стиле модерн и их единство со зданиями других стилевых систем благодаря общности облицовочного материала, элементов и деталей европейской классической архитектуры, что способствовало формированию индивидуального художественного облика города.

Город Баку из тех город в мире, в котором прекрасно сочетаются и живут в некоем тандеме прошлое, настоящее и будущее. В целом, касаясь архитектуры Баку периода капитализма, следует отметить тот факт, что за относительно короткий исторический срок Баку переживает один из самых бурных периодов своего развития. Благодаря труду и таланту зодчих и строителей, создавших его, Баку обретает оригинальный и неповторимый облик, заслуженно снискавший ему славу «Парижа Востока».

Библиографический список

1. История Азербайджанской архитектуры. I–V тома. – Баку, 2013.
2. Бретаницкий Л. С. Баку. – Л. : Искусство, 1970.
3. Усейнов М., Бретаницкий Л., Саламзаде А. История архитектуры Азербайджана. – М. : Госстройиздат, 1963.
4. Саламзаде А. Архитектура Азербайджана XVI–XIX вв. – Баку, 1964.
5. Фатуллаев Ш. С. Градостроительство и архитектура Азербайджана 19 – начала 20 века. – Л. : Стройиздат, 1986.
6. Фатуллаев Ш. С. Архитектурная энциклопедия. – Баку, 1998.

ЎРТА ОСИЁ ХАЛҚЛАРИ МИЛЛИЙ ЛИБОСЛАРИ: “ЛОЙИХАЛАШ МАДАНИЯТИ”НИНГ КОМПОНЕНТИ СИФАТИДА

Ф. С. Ибрагимова

*Катта илмий ходим-изланувчи,
Абу Райхон Беруний номидаги Тошкент
Давлат техника университети,
Тошкент, Ўзбекистон,*

Summary. This article analyzed the achievement of the tradition of the costume during the cultural development of the peoples Central Asia in the “Culture of Design”.

Keywords: culture design; tunic tailoring; terracotta figurines; antique and early middle age – old costumes; cultural areal; detailing.

Хар бир миллатнинг этник тарихи мобайнидаги лойихалаш маданияти ютуқлари сирасига кирувчи миллий либосларнинг конструктив ечимлари ва безаклари, уларнинг бошқа миллатлардан фарқланувчи ўзига хосликлари – ижтимоий муносабатлар доирасида ҳам, табақалар даражаси рамзий ифодаси ва шу билан бир қаторда – ғоявий, рухий, эстетик ўзига хосликларида ҳам ўз аксини топади. Шу маънода этнографияда либослар миллатнинг этник маданияти компонентлари сифатида маданий юксалиш жараёнларини ўрганиш воситаси сифатида ёритилаётган мавзунинг долзарб эканлигини кўрсатади.

“Миллий”, “этник” ёки “этнографик” иборалари – мазмунан луғатларда қайд этилишича, ўзаро синонимлар ҳисобланади. Этнос бу – миллат. Либослар маъносида, миллий либос этнографик либос эмасми – деган савол пайдо бўлади, аммо ҳозирги маъносида улар ўзаро фарқланадилар. Яхлит бир миллат доирасида унинг учун умумийлик касб этган элементларни ўзида мужассам этган либослар – миллий либослар ҳисобланади. Аксинча, маълум бир миллатнинг ундаги бирор қавм ёки гуруҳига хослик кўринишидаги либослар – этнографик ўзига хосликни касб этади.

Миллий либосларнинг асосий вазифаси, уларнинг ушбу ҳудуд табиий иқлимга мос ҳолда яратилганлиги билан чамбарчас боғлиқдир. Миллий либосларимизнинг ёзда иссиқ, қишда совуқ иқлим шароитига мослашиш жараёнларида шаклланган тўғри ва эркин бичимдаги хусусиятлари, инсон жуссаси учун сунъий микроиқлим ҳосил қилган ҳолда турлича иқлим ўзгаришлари шароитларида меҳнат қилишга мослашувда ўзининг ижобий хусусиятларини шакллантирган. Маълумки, этнографияга оид адабиётларда Ўрта Осиё халқлари либос маданияти яхлит тарзда соддалаштирилиб, либослар “туниксимон” бичимга эга ибораси билан ифода этиб келинади. Ваҳоланки, Марказий Осиё номи билан аталадиган ҳудуд аҳолиси этник таркиб жихатидан турли гуруҳлардан иборат бўлиб, турмуш тарзи ҳам шунга мос тарзда кечган, уларнинг ашёвий маданият

даражаси ҳам, “лойихалаш маданияти” боис эришилган ютуқлари ҳам турлича. Шу даврга қадар яратилган либос тарихига оид илмий адабиётларда мазкур ҳудуд аҳолисининг кийим-кечакларига – “Ўрта Осиё халқлари миллий этнографик либослари” атамаси қўлланилиб келинади. Оқибатида, ушбу халқлар либосларига яхлит тарзда – “туниксимон” либослар сифати берилади. Ваҳоланки, ушбу халқлар этник таркиби ва улардаги этник компонентлар турлилиги жиҳатидан фарқланадилар. Бу ҳақида “Ўрта Осиё либосларида ўхшашлик бўлган халқларни уч гуруҳга ажратиш мумкин: биринчи гуруҳга тожиклар ва ўзбеклар; иккинчисига туркманлар; учинчисига – козоқлар, қирғизлар ва қорақалпоқлар киради” деб қайд этилади. Энг муҳими ушбу халқлар антропологик жиҳатдан фарқланишларини ҳам инобатга олмоқ лозим: “Тожиклар ва ўзбеклар ўтроқ халқлар доирасига киритилади; туркманлар ярим ўтроқ ҳаёт тарзини юритиб келганлари қайд этилган; козоқлар, қирғизлар ва қорақалпоқлар эса тарихда кўчманчилик ҳаёт тарзини юритиб келганлар”. Оқибатида уларнинг ижтимоий турмуш тарзи боис, шунга мос равишда ашёвий маданият даражасини ҳам белгилаб берган: “Уларнинг ижтимоий турмуш тарзи турлилиги, этник компонентларда – уй жой, одатлар, куй – мусиқа, фольклор, зеб – зийнат, нақшу нигорлар ҳамда либосларидаги фарқланишларни юзага келтирган” [6, с. 313].

Ўтроқ миллатлар сифатида ўзбек ва тожикларнинг “лойихалаш маданияти” компонентлари ва турмуш тарзида ён қўшниларига нисбатан маълум бир фарқланишларни ҳам юзага келтирган. Суғоришга мослашган деҳқончилик маданиятини юритганликлари боис, уларда суғориш тизимини йўлга қўйиш зарурияти пайдо бўлган. Тарихдан маълумки, қадимги даврларда ўтказилган, ҳозирда каналлар деб аталадиган ирригацион шохобчалар ҳозирга қадар миллатимиз фаровон ҳаётини таъминлаб келмоқда. Бу ҳақидаги маълумотда “Ўзбекистондаги ажойиб суғориш тизимининг ижодкори сўғдлар эдилар” деб таърифланади [8, б. 98].

Бундай суғориш иншоотлари ўлкамизда аждодларимиз сўғдларнинг илк даврларда шакллантирган “Лойихалаш маданияти” даражасининг кўрсаткичи ҳисобланади. “Лойихалаш маданияти” ҳозирги кунда “дизайн” номи аталадиган соҳанинг дебочаси маъносида халқининг маданий юксалиши мобайнидаги эришган беқиёс ютуқларининг яққол ифодаси ҳисобланади. Лойихалаш маданиятининг яна бир ажойиб маҳсули сифатида ҳозирда ҳам мавжуд бўлган турли иншоотлар, ва айниқса конструктив жиҳатлари қадим даврларга бориб тақаладиган кўш синчли турар жой бинолари, улардаги қобикқа хослик хусусияти боис хона ҳарорати – ёзда салқинлик, қишда эса илиқлик бериб, синчларнинг конструктив тизими жиҳатидан тез-тез зилзилалар бўлиб турадиган ҳудуд учун беқиёс иншоот лойиҳасидан ҳисобланади. Ёки, турли иншоотлар – мадраса ва масжидлар биноси томонлари ўлчамининг нисбатлари мутаносиблиги, улардаги гумбаз, ровоқ, пештоқлар ҳамда ўсимлик ва

геометрик нақш безаклари, бундай безаклар ва гумбазлар лойиҳалашда геометрияга хос – доирани нафақат тўрт ёки беш, балки тенг тақсимланиши мураккаб бўлган етти, тўққиз, ўн бирга тақсимлаш, ва айниқса, барчасининг “олтин кесма” қонуниятига мос эканлиги, биздаги мавжуд “лойиҳалаш маданияти”нинг бекиёс ютуқларидан ҳисобланади.

Юртимиздаги археологик тадқиқотларда аниқланган либос топилмаларига доир маълумотларда: “Илк ўрта асрларга мансуб Мунчоктепа қабристони (V–VII асрлар) шов – шувга сабаб бўлди. ... шойи ва пахта матоларидан тикилган либослари билан дафн қилинган одамлар жасади топилди. Сақланиб қолган парчалар либосларнинг нафақат ташқи кўриниши, балки бичимини ҳам тасаввур қилиш имконини беради. ... илк ўрта асрларда либослар енгсиз ва енг учун ўйилган ўмизли сингари икки хил усулда бичилган. Бундай бичим аёл либосини танага ёпишиброқ туришини таъминлаган” [8, б. 19]. (Аввалги даврлар либосларига ашъвий маданият компоненти сифатида қаралмаганлиги боис, қадим ва ўрта асрлар либослари бизгача етиб келмаган. Бу борада ўтган давр либослари қиёфасини тиклаш тадқиқотчилардан катта маъсулият талаб этади: “Либослар ҳақидаги турли ёзма маълумотлар: ёзма – тарихий, адабий ва фольклор манбалари жиддий тадқиқот учун етарли эмас. Археологик қазилмалар мобайнида очиладиган топилмалар орасидаги либос қолдиқлари муаммони тўлиқ ҳал қила олмайди” [4, с. 18].

Аввалги даврлар юртимиз аҳолиси либослари силуэти, шакли ва бичими бўйича конструктив жиҳатларини махсус тадқиқот жараёнида ўрганиб чиқиш долзарб муаммолардан ҳисобланади. “Туниксимон” дейилувчи либослар, мамлакатимизда ўрта асрларда, яъни милоднинг VIII асридан ислом динидаги шариат талабларига мос, аёл жуссани қопсимон эмас, балки “ҳижобий” шаклда беркитиб турувчи – “ёпинчиқ” маъносидаги либос сифатида пайдо бўлган. Кейинги – юртимиз ўрта аср даври либос тарихида бундай – “туниксимон” дейилувчи либосларга кийиниш доим ҳам одат тусини олмаган дейиш мумкин.

“Ёпинчиқ” кўринишидаги либослар устки кийим шаклига тааллуқли бўлиб, кўйлақлар маъносида, наҳотки кейинги даврларда ҳам илк ўрта асрлар либос лойиҳалаш анъаналари давом этмаган бўлса. Маълумки, аёллар ўз гўзалликлари, айниқса қоматлари келишганлигини намойиш этишга мойил бўладилар. Бу ҳақида “XVII аср бошланиши ва биринчи чорагида либослар болдиргача (ташқи либос) узайтирилади. Мазкур даврда калтача узунлиги сон ўртасига келади, ўмизи чуқур ўйилиш пайдо қилиб, вертикал чок ҳам сон ўртасига чўзилади ва юбкада кесим пайдо бўлади. ... Бу даврдаги либосларда – чоклар ҳисобига баданга мослашув (приталеный) пайдо қилади. XVII асрнинг 40 йилларида ҳинд либосларининг Бухорода мода сифатидаги таъсири кўзга ташланади” [8, с. 28] (Бобурийларнинг Ҳиндистонни эгаллагандан сўнг ўзаро мулоқотлар жадаллашуви оқибатида ҳинд либосларига тақлид нафақат Бухоро, балки

яхлит ҳудуд бўйлаб урфга айланади, шуниси эътиборга лойиқки ҳинд либосларидаги баданга мослашув, ички либосларда Кушон давридаги сингари бизда қайтадан либос лойиҳалаш анъаналарини шакллантирди).

Миллатнинг этник тарихи мобайнидаги лойиҳалаш маданияти ютуқлари сирасига кирувчи миллий либосларнинг конструктив ечимлари ва безаклари, уларнинг бошқа миллатлардан фарқланувчи ўзига хосликлари - ижтимоий муносабатлар доирасида ҳам, табақалар даражаси рамзий ифодаси ва шу билан бир қаторда – ғоявий, руҳий, эстетик ўзига хосликларида ҳам аксини топганини кузатиш мумкин. Шу маънода этнографияда либослар миллатнинг этник маданияти компонентлари сифатида маданий юксалиш жараёнларини ўрганиш воситаси эканлиги билан белгиланади.

Табиийки, лойиҳалаш маданияти шаклланиб улгурган ўлкада либос лойиҳалаш даражаси ҳақида ҳам ўринли савол пайдо бўлади. Этнография адабиётларидаги асоссиз маълумотларга мос тарзда: “Либосларнинг туниксимон бичими қадимда пайдо бўлган бўлиб, ҳозирги даврда, масалан, эскимослар ва Ўрта Осиё халқлари либосларида сақланиб қолган” дейилади [7, с. 8]. Бундай таърифни юртимизда ижтимоий ҳаётнинг турли соҳаларида қадимдан самарали ютуқлари билан жаҳон тамаддуни ривожига салмоқли ҳисса қўшган ва қолаверса, ҳозирги кунда дизайн атамаси билан юритиб келинаётган соҳанинг бой меросига нисбатан юзаки таҳлили сифатида баҳолаш мумкин.

Аввалги даврлар либосларига ашъвий маданият компоненти сифатида қаралмаганлиги боис, нафақат антик давр ва илк ўрта асрлар, балки ўрта асрлар либослари ҳам бизгача етиб келмаган “Археологик қазилмалар мобайнида очиладиган топилмалар орасидаги либос қолдиқлари ҳам муаммони ҳал қила олмайди” [3, с. 18]. Аммо антик давр ва илк ўрта асрлар машхур деворий рангтасвирлари ёдгорликлари бўлган Панжикент, Болалик тепа, Варахша, Тупроққала ва Афросиёб рангтасвири персонажлари либослари ва ўрта асрлар китобот санъати – миниатюралардаги персонажлар либос тасвирлари юртимиз тарихидаги ўтган даврлар кийим-кечакларининг силуэти ва конструктив жиҳатларини тиклашдаги аҳамияти беқиёс “Миллий либослар тарихини ўрганиш бўйича энг яхши манба, аввало ўша давр либос намунаси, аммо у жуда камдан – кам ҳолда учрайди. Бундай топилманинг ёлғиз ўзи ўша давр либоси ҳақида тўлиқ тасаввур беролмайди. Шу маънода етарли маълумотни маҳобатли рангтасвир, ҳайкалторошлик асарларидан олиш мумкин, бунда тасвирий санъат соҳасининг бошқа турлари: терракота ҳайкаллари, металл ашъ юзасидаги тасвирлар ва ҳ.к. шартли тасвирлар сифатида етарли аҳамият касб этмайди” [4, с. 19].

Кейинги вақтларда қадимий даврлар – антик ва илк ўрта асрлар кийим-кечаги ва либослари шаклини, ўлкамизда топилган деворий суръатлар асосида тиклаш бўйича таҳлилий изланиш натижалари бирин –

кетин эълон қилина бошланди. Бундай таҳлилий изланишлар сирасига кирадиган ишлардан бири, бу Н. Лобачеванинг “Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи по данным стенных росписей” тадқиқоти деб айтиш мумкин. Ушбу мақолада “VI–VIII асрларга тааллуқли Панжикент, Варахша, Афросиёб деворий суръатлари персонажлари либослари тавсифи ҳақида археологлар ҳам ўз фикрларини билдирганлар. Аммо, уларнинг бу борадаги тадқиқотларида либослар генезиси ва эволюцияси масалалари эътиборларидан четда қолган” деб таъкидланади [4, с. 20]. Тадқиқотчининг ўзбек ва тожик миллий либослари генезиси ва эволюцияси бўйича мазкур тадқиқоти машҳур археологик ёдгорликлардан бўлган деворий суръатлар - Болаликтепа, Ажинатепа, Шимолий Афғонистон ёдгорликлари ҳамда Панжикент, Варахша, Афросиёб сингари беқиёс меъморий ансамблларнинг деворий суръатлари персонажларида тасвирлаган либослар мисолида таҳлил этилган эканлиги қайд этилган “...уларнинг барчаси Тохаристон ва Сўғд ҳудудида жойлашган илк ўрта асрлар тарихий маданий ареалига тааллуқли бўлиб, тожик ва ўзбек миллатлари шаклланиш ҳудудига киради” [4, с. 20]. Ва тасвирларда турли ижтимоий қатлам кийим-кечаклари тасвирлари мавжудлиги билан аҳамиятли эканлигини кўрсатиб ўтилади “Ёдгорликлар ўзида ушбу миллатлар тарихидаги давр сифатида илк ўрта асрларни қамраб олган ва деворий суръатлардаги персонажлар либослари айнан шу даврга хосликни намоён этади, маҳобатли рангтавир асарлари мавзулари одатдагидек илк феодал жамиятнинг аристократик қатлами ва уларнинг яқинлари – аёнлар либослари: ҳарбийлар, руҳонийлар, хизматкорлар тасвирларида ўз ифодасини топган. Асарларда ўша давр жамиятининг турли даражадаги ижтимоий қатлами кийим-кечаклари ҳам мавжуд” [4, с. 21].

Демак, тасвирларда ижтимоий тафовутга доир табақалар кийим – кечаклари шакли ва силуэтини ҳам аниқлаш имконияти мавжуд. Шу билан бир қаторда мазкур ёдгорликлардаги суръатларда: “Эркаклар либослари тасвирлари кўплигига қарамасдан, аёллар либослари ҳақида ҳам тасаввур пайдо қилиш имконияти бор. Турли ҳудудлардаги деворий суръатлар улардаги аҳоли либосларининг локал ва этник ўзига хослиги ҳақида ҳам фикр юритиш имкониятини беради” дейилади [4, с. 21]. Ҳамда устки либос тасвирини тўлиқ ва мукамал тарзда ёритар экан, ички либос ҳақида ҳам маълумотлар беришга интилади. Аммо, бизнинг фикримизча муаллифнинг ушбу ҳудудда мавжуд бўлган либос лойиҳалаш маданиятига алоқадор ички либос ҳақидаги мулоҳазаларида, бу борада аёллар ички либосларидаги деталлаштириш ва белга мослашув сингари жиҳатлар унинг эътиборидан четда қолган. Деворий суръатларда тасвирланган эркаклар ва аёллар либослари асосан устки либос намуналари сирасига киради. Ўз-ўзидан маълумки, ҳозирги кунда ҳам истеъмолда бўлган устки кийимларнинг конструктив хусусиятлари қадимдаги сингари – пальто, плащ, курткалар бичими жиҳатидан туниксимон, тўғри бичимли, тўғри

ёқа, қайтарилган ёқа, белбоғ сингари либос атрибутларидан ташкил топади.

Маълумки, ҳудуди жиҳатидан “Буюк ипак йўли” чорраҳасида жойлашган ўлкамиз тарихи ҳақида “Ўзбек халқининг юзага келиш масаласи ҳақида” китобида куйидагиларни айтади: Ўзбекистонга озмунча истилочилар келиб кетмади. Улар эса бу ерда ўзларининг чуқур сиёсий, маданий ва этник илдизларини қолдирдилар, македониялик Искандар юришлари натижасида Юнон – Бактрия подшолиги майдонга келди. Милоддан аввалги III ва II асрларда мавжуд бўлган Суғд ўлкаси шу подшоҳлик таркибига кирган эди. Сўнгра эса, Кушонлар милоддан аввалги II асрда Ўзбекистон тупроғига кириб, ўша аср ярмидаёқ Амударёдан ўтдилар ва милоддан аввалги 136 йилда Юнон – Бактрия подшоҳлигини забт этдилар, орадан бир қанча вақт ўтгандан сўнг кушонлар катта бир давлат туздилар. Унга Ўзбекистоннинг кўпчилик қисми, Суғд ўлкасининг ҳаммаси бу давлат таркибига кирганди” дейилади [9, б. 98].

Ўрта Осиё халқлари тарихида аҳамиятли ўринга эга бўлган тохарлар таркибидаги қабилалардан бирининг номи билан аталган, хитой манбаларида эса, “Юэчжи” сифатида таъриф этилган – кушонлар: “Хукмронлиги эрадан аввалги I асрнинг охиридан IV асргача бўлган даврни қамраб олади. Кадфис II (эрамизнинг 47–78 йиллари) подшоҳлиги даврида Ҳинд давлатининг шимоли – ғарбий ҳудудларини забт этилди. Ундан кейинги Канишка даврида эса кушонлар Ҳиндистонни тўлиқ эгалладилар” [9, с. 64]. Гигант Кушон империясининг қоқ маркази Ҳиндистон ва Ўрта Осиё қисмининг ўртасида бўлган Пурунафурда (Пешовар) империя пойтахти жойлашган эди: “Кушон империяси ҳукм сурган даврда шартли ном билан аталувчи Гандҳар санъати пайдо бўлди” [9, с. 76]. Ушбу давр мобайнида Кушон салтанати ўлкамизда ҳам, яхлит ҳудуд маъносида “Гандҳар” санъатининг ўзига хосликларини шакллантирди ва либос лойиҳалаш маданияти ҳам ундан четда қолмаган эканлигини юртимиздаги илк ўрта асрлар тасвирий санъати Кушон канонлари доирасида эканлигидан англаш мумкин. Оқибатида ҳудудий жиҳатидан яхлит Кушон салтанатида шаклланган ва бизда ҳам “удумда” бўлган либос лойиҳалаш тенденциялари юртимизда “урф”га айлангани ва ўзига хос лойиҳалаш тенденцияларини ҳам келтириб чиқарганини биздаги мавжуд деворий суратлар ва ҳайкалтарошлик асарларидаги персонажлар либослари тасвирларида ҳис этиш мумкин. Шу маънода ушбу – яхлит ҳудуд доирасида тасвирий санъат асарларида либос лойиҳалашда шаклланган анъаналар ва кийим-кечак тасвирларида “костюм” маъносидаги либослар генезисини ҳам кузатиш мумкин.

Аввал айтганимиздек Н. Лобачева тадқиқотида билдирилганлар асосан устки либос тавсифи бўлганлиги сабабидан, унда айтилган либослар хусусияти, дарҳақиқат: тўғри бичимли, тик ёки қайтарилган

ёқали либослар ва уларнинг нақшинкор безаклари етарли даражада тўлик ва мукамал тарзда ёритилган.

Маълумки, либос лойиҳалаш маданиятининг асосий белгилари, аввал айтиб ўтганимиздек, шубҳасиз ички либосларда ўз ифодасини топади. Шуниси эътиборлики, юқорида қайд этилган деворий суръатларда ушбу ҳудудда мавжуд бўлган кийим-кечак ва айниқса ички кийимлар ҳақида ҳам тасаввур ҳосил қилиш имконияти мавжуд: Бу борада деворий суратлардаги кийим – кечаклар бўйича таҳлил шуни кўрсатадики, аввало, тасвирлардаги либослар “туниксимон” яхлит эмас. Балки икки қисмдан иборат – яъни таҳлил этилаётган тарихий либосларда деталлаштириш мавжудлигини – белга мослашган бичимга эга бўлган икки алоҳида елка кийими ва бел кийимлари тасвирлари орқали англаш мумкин.

Масалан – Панжикентнинг VII асрга тааллуқли рангтасвиридаги “Арфа чалаётган аёл” суратида елка кийими белни ёпмаган, белдан юқорида, юбка эса белга ёпишган – қориннинг киндик ва бўкса қисми очик (худди ушбу аср илк йилларда урфга айланган “мода” сингари). Мазкур “Арфа чалаётган аёл” суратидаги аёл қоматининг елка кийими тасвирида либоснинг ўтказма енг бичимига хос белгилар мавжудлиги эътиборга молик бўлиб, унда енг ўмизи бўйича дурлар билан безатилган декоратив элементлар бетакрор либос намунасини шаклланишига хизмат қила олганлигида кўзга ташланади.

Дурлар билан безатилган юбкада эса, ҳалқа шаклидаги белбоғ ҳам мавжуд. Панжикент суратларида тасвирланган либослардаги “белга мослаштирилган силуэт”ни нафақат рангтасвир, балки ҳайкалтарошлик асарларида ҳам кузатиш мумкин.

Афросиёб деворий суръатларидаги “Қайиқда саёҳатга чиққан аёллар” рангтасвирида аёлларнинг кўйлақларида кўкрак бурма бичимга эга конструктив белгиларнинг аниқ тасвири, ҳамда ундан пастга тушаётган тахламалар либос лойиҳалаш маданиятининг аниқ далилига айланади. Бу ҳақида “11 тасвир. Қайиқ марказида баланд кокеткага эга бўлган ва кокеткаси остида кенг сариқ тасмали қизил рангли либосда ўлтирган аёл тасвирланган. Кўйлакнинг олд кўкрак қисмидаги сариқ тасма остидан эса, унга нисбатан вертикал жойлашган икки қизил, мовий, ҳаво ва сариқ рангли тасмалардан иборат бўлган мато парчаси мавжуд” деб ўша давр либоси тавсифланади [1, с. 67]. Сўнгра олим суратдаги образлар қоматидаги ташки либос сирасига кирувчи халат тавсифига ҳам тўхталиб ўтади: “Кўйлак устидан олди очик халатининг

узун ва кенг қора “тасмали” енгида (ритмик такрорланувчи) сариқ гуллар марказида қизил ҳол шаклдаги нақшинкор безакли мато унинг чекка қайтармаларида ҳам енгидаги сингари шундай нақшинкор безакли мато билан (безак сифатида) тикиб чиқилган.

Сўнгра олим суратдаги образлар қомагидаги ташқи либос сирасига кирувчи халат тавсифига ҳам тўхталиб ўтади: “Кўйлак устидан олди очик халатининг узун ва кенг қора “тасмали” енгида (ритмик такрорланувчи) сариқ гуллар марказида қизил ҳол шаклдаги нақшинкор безакли мато унинг чекка қайтармаларида ҳам (безак сифатида) тикиб чиқилган” [1, с. 67].

Тупроққалъа ёдгорлигидаги эрамизнинг III асрига тааллуқли деворий сурат фрагментидаги елка чизиғи бўйлаб келаётган конструктив бичимга хослик ўз навбатида, ўтказма енг бичимини ҳамда ушбу енг қисмида мураккаб тахламлар ҳосил қилинишида ўз ифодасини топади ва бу миллатимиз либос маданиятининг этник илдизлари қадимги даврларга бориб тақалишининг ёрқин исботига айланади.

Библиографик рўйхат

1. Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. – Т. : Фан, 1975.
2. Булатов М. С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии. – М. : Наука, 1978.
3. Декоративно-прикладное искусство Узбекистана. – Т. : Гафур Гулям, 1972.
4. Костюм народов Средней Азии. – М. : Наука, 1979.
5. Крюков К.С. Пропорции в архитектуре. – Т. : Мухаррир, 1995.
6. Козлова Т. В. Основы теории проектирования костюма. – М. : Легпромбытиздат, 1998.
7. Основы этнографии. – М. : Высшая школа, 1968.
8. Раҳимова З. XIX аср охири – XX аср боши Фарғона аёллари анъанавий либоси // Санъат. – Ташкент, 2015. – № 3.
9. Тюляев С. И. Искусство Индии. – М. : Наука, 1968.
10. Якубовский А. Ю. Ўзбек ҳалқининг юзага келиши масаласи ҳақида. – Т. : УзФан, 1941.

САМЫЕ НЕОБЫЧНЫЕ МУЗЕИ РОССИИ

Е. В. Иванова,
О. В. Ищенко

*Кандидат философских наук, доцент,
студент,
Институт сферы обслуживания
и предпринимательства (филиал),
Донской государственной
технической университет,
г. Шахты, Ростовская область, Россия*

Summary. In this article there is a question of a possibility of domestic tour operator to offer excursions in the unusual museums, without offering departure abroad. About such unusual museums of Russia the speech in this article will also go. However no stories will be compared to impression, having visited any of the unusual museums of Russia.

Keywords: museum; unusual museums; tourists; Russia.

Когда звучит слово «музей», у большинства из нас возникают ассоциации с местом, где выставлены многочисленные картины и прочие экспонаты. И далеко не всегда они могут быть интересными. Мы привыкли к тому, что экскурсоводы нагружают посетителей большим количеством научной информации, понятной только специалистам. Но стереотипы, как известно, ломаются, и все популярнее становятся, так называемые, необычные музеи. В них посетителя подстерегает масса самых неожиданных сюрпризов, которые вовсе не ожидаешь встретить в музее. Это не совсем простые произведения искусства, а весьма экстравагантные. Именно о таких музеях и пойдет речь в данной статье.

Любому человеку всегда интересно увидеть что-то оригинальное и необыкновенное, такое, которое не везде найдешь. Необычные музеи привлекают посетителей именно этим. Любителям сладостей будет интересно побывать в Музее Шоколада, а любителям мистики в Музее Колдовства. Но все эти музеи находятся за чертой Российской Федерации. В связи с сложной геополитической обстановкой в мире, снижения темпов выездного туризма возникает закономерный вопрос: а может ли отечественный туроператор предложить экскурсии в необычные музеи, не предлагая выезд за рубеж [2]? Многим кажется, что на Родине и посмотреть ничего необычного нельзя – за яркими впечатлениями непременно надо ехать за границу. Однако в России есть немало необычных музеев, которые развенчивают этот стереотип. Например, Музей суеверий русского народа. При посещении данного музея можно будет встретить персонажей, знакомых еще с детства – Лешего, Бабу-Ягу, Кикимору и еще более ста необычных и удивительных существ, которые существовали в мире фантазий наших предков. Сегодня эти герои вырезаны из дерева и обитают в «Янтарном замке», расположенном в заповеднике «Куршская коса» в Калининград-

ской области. Посещение такого музея запомнится надолго взрослым, а особенно – детям.

Или же частный Музей граммофонов и фонографов. Эта коллекция разместилась в обычной городской квартире, она считается третьей в мире по числу уникальных аппаратов. Стоит отметить, что все экспонаты находятся в рабочем состоянии. Иногда в музее устраивают музыкальные вечера, посвященные прослушиванию старых пластинок прошлого и позапрошлого века. Музей, расположенный в Санкт-Петербурге, основал Владимир Дерябкин, бывший клоун, цирковой артист и дрессировщик. Посещение музея можно осуществить только по предварительной договоренности.

Привлекает внимание также Музей русской водки. В данной экспозиции представлено 800 сортов продукции, 80 ликероводочных российских заводов и иностранная продукция. Также в музее можно увидеть и различные самогонные аппараты, а также первую механизированную машину для разлива алкоголя. Туристам предлагается взглянуть на старинные бутылки и разнообразные этикетки. Также предлагается и дегустация «хлебного вина». Сам же музей расположен в Угличе.

Любителям археологии и биологии будет интересен Музей мамонта. Для того чтобы посетить его, придется спуститься на глубину в 20 метров, где в вечной мерзлоте вырублена пещера. Именно тут, в холоде, хранятся останки животных, проживавших на Таймыре 20 тысяч лет назад. В музее можно увидеть коллекцию костей мамонтов, их бивней, куски шкур и тел этих удивительных и давно вымерших животных. Сам же музей находится в далеком Якутске.

Самый светлый музей в России – это Музей солнца. Этот музей расположен не в месте поселения индейцев в Южной Америке, а в нашем Новосибирске. Выставка освещена даже в непогожие дни – ведь в ней содержатся сотни изображений нашего солнца, которые и разгоняют ненастья. В музее представлены многочисленные образы солнечных богов, солярные знаки, мифы и сказки, посвященные солнцу, а также гимны. Интересно будет и взглянуть на изделия мастеров прикладного творчества, которые лишней раз напомнят, что все мы – дети солнца. Всего в музее находится более полутора тысяч посвященных нашей звезде экспонатов [1, с. 257].

И это далеко не весь перечень необычных музеев России, но если рассказывать о каждом даже по чуть-чуть, то придется выпускать отдельный двухтомник немалой толщиной. Но никакие рассказы не сравнятся с впечатлением, которое вы можете получить, посетив любой из необычных музеев России.

Библиографический список

1. Миф или реальность? URL: http://www.molomo.ru/inquiry/museums_russia.html, (дата обращения: 21.03.2016)

2. Шарковская Н. В. Социокультурные институты – деятельностная основа социально-культурной активности личности // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2008. – № 10. – С. 257–261.

III. ENVIRONMENTAL VIEWS AND ATTITUDES REGARDING THE NATURE OF THE PEOPLES OF EURASIA

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ АРКТИКИ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Д. Д. Барамидзе

*Аспирант,
Саратовская государственная
юридическая академия,
г. Саратов, Россия,*

Summary The sustainable development and environmental safety of Arctic is not only a domestic problem, but also a specific global problem of XXI century. The author of the article consider Russian national target programs and international environmental cooperation in Arctic region. Great role of international organizations such as Arctic Council is emphasized. Key words: Arctic, national and international legislation, international organizations, sustainable development, environmental safety, Arctic Council.

На сегодняшний день во всем мире огромными темпами возрастает интерес в освоении и развитии Арктики – северный район, включающий морскую часть Северного Ледовитого океана и сухопутную часть арктических государств [1]. В первую очередь, развитие Севера связано с проведением геологоразведочных работ по поиску месторождений углеводородов, с их дальнейшей разработкой и добычей полезных ископаемых – нефти и газа. Необходимость проведения поисковых мероприятий по определению количества и качества залежей нефти и газа продиктовано сокращением запасов в других регионах [2].

Столь резкое развитие и освоение Арктики предполагает также негативные последствия, выражающиеся в увеличении антропогенной нагрузки на регион, возрастании риска появления неконтролируемых выбросов загрязняющих веществ в окружающую среду, деградации уникальных экосистем Арктики, способных привести к гибели флоры и фауны, а также оказать негативное воздействие на экологическую безопасность лиц, проживающих в Северных широтах.

Значительный ущерб окружающей среде Арктики приносят последствия прошлой деятельности, появившейся и имеющей место в периоды хозяйственного освоения Севера Советским Союзом [3]. Тем не менее, современное технологическое состояние и заинтересованность в ликвидации неблагоприятных последствий прошлой хозяйственной деятельности способствуют постепенному очищению некоторых районов Арктики от за-

грязнения. К примеру, на островах архипелага Земля Франца-Иосифа многие объекты военного назначения, построенные в 50-е годы, при их ликвидации не были должным образом законсервированы и стали в дальнейшем причиной возникновения загрязнений и деградации естественных процессов [3]. Лишь в конце 90-х годов в России на правительственном уровне стали появляться документы, обозначившие первоначальные этапы уменьшения нанесения экологического ущерба окружающей среде Арктики и дальнейшее восстановление естественной природной среды. Одним из них была федеральная целевая программа, носящая название «Мировой океан», включающая ряд подпрограмм, одной из которых является «Освоение и использование Арктики» [4].

В дальнейшем, на территории Российской Федерации, как одного из арктических государств [5], были разработаны программные документы, непосредственно направленные на развитие Арктической зоны России [1]. Так, принятые в 2008 году «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» ставят перед государством задачи по основным сферам: социально-экономическое развитие, обеспечение военной безопасности, развитие науки и технологий, информационное обеспечение и охрана окружающей среды. Кроме того, в качестве одной из основных мер, направленных на развитие экологической безопасности в Арктике, а также способствующих охране природной среды, документ определяет международное взаимодействие.

В настоящее время, активное международное сотрудничество стран Евразии происходит в области добычи полезных ископаемых. Так, французская компания «Total» занимается разработкой газоносных месторождений совместно с крупной российской компанией – «Новатэк». Совместно с китайскими партнерами готовится проект освоения Южно-Тамбейского газоконденсатного месторождения и производства сжиженного природного газа «Ямал СПГ» [6]. Взаимовыгодное сотрудничество предполагает объединение усилий по развитию технологий добычи полезных ископаемых в арктических условиях. Причем основным направлением становится охрана окружающей среды и создание безопасных для природы и её компонентов технологий. Данным образом необходимо взаимодействовать на международном уровне в области охраны окружающей среды, где каждое государство, осознавая свою причастность к арктическому пространству и его хозяйственному или иному освоению, должно понимать уникальность природной среды Арктики, выражающуюся в уязвимости, хрупкости и зависимости даже от мельчайшего антропогенного воздействия [7].

Основные начала международного экологического сотрудничества в Арктике определены в Декларации Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию. основополагающим принципом является сотрудничество государств в духе партнерства в целях сохранения, защиты и восстановления здорового состояния и целостности экосистем Земли [8]. Кроме того, Де-

кларация, ссылаясь на Устав Организации Объединенных Наций, подчеркивает, что каждое государство обладает правом вести собственную политику в отношении охраны окружающей среды, при этом стараясь не допустить нанесения ущерба окружающей среде других государств или районов за пределами действия национальной юрисдикции.

Международное право имеет достаточно большое число конвенций и деклараций, направленных на охрану окружающей среды Арктики. Среди основных необходимо указать: Конвенция ЕЭК ООН о трансграничном загрязнении воздуха на большие расстояния и протоколы к ней; Конвенция о биологическом разнообразии; Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения и многие другие.

Основной формой взаимодействия государств по вопросам окружающей среды Арктики является Арктический совет, организованный на основании Декларации об Учреждении Арктического совета, подписанной 19 сентября 1996 г. [5]. Совет выполняет функции межправительственного форума высшего уровня, в рамках которого проводятся встречи глав министерств окружающей среды каждого арктического государства и постоянных участников - представителей коренных малочисленных народов Севера. Постоянными участниками Арктического совета являются восемь государств: Канада, Королевство Дания, Финляндия, Исландия, Норвегия, Российская Федерация и Соединенные Штаты Америки.

В 2016 году Арктический совет празднует двадцатилетие своей деятельности, направленной, как и в день учреждения, в первую очередь, на охрану окружающей среды и устойчивое развитие Арктики. За годы деятельности под руководством Арктического совета и по результатам регулярных встреч, был принят ряд международных соглашений, способствующий выполнению основных функций организации [9].

Не смотря на многогранность поднимающихся вопросов в сфере международного взаимодействия государств в Арктике, на сегодняшний день нет окончательно сложившегося единого документа, способного определить направления развития. Подобный документ необходим для выработки единообразного подхода к вопросам, связанным с сочетанием социально-экономических вопросов развития Арктики и необходимости обеспечения экологической безопасности.

Вывод:

1. Заметна необходимость развития международного взаимодействия не только арктических государств-членов Арктического совета, но также и других стран, стремящихся использовать Арктику в своих целях (например, Китай использует Северный морской путь в качестве торгового пути, соединяющего Запад и Восток);

2. Правовой режим Арктики заключается в объединении международного и национального уровней правового регулирования. Причем ос-

новную роль выполняет национальное законодательство арктических стран, имеющих обязательные для исполнения правила и механизмы, обеспечивающие охрану природной среды. Однако на международном уровне при развитии единообразного подхода к охране окружающей среды Арктики будут выработаны международные документы, оказывающие влияние на формирование национального законодательства;

3. Необходимо усиление роли действующих международных организаций, например, Арктического совета, предоставляющих возможность обсуждения международной и национальной политики в Арктике.

Библиографический список

1. Авхадеев В. Р. Роль деклараций о сотрудничестве государств в Арктике и международное право // Журнал российского права. 2014. – № 10. – С. 138–145.
2. Барковский А. Н., Алабян С. С., Морозенкова О. В. Экономический потенциал Российской Арктики в области природных ресурсов и перевозок по СМП // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – № 1. – С. 70–83.
3. Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию (принята в г. Рио-де-Жанейро 14.06.1992). Международное публичное право. Сборник документов. Т. 2. – М. : БЕК. 1996. – С. 135–138.
4. Копылов М. Н., Якушева Е. А. К 10-летию Арктического совета // Экологическое право. – 2006. – № 3. – С. 17–24.
5. Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу (утв. Президентом РФ 18.09.2008 № Пр-1969). Документ опубликован не был.
6. Павленко В. И., Глухарева Е. К. Влияние изменений окружающей среды на экономическое развитие регионов российской Арктики // Проблемы прогнозирования. – 2010. – № 2. – С. 68–77.
7. Постановление Правительства РФ от 10.08.1998 № 919 (ред. от 18.12.2012) «О Федеральной целевой программе «Мировой океан». СЗ РФ. 17.08.1998. № 33. Ст. 4024.
8. Соловьянов А.А. О путях решения проблемы защиты арктической природной среды // Защита окружающей среды в нефтегазовом комплексе. – 2012. – № 4. – С. 41–49.
9. Шевчук А.В. О проекте по экологической реабилитации архипелага Земля Франца-Иосифа // Охрана окружающей среды и природопользование. – 2011. – № 3. – С. 11–18.

ОСНОВНЫЕ ЭКОЛОГО-ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИМИТИВНОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ

Б. А. Дорошин

*Кандидат исторических наук, доцент,
Пензенский государственный
технологический университет,
г. Пенза, Россия,*

Summary. The article presents the basic scientific approaches to the concept of "primitive mentality". An attempt to classify the features of primitive mentality. Highlighted the absence of dichotomy of subject and object in a primitive mentality as the most important from the point of view of ecology. Continuity of pagan culture and Eastern spirituality, conjugation of the physical Universe and of human mental Universe are issues.

Keywords: primitive culture; environmental ethics; anthropocosmism.

Термин «ментальность» был предложен Р. Эмерсоном, рассматривавшим метафизическое значение души как первоисточника ценностей и истин. Элементы примитивной ментальности, не дав точного определения самому этому понятию, выделил Э. Дюркгейм, отнёсший их к архаическому этапу общества и противопоставивший примитивные народы развитым [7, с. 76].

В широкий научный оборот понятие ментальности было введено Л. Леви-Брюлем при исследовании коллективных представлений т. н. примитивных народов обретая популярность благодаря его работе 1929 г. «La mentalite primitive», известной в русском переводе как «Первобытное мышление». Подчёркивая несоизмеримость такового у аборигенов Австралии и Африки с рациональным мышлением, свойственным для европейцев, он характеризовал соответствующий первому из них тип ментальности – примитивный как дологический, а соответствующий второму – как логический [4, с. 26].

Однако с учётом последующих достижений в исследованиях ментальности и сознания вообще однозначность этой дихотомии оказалась перед необходимостью пересмотра. Его возможность была намечена самим же Л. Леви-Брюлем, не исключавшим, что между примитивной и цивилизованной ментальностями возможны переходы, а мистический опыт полагавшего важнейшим, но не единственным в жизнедеятельности первобытного человека. Подход, сформулированный Л. Штернбергом, дал возможность отграничить собственно мистический опыт как некий поток сведений о «посюстороннем», источниками которых выступают магия, сны, видения, игра, присутствие мертвых [7, с. 76–77] от тех выводов, которые выглядят как странные ассоциации идей, как отождествление объекта с его изображением и т. п., являющихся на деле результатами постепенно совершавшихся ментальных преобразований, долгого процесса выработки идей, как общего, так и, в частности, религиозного характера. Иначе

говоря, примитивная ментальность не сводится к дологическому и включает как иррациональное, так и рациональное, поскольку в сложном процессе функционирования психики её носителя, имеют место как составляющие, опирающиеся на рацию, так и бессознательные, слагающие мощнейший пласт автоматического мышления, не свидетельствуя, однако, что интеллектуальный аппарат примитивного человека принципиально отличен от нашего [8, с. 233–234].

Данная оговорка согласуется с пониманием феномена примитивной ментальности, которое выдвинул Э. Кассирер. Согласно ему, таковая отличается от современной не особой логикой, а своим восприятием природы – ни теоретическим, ни прагматическим, ни симпатическим, т.к. в синкретичном опыте примитивного человека вещи нераздельны друг с другом, в связи с чем у него гораздо сильнее чувство единства с природой, от которой он себя не обособляет и не приписывает себе в ней уникального положения [7, с. 77].

Особенности и условия генезиса и функционирования такой ментальности с глубоким пониманием раскрыты представителем её африканских носителей, одним из теоретиков негритюда Л. Сенгором.

1) Поддержание глубинного единства с природой на уровне постоянной эмоционально-интуитивной связи и сопереживания с её составляющими при относительной самостоятельности на уровне практической жизнедеятельности. «Африканский негр, будь то крестьянин, рыбак, охотник или пастух, живет на лоне природы, вне земли и в то же время с ней, вступая в доверительные отношения с деревьями, животными и всеми элементами...» [Цит. По: 3, с. 86; 125].

2) Подчинение суточным и сезонным ритмам.

3) Открытость всех органов чувств и постоянная готовность к восприятию природных импульсов и глубинных волн.

4) Отсутствие субъект-объектной дихотомии («экрана») при восприятии природы.

5) Функционирование сознания индивида как чистого сенсорного поля, осуществляющего познание, как бы устремляясь по волнам, порождаемым «другим».

6) Приоритет телесно-чувственного и эмоционального над рациональным.

7) Восприятие эмоции как восхождения сознания к высшему состоянию мудрости».

8) Детерминированность всех культурных ценностей, религии, социальных структур, искусства и языка эмоциональным, а не рациональным отношением к миру.

9) Доминирование интуиции, сопереживания, ритмики и образности.

10) Фундированность реального мира субреальным магическим, который одушевлен управляющими Вселенной невидимыми силами, гармонично связанными друг с другом и видимыми явлениями.

11) Усмотрение за конкретными предметами космических сил, мыслимых одушевляющими реальный мир, наделяющими его цветом и ритмом, жизнью и чувством [3, с. 86; 125; 130–131].

Важнейшей из экологически значимых особенностей примитивной ментальности, раскрытых выше применительно к такой многочисленной и своеобразной общности её носителей, как негроидное аборигенное население Африки, представляется недихотомированность человека и окружающего мира, в силу которой первый не отделяет себя от объекта: будь то дерево или камень, другой человек или животное, явления любой иной феномен, принадлежащий к природе или обществу. Такой субъект не держит объект на расстоянии и не подвергает его анализу. Ему свойственно, получив впечатление, взять живой объект в ладони, подобно слепцу, совершенно не стремясь при этом его зафиксировать или тем более убить. Он более склонен поворачивать его в чутких пальцах во все стороны, ощупать его, ощутить в полной мере [3, с. 125].

Рассматривая сущность идентичности ранних форм духовного опыта человечества в разных частях света, С. И. Жимбеева отметила, что в сибирских петроглифах отражена идея единства человека с природой [5, с. 16] – по сути, та же, что характерна для примитивной ментальности африканских негров. Данное единство выражается в природе взаимосопряжённости, транслирующей свой опыт через развитую систему предписаний «Не навреди!». Природоцентричность этики понимания природы взаимосопряжённости и взаимодействия с ней обусловлена тем, что резонирование мыслей и действий человека в пространстве космоса), обратная связь которого сказывается в изменении жизненных сил, как природы, так и самого человека, подчас вызывает экологические проблемы. Экоэтический подтекст отношений человека с природой выходит за локально-прагматические рамки, будучи устремлённым в пределе к такой грандиознейшей задаче, как гармонизация космоединства. Наличие столь масштабного, хотя и не столь явно выраженного, по крайней мере на её примитивной стадии, функционального аспекта экологической этики может быть осмыслено через архаическое понимание природы и души как единого узла жизненности [5, с. 18], раскрывающемся в своих более развитых формах до понимания индивидуальной души как сопричастной душе мировой, а человека – как малого космоса, взаимообразного космосу как иному человеку [6, с. 13]. В данном контексте – распространения отношения к природе на весь универсум, примечательна отражающая характерную для примитивных воззрений славян идею антропокосмического единства человека и среды его обитания [1, с. 96–97] гипотеза о этимологии теонима восточ-

нославянской богини плодородия и судьбы «Мокошь» – tokos как инверсии слова «космос» [2, с. 36].

Антропокосмичность экологического аспекта сложившихся в рамках примитивной ментальности архаических культов как наиболее устойчивой для многих регионов мира базовой рефлексивной формы традиционного сознания и опыта постижения взаимосогласия с природой, необходимого для реализации человеком своих интересов в физической Вселенной, проявляется в их рамках посредством обретения этого взаимосогласия через постижение им собственной психической Вселенной. Формы и методы такого нахождения общего языка с природой относятся прежде всего к шаманизму, предшествовавшим ему фетишизму, анимизму и тотемизму, а также во многом развившими общую природную основу «языка духов» североазиатских, малайских и индонезийских практик индо-тибетскому тантризму и классической традиции китайской духовности [5, с. 14, 17, 7].

Данная преемственность, выступающая лишь одним из аспектов более общего по своим масштабам восприимчивости показавшей современному человеку нить глубинных взаимосвязей, наработанных осознанным практическим опытом «языческой» формы культуры и конгломерата более сложных в силу продолжительности их эволюции духовных течений Востока, основывающихся на принципе тотальности бытия, идеях всеобщей связи и взаимозависимости, представляется особенно значимой в контексте поиска разрешения проблем экологического кризиса, понимаемого как мировоззренческий кризис европейской культуры [5, с. 14].

В свете же идеи о том, что на подлинное сотрудничество с природой человек может выйти, лишь преодолев и поныне во многом транслируемый гуманитарным знанием отрыв духа, проявляющегося в форме культуры, от природы, воспринимаемой как наиболее близкое людям и в то же время многоплановое выражение материи, особенно значимыми представляются два взаимосвязанных эколого-этических аспекта примитивной ментальности: 1) единство человека и природы; 2) раскрывающая глубинный материально-духовный аспект этого единства взаимосопрежённость физической Вселенной и психической Вселенной человека.

Библиографический список

1. Антипов М. А. К проблеме экологического бессознательного // История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему : материалы II международной научно-практической конференции 1–2 ноября 2013. года. – Прага : Vědecko vydavelské centrum «Sociosféra-CZ», 2013. – С. 95–97.
2. Антипов М. А. Судьба в мировоззрении древних славян // История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему : материалы Международной научно-практической конференции, 25–26 ноября 2012 года. – Пенза – Колин – Белосток : Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – С. 33–36.
3. Гуревич П. С. Культурология : учеб. пособие. – М. : Издательство «Омега-Л», 2012. – 427 с.

4. Думнова Э. М. «Менталитет» и «ментальность» как категории социальной философии // Известия Саратовского университета. Новая серия. – 2013. – Т. 13. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 1. – С. 25–29.
5. Жимбеева С. И. Природные основания традиционных воззрений: сущность их идентичности в разных частях света // Европейский журнал социальных наук. – 2011. – № 5. – С. 7–19.
6. Космос и душа. Учения о вселенной и человеке в Античности и в Средние века (исследования и переводы) / общ. ред. П. П. Гайденко, В. В. Петров. – М. : Прогресс-Традиция, 2005. – 880 с.
7. Косов А. В. Ментальность как мировоззренческая система и компонента мифознания // Методология и история психологии. – 2007. – Том 2. Выпуск 3. – С. 75–90.
8. Островский А. Б. Проблема первобытного мышления в трудах Л. Я. Штернберга // Лев Штернберг — гражданин, ученый, педагог. К 150-летию со дня рождения / под ред. Е. А. Резвана. – СПб. : МАЭ РАН, 2012. – С. 232–240.

К ВОПРОСУ О РОЛИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА В МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ В ОБЛАСТИ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ И ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

**Ю. А. Плотникова,
Е. А. Тарасова,
В. А. Попкова**

*Кандидат юридических наук, доцент,
старший преподаватель,
преподаватель,
Саратовская государственная
юридическая академия,
г. Саратов, Россия,*

Summary. In article on the basis of scientific and practical materials topical issues of the Euroasian economic integration are considered. Historical prerequisites of creation of the Euroasian economic union are analyzed. Need of development of uniform environmental policy of member states of the Euroasian economic union reveals.

Keywords: Euroasian economic union; integration; environmental policy; environmental protection.

Осознание человечеством ответственности за состояние окружающей среды выдвигает перед государствами необходимость поиска новых решений во взаимодействии современного технологичного и ресурсоемкого общества и окружающей среды. В полной мере эти тенденции находят свое отражение и в евразийской экономической интеграции. Целью создания Евразийского экономического союза является необходимость объединения усилий стран-участниц в условиях глобальной экономической и политической конкуренции [6, с. 24–29].

Более того, отдельные авторы связывают дальнейшее развитие международных отношений и международного права с отношением мирового сообщества к экологическим проблемам и степенью готовности решать их,

находя компромиссные варианты в целях устойчивости социально-экономических процессов. Так, например, Н. Н. Емельянова считает, что на международные отношения в перспективе будут влиять такие явления как, экологическое состояние территорий, продвижение достижений научно-технического прогресса и глобализация [4, с. 60–63]. А. Ш. Гизятова отмечает значение глобализации в росте взаимозависимости национальных экономик и создании социокультурного пространства, учитывающего стратегические интересы государств, в том числе и в деле охраны окружающей среды [2, с. 26–36]. Но, по мнению С. А. Мохаммад в настоящее время наблюдается противоречие между признанной экосистемной оценкой вызовов глобальной экологической безопасности и нежеланием отдельных государств консолидироваться для решения проблем охраны окружающей среды. Поэтому социальной реальностью должны стать экологическое мировоззрение и экологическая культура, необходимые для становления нормативно-правовой базы и институтов, способных обеспечить не только экологическую безопасность, но и устойчивое развитие всех стран [7, с. 64–66]. Наконец, С. А. Боголюбов подчеркивает, что глобализация природопользования усугубляет проблемы охраны окружающей среды. Вследствие этого в государственной политике «постсоветских» стран находят отражение гуманитарные аспекты экологии. По мнению С. А. Боголюбова при разработке положений национальных политик будут учитываться три основных фактора:

1. Сходства – историческая, этническая, политическая и другие виды общностей;
2. Отличия – величина территорий, уровень социально-экономического развития, государственное и политическое устройство, наличие природных ресурсов и их количество и т. д.;
3. Участие стран в различных международных конвенциях, направленных на охрану окружающей среды.

Поэтому интеграция экологических политик не может быть простым сложением национальных экологических политик [1, с. 107–115].

В этой связи Н. Г. Жаворонкова, В. Б. Агафонов справедливо отмечают возможности межгосударственной интеграции на различных основаниях. Тем не менее, основанием любой интеграции является сближение и гармонизация правовых принципов, а также регуляторов и институтов. В какой-то мере, по мнению ученых, любое межгосударственное объединение требует гармонизации экономики, правового поля, методов и форм управления, в том числе и в области рационального природопользования и охраны окружающей среды [5, с. 421–428].

Таким образом, в рамках рассмотрения вопроса о роли Евразийского экономического союза следует раскрыть исторические предпосылки его создания, которые условно можно подразделить на три этапа.

Первый этап (1994–1998 гг.) Президент Казахстана господин Н. А. Назарбаев заявил о возможности социально-экономической интеграции стран «постсоветского пространства» в целях противостояния экономическим, политическим и экологическим вызовам [8, с. 57–70]. Так же указанный период включает в себя подписание: Соглашения о создании Таможенного союза (1995 г.) и Договора между Российской Федерацией, Республикой Беларусь, Республикой Казахстан и Киргизской Республикой об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях (Москва, 1996 г.).

Второй этап (1999–2012 гг.) можно охарактеризовать, как интенсивный период по созданию единого правового поля. Так как, в это время был подписан «Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества» (Казахстан, г. Астана, 2000 г.), Решение Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 27 ноября 2009 г. № 17 «О Договоре о Таможенном кодексе Таможенного союза» (вместе с «Договором о Таможенном кодексе Таможенного союза» (Минск, 2009 г.) и т.д.

Третий этап (2014 – по настоящее время) историческое подписание Договора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) на заседании Высшего Евразийского экономического совета в Казахстане (г. Астана). Также в качестве нормативных правовых актов этого периода следует выделить Решение Высшего Евразийского экономического совета «Об официальном опубликовании международных договоров в рамках Евразийского экономического союза, международных договоров Евразийского экономического союза, заключаемых с третьими государствами, их интеграционными объединениями и международными организациями, решений органов Евразийского экономического союза» (ноябрь, 2014 г.).

Согласно положениям Договора о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) (далее по тексту – Союз), Союз является международной организацией региональной экономической интеграции, которая обладает международной правосубъектностью. Ст. 4 в качестве основных целей Союза выделяет: стабильность в социально-экономическом развитии государств; формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в Союзе; создание условий для конкурентоспособности национальных экономик через механизмы модернизации и кооперации.

Следует отметить, что заявленные цели Евразийского экономического союза (ЕАЭС) предполагают интенсивное развитие всех секторов реальной экономики, что потребует, несомненно, использования дополнительных природных ресурсов. Тем самым будет оказано негативное влияние на состояние окружающей среды сопредельных территорий стран-участниц Союза. Тем не менее, в Договоре состоящем из четырех частей нет части, посвященной разработке и правилам реализации единой экологической политики государств-членов Союза. Например, в статье 29 указывается, что государства-члены во взаимной торговле товарами вправе

применять ограничения в случаях необходимых для охраны жизни и здоровья человека; защиты общественной морали и правопорядка; охраны окружающей среды; охраны животных и растений, культурных ценностей; выполнения международных обязательств; обеспечения обороны страны и безопасности государства-члена. Подобная фрагментарность требований в области рационального природопользования и охраны окружающей среды вызывает справедливую критику среди ученых и практиков. Так, Ю. В. Гинзбург совершенно справедливо отмечает, что неразработанность единых правил экологической политики Евразийского экономического союза (ЕАЭС) является показателем несовершенства Договора, что снижает конкурентноспособность экономик государств-членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС) в условиях глобальных вызовов [3, с. 3–6.]

Таким образом, ученым-юристам и представителям бизнес-сообществ Евразийского экономического союза (ЕАЭС) предстоит серьезная работа по гармонизации законодательства в области рационального природопользования и охраны окружающей среды и формировании общей экологической политики, с учетом экономических, социальных, географических и климатических особенностей представленных государств.

Библиографический список

1. Боголюбов С. А. Экологическая политика Союза Беларуси и России: правовые аспекты // Журнал российского права. – 2012. – № 7.
2. Гизятова А. Ш. Ключевые факторы и приоритетные направления развития аудиторской деятельности на интернациональном пространстве Евразийского экономического союза // Международный бухгалтерский учет. – 2014. – № 36.
3. Гинзбург Ю. В. Утилизационный сбор в Евразийском экономическом союзе: сравнительно-правовой анализ // Реформы и право. – 2014. – № 3.
4. Емельянова Н. Н. К вопросу о поддержании экологической безопасности в XXI веке // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 11(54).
5. Жаворонкова Н. Г., Агафонов В. Б. Правовые проблемы экономического регулирования охраны окружающей среды // Lex russica. – 2014. – № 4.
6. Мамбеталиев Н. Договор о Евразийском экономическом союзе // Налоговый вестник. – 2015. – № 1.
7. Мохаммад С. А. Мысли об этических основах международно- правового управления охраной окружающей среды // Евразийский юридический журнал. – 2012. – № 11(54).
8. Нешатаева Т.Н. К вопросу о создании Евразийского союза: интеграция и наднационализм // Международное правосудие. – 2014. – № 2.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНАХ РОССИИ: КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ОКРУГ

П. А. Прокопьева

*Студент,
Кемеровский государственный
университет, г. Кемерово, Россия,*

Summary. The article discusses the environmental problems of the Crimean Peninsula, presents problems and their solutions, presents a new program of the Russian Federation, which lists specific objectives to solve the problems of the constituent entity.

Keywords: Crimea; ecology; environmental problems; the public organizations.

Процесс включения новых субъектов Российской Федерации – Республики Крым и города федерального значения Севастополя состоялся после подписания 18 марта 2014 г. в г. Москве Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым, а уже 21 марта 2014 г. Указом Президента Российской Федерации № 168 был образован Крымский федеральный округ.

В числе приоритетных задач в развитии Крымского федерального округа, обозначенных Президентом страны В.В. Путиным в рамках принятого Постановления Правительства РФ от 11 августа 2014 г. № 790 «Об утверждении федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года», получили развитие и вопросы экологии. В частности, в числе наиболее сложных экологических проблем данного субъекта следует отметить такие, как: усиление техногенной нагрузки на окружающую природную среду промышленных зон Крыма, нерациональное использование природно-ресурсного потенциала (биоклиматический, минерально-сырьевой, энергетический и др.), отсутствие системных природоохранных мер по сохранению уникальной флоры и фауны Крыма, проблема эрозии земель, утилизации бытовых отходов, недостаточными являются мероприятия по очистке прибрежных территорий и акватории моря от боеприпасов и созданию условий для безопасного освоения этих территорий и акватории.

Рассмотрим некоторые экологические проблемы региона и первые результаты по их преодолению.

Глобальная экологическая проблема борьбы с бытовыми и промышленными отходами весьма значима и для Крымского полуострова [1]. Трудности в ее разрешении связаны с отсутствием интегрированной системы переработки отходов, в которую должны входить не только мусороперерабатывающие заводы, но ещё система сбора, захоронение остатков, так же существовать система мониторинга. Важным аспектом в решении данного вопроса выступает позиция населения и его готовность платить дополнительный налог на решения проблемы отходов. В Федеральных це-

левых программах по Республике Крым обозначены два направления решения проблемы отходов: рекультивация свалок и создание мусороперерабатывающих комплексов. 26 февраля 2016 года администрация Алушты подписала соглашение с министерством ЖКХ Крыма о рекультивации мусорного полигона частных компаний, которая будет реализована за счет средств федерального бюджета с финансированием до 2018 г. [2].

Значимой проблемой является обеспечение полуострова пресной водой. Украина перекрыла подачу воды на полуостров после включения Крыма в состав России, который на 82 % зависел от Северо-Крымского канала, соединяющего главное русло Днепра с полуостровом. В настоящее время необходим целостный подход в разработке единой системы водоснабжения. Крым снабжается водой из водохранилищ, водоотвод происходит с неэффективными локальными очистными сооружениями, что влияет на низкое качество воды. На данный момент времени построены 3 водозабора с пресными источниками воды, установлены 36 одиночных скважин, проводятся работы по переброске воды из рек Салгир и Биюк-Карасу в Северо-Крымский канал.

Серьезное внимание необходимо уделять установке очистных сооружений в населенных пунктах Крымского федерального округа. Большая часть очистных сооружений была построена в советский период и их изношенность составляет 80 %, в отдельных поселках они вообще отсутствуют. В итоге 90 % всей массы загрязняющих веществ поступают в прибрежные воды акватории с берега, что приводит к уничтожению прибрежных экосистем [3].

Вопросам борьбы с бытовыми и промышленными отходами и установке очистных сооружений в населенных пунктах уделено внимание в Федеральной целевой программе «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2020 года», в которой подчеркивается особое приморское положение и высокое ландшафтное и биологическое разнообразие региона, что требует особых подходов к вопросам влияния хозяйственной деятельности на экологическое состояние морских бассейнов.

В Крымской федеральном округе созданы несколько крупных общественных организаций, в числе которых Общественный Совет при Министерстве экологии и природных ресурсов Республики Крым, ведут активную деятельность такие общественные организации, как «Зелёный патруль», «Экология и Мир», «Крымская республиканская ассоциация». В то же время имеются некоторые трудности в понимании проблем и путях их решения между органами власти и общественными структурами. Так, например, существует различное мнение у ученых и общественности, с одной стороны, а, с другой стороны, у властей относительно путей сохранения природно-заповедных территорий. Общественные организации предлагают передать заповедники на федеральный уровень. Региональные власти напротив оставляют заповедники в ведении Республики Крым как

субъекта РФ. Подобная ситуация, по мнению, общественных структур может привести к тому, что заповедники превратятся в особо охраняемые природные территории, что, в свою очередь, допускает на части их территории хозяйственную деятельность [2].

За время нахождения Крыма в составе Украины его экономика и инфраструктура пришли в упадок, экологии не уделялась должного внимания, при этом сам полуостров был изолирован. На данный момент времени формируется законодательная база полуострова, создаются региональные органы власти в сфере экологии и общественные организации. Российская Федерация реализует программу по восстановлению и улучшению экологии полуострова, возвращению ему статуса лучшего курорта Российской Федерации. В этой связи изменение экологической ситуации в регионе выступает в качестве первоочередной задачи органов федеральной и региональной власти.

Библиографический список

1. Крым территория зелёной экономики. Информационный-аналитический доклад 2015 г. URL: <http://crimeagreeneconomy.ru> (дата обращения: 20.03.16).
2. Артов А. Пути решения экологических проблем Крыма лежат в управленческой плоскости URL: http://crimeagreeneconomy.ru/news /tochka_zrenija/news36.htm (дата обращения: 20.03.16).
3. Пенно М. В. Наземные источники загрязнения морских вод в районе Южного берега Крыма // Ученые записки ТНУ. Серия: География. – 2001. – Т. 14. – № 1. – С. 93–96.

IV. RELIGION AND INTERFAITH RELATIONS, SCIENCE, SECULAR CULTURE

БУДДИЗМ И ЛАМАИЗМ: ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СУЩНОСТЬ ВЕРОУЧЕНИЯ

Е. А. Куликова

*Кандидат исторических наук, доцент,
Пензенский государственный
технологический университет,
г. Пенза, Россия,*

Summary. The article starts with determining the background for Buddhism originating in India. The author considers the fundamentals of Buddhism and Lamaism and summarizes the content of their sacred texts.

Key words: Buddhism, Lamaism, articles of religion.

Буддизм зародился в Древней Индии примерно в VI веке до нашей эры в эпоху образования крупных государств в долине Ганга. Его основателем считается принц по имени Сиддхартха Гаутама, получивший прозвище Будда (Просветленный, Пробужденный, Прозревший). Принца также называли Шакьямуни, что значит мудрец из рода Шакьев. Приверженцы буддизма полагают, что он открыл путь к спасению от страданий в результате накопления добродетелей и самосовершенствования в течение перерождений.

В раннем буддизме Шакьямуни был учителем, преподававшим людям урок спасения, а в позднем буддизме его образ слился с представлениями о высшем сверхбытии. Согласно легенде основоположник буддизма обладал третьим глазом во лбу, глазом мудрости, который позволял ему видеть прошлое, настоящее и будущее всех живых существ, наблюдать их пребывание в различных сферах существования.

Первые сведения о буддизме появились в Европе в конце XVIII века. Еще позже началось его систематическое изучение. Исследователи высказывали различные точки зрения по вопросу о сущности буддизма. Одни из них не считали буддизм религией, а другие рассматривали его как религиозную идеологию.

Буддизм основан на 4 «благородных истинах»:

- жизнь – страдание;
- источник (причина) страданий заключается в «жажде бытия», в стремлении к наслаждениям;
- спасение от страданий возможно благодаря уничтожению «жажды бытия»;

- «восьмеричный путь спасения» включает в себя «праведные воззрения», «праведные устремления», «праведную речь», «праведное поведение», «праведный образ жизни», «праведное усердие», «праведную память» и «праведное самоуглубление».

«Праведные воззрения» – правильное понимание четырех «благородных истин». «Праведные устремления» – решимость жить в соответствии с четырьмя «благородными истинами». «Праведная речь» – решимость не говорить неправду, не грубить. «Праведное поведение» – решимость не убивать, не наносить вреда другим, не брать чужого. «Праведный образ жизни» – добывание средств к существованию честным путем. «Праведное усердие» – постоянство в преодолении вредных мыслей и влияний. «Праведная память» – способность не забывать то, что осознано как средство укрепления отрешенности от мирских привязанностей. «Праведное самоуглубление» – совершенствование в отрешенности от всего земного и достижение полной невозмутимости [2, с. 10–14].

По мнению буддистов, спасение от сансары (колеса перерождений души) заключается в достижении нирваны. В буквальном переводе с санскрита (древнеиндийского литературного языка) нирвана означает «угасание», «исчезновение». Под нирваной можно понимать состояние сознания человека, которое достигается в результате освобождения от земных привязанностей и желаний.

Смерть для буддистов не означает окончательное прекращение существования человека. Она рассматривается как грань, разделяющая предшествующее и последующее существование. Смерть является началом нового перерождения. Неблагоприятными считаются перерождения в биритов (человекоподобных существ), животных, а благоприятными – перерождения в людей, асуров и тенгриев, т. е. злых и добрых небожителей [6, с. 7, 12–15].

Каноны буддизма содержатся в «Трипитаке» (на санскрите), или «Типитаке» (на языке пали), составленной в I веке до н. э. «Трипитака» («Три корзины») состоит из трех частей. «Виная-питака» представляет собой собрание дисциплинарных правил. В «Сутта-питаке» изложены основы буддизма. В нее включены три проповеди, которые приписываются Сиддхартхе Гаутаме. «Абхидхамма-питака» содержит философию буддизма [4, с. 78].

В буддизме сосредоточено внимание на 10 видах греховных, 10 видах праведных действий и их последствиях. К 10 греховным (темным) деяниям относятся три физических поступка (убийство, прелюбодеяние, воровство), четыре вербальных действия (ложь, оскорбление словом, клевета, легкомысленная речь) и три намерения, вызванные жадностью, невежеством, недоброжелательностью. В список 10 праведных (светлых) деяний входят высокая нравственность, великодушие, почтительность, услуга ко-

му-либо, передача своей заслуги другому, умение радоваться успеху других, следование правильному учению, его распространение и медитация.

Согласно карме за каждое темное деяние полагается наказание, а за каждое светлое деяние – вознаграждение. Так, например, кармические последствия убийства – болезнь, краткость жизни, воровства – нищета, лжи – утрата доверия других, клеветы – потеря друзей, жадности – неисполнение желаний и т. д. Вознаграждение за великодушие – здоровье, за высокую нравственность – рождение в благородной семье, за передачу своей заслуги другому – изобилие в будущей жизни, за умение радоваться успеху других – слава, за следование правильному учению и его распространение – мудрость и т. д. [5, с. 25–26].

Буддизм отразил изменения, произошедшие в социально-политической и духовной сферах древнеиндийского общества. В Древней Индии общество делилось на варны (сословия). В брахманизме лидирующие позиции занимали брахманы (жрецы, служители религиозного культа), а в буддизме – кшатрии (правители и воины). В буддийских текстах брахманы критикуются за гордыню, высокомерие, стремление к роскоши, нарушение моральных норм.

Буддизм не отвергал сословное деление общества, однако рассматривал сословия как наследственные профессиональные группы, что подрывало идею превосходства одних сословий над другими. На первый план буддисты ставили не принадлежность человека к какому-либо сословию, а его нравственные заслуги. Все люди вне зависимости от происхождения страдают и могут достичь освобождения от страданий.

Со временем буддизм получил широкое распространение в странах Центральной, Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии. На Тибете, в восточных районах Центральной Азии в VII–XIV вв. сложился ламаизм. Ламаизм (тибетский буддизм) – направление в буддизме, распространившееся среди монголов, бурят, тувинцев, калмыков.

С объединения Тибета в XVII веке до 1959 года, когда он был полностью захвачен китайцами, теократическими правителями Тибета являлись далай-ламы (великие учителя). В настоящее время их считают духовными лидерами тибетского народа. Далай-ламы для сторонников ламаизма – перевоплощения бодхисаттвы Авалокитешвары, бодхисаттвы сострадания. Согласно тибетскому буддизму бодхисаттвы – божества, которые обеспечивают выход из колеса сансары всем, кто живет в соответствии с требованиями ламаизма. Приверженцы ламаизма полагают, что Авалокитешвара помогает смертным преодолеть круговорот бытия.

Главным сборником канонических текстов в ламаизме является «Ганджур». По-тибетски «Ганджур» означает «Перевод откровений Будды». Изречения Будды составляют 108 томов канонических текстов ламаизма.

«Ганджур» состоит из семи разделов:

– Дул-ва – правила, установленные для монахов;

- Шэрчин – условия и требования для прохождения пути религиозного спасения;
- Пал-чэн – пантеон, т.е. иерархия буддистских богов, и сферы их влияния;
- Кон-цзэг – высказывания Будды по онтологическим (о бытии) и этическим (о морали) вопросам);
- До-дэ – рассказы о перерождениях Будды;
- Ньигдай – описание перехода в нирвану, освобождение от горестей;
- Джюд – описание порядка проведения заклинаний, магических способов воздействия на сверхъестественный мир.

Кроме «Ганджура» в ламаизме существует комментаторская литература из 225 томов под названием «Данджур». По-тибетски «Данджур» означает «Перевод толкований (учений)». «Данджур» состоит из двух разделов (Джюд и До-дэ). В нем содержатся произведения шести буддийских авторов Нагарджуны, Арьядевы, Асанги, Васубандху, Дигнаги, Джармакирти, а также дополнения и разъяснения к их сочинениям.

В целом тибетская теология (богословие) включает в себя труды основателя ламаизма Цзонкабы, далай-лам (великих учителей), хроники монастырей, трактаты по религии, астрологии, астрономии, географии, медицине и т. д.

Верующие обязаны проявлять уважение к тибетским монахам (ламам). Отказ принять поучение от ламы, пропуск постов, неуважение духовенства входят в список 10 «черных» грехов в ламаизме. Кроме того, грехами считаются убийство, кража, ложь, жадность, зависть, клевета, злоба, ложные воззрения [6, с. 33–35].

Буддизм и ламаизм во многом определили социокультурное развитие стран Востока. Они снискали среди разных народов немало приверженцев. Буддизм превратился в одну из мировых религий. Это учение подарило людям надежду на счастье, равенство, справедливость, которые были нередко недостижимы в реальной жизни.

Неприходящее общемировое значение буддизма как мировой религии, имеющей массу поборников в современном мире, заключается, в числе прочего, в том, что он поддерживает актуальность некогда общих для различных культур Евразии архетипических концептов 1) цикличности смерти – возрождения, восходящего к эпохе палеолита [3, с. 46] и сохраняемого в понятии реинкарнации; 2) интегрированности определяемого законом кармы жизненного пути человека в ткань бытия всего универсума, что согласуется как с представлениями о судьбе многих народов древности – китайцев, греков, славян, и др. [1, с. 35–36], так и с новейшей антропокосмической парадигмой в философии и науке.

Библиографический список

1. Антипов М. А. Судьба в мировоззрении древних славян // История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему : материалы международной научно-практической конференции, 25–26 ноября 2012 года. – Пенза – Колин – Белосток : Научно-издательский центр «Социосфера», 2012. – С. 33–36.
2. Бонгард-Левин Г. М. Древнеиндийская цивилизация. – М., 1993. – 320 с.
3. Дорошин Б. А., Куликов А. Е. Социально-философский аспект исследования основных мифологических архетипов народов Поволжья // Архетипы и архетипическое в культуре и социальных отношениях: материалы международной научно-практической конференции 5–6 марта 2010 года / под ред. Б. А. Дорошина. – Пенза – Ереван – Прага : ООО Научно-издательский центр «Социосфера», 2010. – С. 39–50.
4. Корнев В. И. Буддизм и его роль в общественной жизни стран Азии. – М., 1983. – 248 с.
5. Кочетов А. Н. Буддизм – ламаизм. – М., 1976. – 64 с.
6. Философские вопросы буддизма. – Новосибирск, 1984. – 128 с.

ИСТОРИЯ КРЕЩЕНИЯ ВОГУЛОВ (МАНСИ)

Е. В. Чепкасов

*Кандидат филологических наук, доцент,
Санкт-Петербургский гуманитарный
университет профсоюзов,
г. Санкт-Петербург, Россия,*

Summary. This article will focus on the history of the baptism of Voguls –Siberian nation, who are now called Muncie. What it was: peaceful preaching, offer alternatives, or rough violent breaking of the ancient traditions? The author tries to answer this question in his article.

Keywords: history of Muncie; baptism of Muncie; Siberian nation; Cristianity; paganism.

Данная статья будет посвящена истории крещения вогулов – сибирского народа, который сейчас называется манси. Что это было: мирная проповедь, предложение альтернативы; или же грубая насильственная ломка вековых устоев? Или же сам союз «или» здесь неуместен? Попробуем разобраться.

А. Я. Орлов уверенно называет не только год, но и точную дату обращения вогулов в христианство (25 мая 1692 г.), однако он отмечает, что «спустя 78 лет после того, как вогулы были обращены в христианство, эти страны были посещены Палласом (1770 г.), из рассказов которого видно, что между вогулами сохранились еще многие языческие обряды и суеверия» [6, с. 9]. В БСЭ говорится, что манси «по религии с начала 17 в. считались православными, но сохраняли различные дохристианские верования» [1, с. 336]. Чем мотивированы эти две даты (1692 г. и начало 17 в.), нам выяснить не удалось. Н. В. Сорокин пишет, что вогулы «считаются в настоящее время все христианами с 1722 г.» [9, с. 47]. А. П. Смирнов ука-

зывает на ту же дату: «Крещены вогулы только между 1714 и 1722 гг. стараниями тобольского архиепископа Филофея» [8, с. 2]. В энциклопедии Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона также говорится о крещении вогулов с 1714 по 1722 гг. [2, с. 705]. Но неужели до обозначенного восьмилетия не было крещеных вогулов, а после него не осталось некрещеных? Постараемся ответить на этот вопрос и более точно зафиксировать временные границы крещения вогулов.

В труде В. Г. Павловского предполагается, что поскольку новгородские дружины в югорские походы 12 в. брали с собой и священников, «эти лица, вероятно, не были праздными зрителями язычества и заботились о просвещении язычников. Вероятно, были и единичные обращения в христианство из язычников» [7, с. 63]. Но мы не можем принять 12 в. за отправную точку крещения вогулов, поскольку это не более чем гадательное предположение.

Из второго летописного упоминания о вогулах (1396 г.) видна не миссионерская, а закрыто-оборонительная позиция христиан по отношению к язычникам. «В третий год епископства св. Стефана вогулы решились разрушить всё, что было им создано, и действительно опустошили уже Верхневычегодские и Сысольские селения. Не имея надежды на скорую помощь из Устюга, св. Стефан обратился с молитвой о помощи к Богу и после всенародного моления без страха поплыл вверх по реке Вычегде навстречу своим врагам вогуличам. По преданию, вогулы издали заметили ладью Стефана: лицо его казалось грозным, ... а сам он представлялся мечущим в них огненные стрелы. Объятые ужасом, враги бежали... и с тех пор в управлении Стефана не приходили уже к Усть-Выму, боясь его, как могущественного волхва» [7, с. 63–64].

Дальнейшие исторические сведения также не дают нам информации о крещении вогулов. «В 15 в. пельымские вогуличи неоднократно нападали на селения христиан зырян, разрушали храмы Божии, расхищали святыню Божию, убивали христиан и уводили их в плен. Так, ворвавшись в город Усть-Вым после осады, они вломились в храм, где святитель Герасим со своей паствою приносил бескровную жертву Богу, и здесь убили молящихся, а святителя задушил омофором вогулич, его слуга» [7, с. 64]. Здесь опять говорится не о проповеди, а о глухой, не всегда удачной обороне христианства перед лицом наступающего язычества.

И наконец, мы добрались до первой документально зафиксированной даты обращения вогулов в христианство. Это случилось между 1448 и 1455 гг. В 1448 г. пятый епископ Пермский Пителир был в Москве с жалобой Великому князю на частые вогульские набеги, получил денежную помощь и налоговые льготы и возвратился в свою епархию. По возвращении он начал осуществлять миссионерскую деятельность среди вогулов. «Странствуя по дебрям, подобно первому епископу Стефану, терпел он всякого рода лишения, но презирал опасность и успел обратить в христи-

анскую веру вогуличей, кочевавших по притокам Печоры» [3, с. 407]. «За обращение в христианство печорских вогулов князь их Асыка вознегодовал страшно на Питирима и отомстил святителю за святое дело, задушив его собственными руками» [7, с. 65]. Св. Питирим был убит в 1455 г. во время проповеди на берегу Вычегды. «Об этом убийстве очень подробно рассказывает Архангелогородский летописец под 6963 г.» [7, с. 65]. Таким образом, документально зафиксированная дата начала крещения вогулов располагается между 1448 и 1455 гг.

В дальнейшем случаи обращения вогулов в христианство путем мирной проповеди продолжились. Так, «преемник св. Питирима св. Иона в 1462 г. крестил даже самого князя Пермского со множеством народа, построил для новокрещенных храмы, назначил к ним священников и дьячков... Новокрещенный Ионою пермский князь Михаил содействовал обращению язычников в христианство и умер мучеником от рук вогуличей» [7, с. 67]. Далее В.Г. Павловский рассказывает о миссионерской деятельности монаха-отшельника преподобного Трифона в 1575–1613 гг. Он разрушил языческое капище и на его месте воздвиг Никольскую церковь, основал Успенский монастырь и крестил множество вогулов. Факт этот примечателен по той причине, что отшельники, как известно, действуют в одиночку, – перед нами реальная иллюстрация духовной брани, где побеждает тот, чья вера истинная (вспомним состязание библейского Илии со жрецами Ваала (3 Царств 18, 18–40) и т. п.). В 1620 г. была учреждена Сибирская епархия, дело христианизации вогулов медленно продвигалось, но все-таки большинство из них оставались язычниками.

Теперь остановимся на миссионерской деятельности «митрополита Филофея, достойно именуемого «сибирским апостолом» [7, с. 76]. «В конце 1706 г. Государь Петр I повелел: а) или самому митрополиту Филофею или назначенным им монахам и священникам ехать к вогуличам с евангельской проповедью; б) все кумиры и кумирницы, где только будут найдены, сжигать и истреблять и на их месте строить церкви, часовни, ставить иконы; в) самих вогулов от мала до велика крестить; г) с желающих креститься сложить недоимки и выдать им из казны кафтаны, рубашки и хлеб; д) миссионерам, будет ли то митрополит или другое духовное лицо, требовать от гражданского начальства летом – судов, а зимой – проводников, переводчиков и обороны» [7, с. 78–79]. И действительно, энергичный митрополит Филофей, поддерживаемый царем и местными властями, начав в 1707, а не в 1714 г. и закончив в 1722 г., окрестил великое множество вогулов. Чем руководствовался каждый из новокрещенных – страхом, выгодой или любовью ко Христу – сказать невозможно. В душевной, а тем более духовной областях статистика бессильна.

Крещение вогулов, начавшись гораздо раньше 1714 г., и закончилось намного позже 1722 г. Из работы И. Н. Глушкова «Чердынские вогулы» мы узнаём, что «чердынские вогулы были последними, принявшими хри-

стианство; в то время, когда их родичи Лозьвинские вогулы были крещены (1818 г.), чердынские оставались язычниками» [5, с. 51]. В 1851 г. чердынские вогулы «были собраны в деревню Сыпучую на Вишере, где была в то время часовня, и изъявили готовность креститься. Всего крестилось 76 мужчин и 46 женщин» [5, с. 52]. Очевидно некоторое противоречие между выражениями «были собраны» и «изъявили готовность», однако как бы то ни было, принудительно или добровольно, последняя крупная группа некрещеных вогулов была крещена.

Таким образом, начало документально зафиксированного крещения вогулов следует искать между 1448 и 1455 гг., а его окончанием ознаменован 1851 г. По справедливому замечанию И. Н. Гемуева, «способы обращения в христианскую веру были и мирными, и насильственными» [4, с. 13]. На первом этапе христианизации использовалась исключительно мирная проповедь, начало которой положено епископом Пителимом. Тогда российское государство еще почти не оказывало помощи миссионерам и зачастую не могло гарантировать даже их безопасность, поэтому многие первые проповедники были убиты вогулами и прославились как мученики (св. Герасим, св. Пителим, св. Иона и др.). Период массового крещения вогулов, когда соседствовали мирная проповедь и государственное принуждение, связан с деятельностью митрополита Филофея, поддерживаемого Петром I и местными властями. Начав в 1707 г. и закончив в 1722 г., он окрестил великое множество вогулов. Впоследствии принуждение и мирная проповедь тоже соседствовали.

Описывать последствия крещения вогулов не входило в цель данной статьи, но они вполне предсказуемы. Если к народу, уже имеющему сложившиеся религиозные воззрения, приходят проповедники новой веры, у каждого представителя этого народа появляется тройкий выбор: либо принять новую веру, либо отстаивать старую, либо стать двоеверцем. Перед язычниками вогулами после пришествия на их землю христиан встал тот же выбор, и каждый выбрал то, что выбрал. Статистика здесь бессильна, но мы, не пытаясь подсчитывать процентное соотношение вогулов-христиан, вогулов-язычников и вогулов-двоеверцев, могли бы зафиксировать само наличие этих трех групп и описать их, используя свидетельства путешественников-очевидцев, архивные данные и т.п. факты. Скажем прямо, что это уже сделано нами, и те, кто желает узнать о последствиях крещения вогулов, могут ознакомиться со статьей, посвященной этому вопросу [См.: 10].

Библиографический список

1. Большая советская энциклопедия / Гл. ред. Прохоров А. М. – Т. 15. – М., 1974.
2. Вогулы // Энциклопедический словарь / Издатели Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. – СПб., 1892. – Т. 6а. – С. 705–706.
3. Будрин Е. Очерк истории Пермской епархии // Пермские епархиальные ведомости. – Пермь, 1868.

4. Гемуев И. Н. Мировоззрение манси: Дом и Космос. – Новосибирск : Наука, 1990.
5. Глушков И. Н. Чердынские вогулы. – М., 1900.
6. Орлов А. П. Сведения о вогулах, обитающих в Пермской губернии. – Пермь, 1873.
7. Павловский В. Г. Вогулы. – Казань, 1907.
8. Смирнов А. П. Вогул Никита. – СПб., 1910.
9. Сорокин Н. В. Путешествие к вогулам. – Казань, 1873.
10. Чепкасов Е. В. Взаимоотношения мансийского язычества с христианством: документально-исторические сведения и художественная версия Ю. Н. Шесталова. URL: <http://chepkasov-proza.narod.ru/4hristianizatciya.htm>

V. EDUCATION: TRADITIONS AND INNOVATIONS

СПЕЦИФИКА ЯПОНСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Р. В. Бирюк,
В. П. Труфанова,
Д. И. Цой

*Бакалавр,
студенты,
Институт сервиса, туризма и дизайна,
Северо-Кавказский федеральный
университета, филиал в г. Пятигорске,
Ставропольский край, Россия*

Summary. In this article questions of development of system of national education in Japan, and also governing bodies and scientific and pedagogical communities are considered. The program, forms and methods of education of pupils in educational institutions is analyzed. Also in article features and specifics of functioning of younger and high schools in Japan are described.

Keywords: education; educational system; pupils; school; methods; program; society; traditions; innovations.

Школы, а также другие учебные заведения являются мировыми образовательно-воспитательными системами, преодолевшими многовековой путь исторического развития, которые в различное время ощущали многообразие кардинальных перемен, происходивших в социуме, науке и культуре всех стран и народов. Каждое учебное заведение преследует цели накопления, сохранения и развития культуры и общества в целом, а также и всего государства. В настоящее время одним из лидеров мирового развития становится Япония. На процесс развития страны большое влияние оказали успехи в воспитании и образовании народа. Образовательная система Японии имеет некоторые общие черты с мировыми школами, однако вместе с тем и специфические, которые наиболее ярко отражены в региональных и национальных особенностях японцев. В данной стране превалирует азиатская педагогическая традиция, в которой интегрирован опыт различных евразийских народов.

Образование в Японии представляет собой многогранный процесс, происходящий в специфических социальных, политических, экономических, этнических условиях, который развивается по пути демократии. В японской системе образования используются два взаимоисключающих подхода: эгалитаризм и плюрализм. Первый подход является традиционным для японцев и широко применялся в послевоенные годы [2, с. 39–42]. По нему предполагается, что все учащиеся рождены равными, и это, в свою очередь, приводит к тому, что происходит отказ от поощрения творчества и выдвижения одних учеников в сравнение с другими. Второй под-

ход основан на идеях демократии образовательной системы и поэтому находит больше сторонников. Одним из них является профессор Йоширо Канемацу из Кобе, который утверждает, что любая образовательная система исполняет две функции: обучающую и социально-селективную. Исходя из первой функции образовательной системы, у учащихся формируется характер, приобретаются знания и различные умения и навыки. Исходя из второй функции, происходит отбор учеников и их распределение по различным социальным группам [1, с. 356–357].

Выделяют несколько признаков системы образования, основанные на принципе демократизма: (профессор Хоккайдо Таеда Масанао)

- равноправие всех членов общества в получении образования;
- децентрализация системы образования, что означает право местных органов распоряжаться финансами и отбирать педагогических работников;
- открытость системы, что означает преемственность всех ее составляющих, так как каждый родитель и ученик имеет право выбрать то или иное учебное заведение;
- организация образовательного процесса с точки зрения восприятия свободно мыслящего человека, способного ставить и решать альтернативные задачи, критически мыслить, а также творчески подходить к работе [3, с. 84–85].

В начальной школе каждый японец приобретает в разумных пределах обязательные знания, чему и способствует реализация идеи интегративного обучения. Программа начальной школы в Японии имеет название сейацу, согласно которой все элементы естественных и общественных знаний изучаются в тесной связи. Данная программа состоит из 100 часов и занимает прочное место в первом и втором классах школы. Знания об основных повседневных явлениях, фактах из соответствующих наук, навыки классификации и измерения изучаемых явлений, развитие научной интуиции приобретается на специализированном интегративном курсе. В образовательной системе Японии предусмотрены специальные системы тестов с целью выявления мотивов негативного или положительного восприятия учащегося к той или иной учебной дисциплине.

Образовательная система Японии состоит из обязательной бесплатной младшей школы, которая может быть как муниципальной, так и общегосударственной и необязательной платной старшей школы. Поступление в младшую школу происходит без вступительной экзаменации, но для старшей средней школы она является обязательной. Данная система была создана в 1948 г. [5, с. 95–96]. Некоторое время при поступлении в старшую среднюю школу существовал некоторый «бум», что потребовало значительных дополнительных ассигнований для образования новых учебных заведений, так как существовала огромная проблема переполненности в классах (примерно 45 учащихся). Однако, специалисты отмечают, что в настоящее время «бум» прекратился и началось постепенное уменьшение

количества учащихся в старшей средней школе. В младшей школе, в которую входят 7–9 классы, японцы могут получить неполное общее образование, программа которой является обязательной. Предметы, входящие в нее предусматривают подготовку к продолжению образования либо же к трудовой деятельности. В старшей школе (10–12 классов) ученики получают либо академическое образование для подготовки к университету, либо общее для завершения обучения, либо же профессиональное для подготовки работников средней квалификации.

Учебный план старшей средней школы состоит из следующих предметов: японский язык, обществоведение, математика, естественные науки, физическое воспитание и гигиена, искусство, иностранный язык, домоводство, а также экономика. 90 % времени отводится на выполнение данного учебного плана, остальное время нацелено на освоение специального элективного обучения. Национальные стандарты старшей средней школы Японии предусматривают две категории программ:

- общеобразовательные программы для учеников, планирующих поступать в университеты или работать;

- специальные программы для профессионально-технического обучения тех учащихся, кто предпочел сельское хозяйство, промышленность и т. д.

В каждой старшей школе также имеется возможность сочетать обязательную и специальную программы. В средней школе имеются традиции вербального обучения, которые направлены на приучение рационально и экономно планировать свое время. В последние годы в Японии огромными темпами развиваются и внедряются инновационные технологии в образовательную сферу. Именно новейшие технологии заняли в этой стране свое прочное место, так как благодаря ним школьное образование получило мощный ускоритель социального развития, открыло для себя новые перспективы дальнейшего развития. Множество сложностей организации учебного процесса помогли устранить компьютерные технологии, лазерная и видеотехника, информационные сети, а также спутниковая связь, все эти технологии к тому же повысили эффективность обучения, как в Японии, так и во многих других странах мира.

Все школы Японии оснащены компьютерной техникой. В специально оборудованных классах многих средних заведений учащихся ждут различные компьютерные программы. Они составлены с таким расчетом, что неверный ответ корректировался машиной [4, с. 125–126]. Учение превращается в увлекательную игру: чем больше правильных ответов дает школьник, тем азартнее игра, острее желание познать новое, чтобы ответить машине. Новая техника выполняет в школе две основные функции. Во-первых, ее освоение является одновременно приобретением общего и специального образования. Во-вторых, она предназначена для преподавания различных дисциплин. В японской школе реализуется чаще первая из названных функций.

Новые технические средства уже доказали свою незаменимость в японской школе. Это одна из гарантий модернизации и улучшения учебного процесса.

Таким образом, школа в Японии рассматривается как база и стартовая площадка пожизненного воспитания. Вне школы создаются иные воспитательно-образовательные структуры. Пожизненное воспитание рассматривается как ответ на радикальные сдвиги в последнее время. Среди таких сдвигов называются изменение структуры промышленного производства, интернационализация общественной жизни, движение к информационно-ориентированному миру. В условиях резких социальных изменений усиливается потребность в непрерывном приобретении новых знаний и умений и использование новейших технологий.

Библиографический список

1. Волгин Н. Японский опыт, который стоит изучать и разумно заимствовать // Человек и труд. – 1997. – № 6.
2. Гришин М. Л. Современные тенденции развития образования в Азии. – М. : Эксмо, 2015.
3. Зарубежный опыт реформ в образовании (Европа, США, Китай, Япония, Австралия, страны СНГ): Аналитический обзор // Официальные документы в образовании. – 2012.
4. Конрад Н. Японская литература в образцах и очерках // Конрад Н. Том 1. – СПб. : Питер, 2011.
5. Григорьева Т. П. Японская художественная традиция. – М., 2013.

О ВЛИЯНИИ ИРАНСКОГО РЕЛИГИОЗНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НА ИЗУЧЕНИЕ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА В РОССИИ

Ю. И. Ильина

*Соискатель,
Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова,
г. Москва, Россия,*

Summary. This article analyses impact of Iranian religious education on Persian language studies in Russia. It's based on author's personal experience in one of the most prominent Islamic universities "Al-Mostafa" in Qom, Iran.

Keywords: Iran; Russia; Qom; Islam; education; Persian language; Farsi.

Между Россией и Ираном всегда существовали тесные культурные и исторические связи. Россия всегда обращала взор в сторону Персии как древней великой культурной цивилизации. Поэтому русская дипломатия всегда ставила в приоритет сохранения отношений с ней.

Начало 21-го века характеризовалось укреплением культурных связей между Россией и Ираном. Политика «диалога цивилизаций» проводимая президентом Исламской республики М. Хатами, привела к бурному развитию иранского искусства и признанию его на Западе [1].

В эти годы правительство Ирана наращивает активность по популяризации иранской культуры в России. Взаимодействие со «светскими» университетами происходит опосредовано через посольство и культурный центр Ирана в России. Для этого особенно в последнее время очень много было сделано лично послом доктором Мехди Санаи. В частности им было заключено множество договоров международного сотрудничества в сфере науки, культуры и образования с российскими вузами. Остается только развивать те проекты, которые могут предложить друг другу эти стороны [2].

В то же время, российская сторона достаточно настороженно относится к попыткам иранцев проповедовать в России шиитский Ислам и идеологию Хомейни, воспринимая это, как попытку «экспорта» Исламской революции. Тем не менее, академические исследования, конференции и совместные учебные программы, не воспринимаются в России враждебно.

Так, в Москве наиболее активную и успешную научно-религиозную работу проводит «Фонд исследований исламской культуры» в лице его руководителя доктора Хамида Хадави. Фонд занимается ознакомлением с национально-религиозным достоянием иранской культуры именно с научных позиций, что очень важно сегодня. Данная организация ведет успешную работу по образованию научно-религиозной площадки между иранскими и российскими учеными и специалистами, как в области религиоведения, философии, культурологии, истории. Что так давно ожидалось и самой Россией для установления и религиозных и светских связей с Ираном [4].

Колыбелью исламской культуры и центром исламского образования, а также основным центром формирования государственной политики в Иране является город Кум. При всей его закрытости, именно здесь наиболее активно ведется образовательная работа с иностранцами, и имеется огромный опыт и потенциал для развития работы в дальнейшем. Стоит отметить, что значительную часть его жителей составляют иностранные студенты, в том числе из стран Западной Европы, Китая, Северной и Южной Америки. В первую очередь их привлекает возможность изучать язык, познавать культуру, религию Ирана. Только в Куме можно присутствовать на лекциях выдающихся исламских мыслителей, общаться с ними лично.

В настоящем выступлении хотелось бы отметить особенности влияния религиозного образования на изучение персидского языка россиянами в городе Куме. Участие россиян в программах религиозного образования, спонсируемых Ираном и проводимых в различных медресе города Кума под эгидой научного центра «Аль-Мустафа» на протяжении последних 10–15 лет стало явлением регулярным [3].

Несмотря на то, что это явление нельзя назвать массовым, тем не менее выпускники иранских медресе, вернувшиеся в Россию, играют заметную роль в российско-иранских образовательных, культурных программах, работают в представительствах иранских государственных и частных компаний в России.

Кроме того, поскольку количество выпускников различных специальностей, изучающих персидский язык в России небольшое, то выпускники иранских медресе могут составлять значительный процент среди россиян изучающих фарси.

Среди особенностей изучения персидского языка в медресе можно отметить следующее:

1. Программа изучения персидского языка составляет 8–9 месяцев, иногда до 1 года и 2-х месяцев. Такая программа довольно интенсивная и насыщенная. Она рассчитана в основном на студентов из стран СНГ, Афганистана, Пакистана, Индии, арабских стран, где языки схожи с персидским. Так, прибывающие студенты, в медресе сразу приступают к изучению фарси, которое длится около 4,5 месяца. Затем в учебный план вводится ряд предметов, таких как: история Ирана, история Ислама, основы религии, предметы, связанные с основами изучения Корана. Преподавание ведется на персидском языке.

Наряду со всеми положительными сторонами обучения персидскому языку по данной программе приходится отмечать и ряд ее недостатков:

2. В ходе обучения преподаватели практически не обучают студентов грамматике. Приходится изучать ее по учебникам, написанным на персидском языке. Отсутствует аудио и видео материал, а зачастую даже работа с картинками.

3. Практически не преподается устный персидский язык. Обучающие фильмы посвящены Ирано-иракской войне, Исламской революции, содержат много сложной общественно-политической лексики и крайне мало бытовых разговорных диалогов.

4. Зачастую преподаватели не используют обширных методологических приемов, кроме лекций и вопросно-ответной формы работы, недавно были введены тесты.

5. Тесты и контрольные работы всегда содержат вопросы с незнакомой лексикой и грамматикой. По замыслу преподавателей студент должен «догадаться». В результате зачастую на такие вопросы студенты отвечают наугад, если конечно не иметь начальную подготовку, то есть знать тему заранее и даже больше.

6. Квалификация самих преподавателей так же оставляет желать лучшего, поскольку чаще всего это не филологи, а просто учителя начальных классов, но главное с религиозным образованием или просто из семей «шахидов» (семей военных, погибших в военных конфликтах).

7. Как правило, группы для изучения персидского языка комплектуются, не исходя из начальной подготовки студентов, особенностей их родного языка, а наугад, чаще исходя из даты прибытия. Индивидуальный подход вообще отсутствует. Связи между преподавателями и обучающимися практически нет, а, следовательно, анализа как работает та или иная методика тоже нет, все новые разработки исходят только из представлений авторов данных учебных пособий.

8. Освоение для русских такой программы представляет серьезные трудности. Многим русско-говорящим, да и всем студентам у кого не было начальной подготовки, а родной язык далек от фарси, приходится проходить ее по несколько раз.

Студентов завершивших такую образовательную программу, как правило, 10–15 % от общего числа. Подавляющее большинство из них нуждается в дополнительных, внеурочных занятиях для достижения уровня знания фарси, достаточного для свободного общения, осуществления научной и трудовой деятельности. Самым неприятным является то, что медресе не выдают никаких официальных дипломов о знании персидского языка, которые могли бы быть признаны в России. Трудоустроится на штатную должность со справками из иранских медресе также практически невозможно, кроме работы по трудовому договору.

Однако, несмотря на все сложности, желающих поехать в Иран изучать фарси становится только больше, поэтому в дальнейшем хотелось бы, чтобы в Куме была программа отвечающая ожиданиям российских студентов.

Но, несмотря на недостатки, обучение персидскому языку в религиозных учебных заведениях Ирана, города Кум, имеет ряд существенных достоинств. Особенно успешно проводится работа по организации краткосрочных курсов, которые длятся 3–4 месяца. В первую очередь она дает полноценное представление о стане, культуре, ее религиозных особенностях, насыщена, интенсивна, не растянута во времени, и может подойти даже для тех, кто не исповедует Ислам, а приехал лишь для изучения или совершенствования персидского языка. При этом имеется возможность посещать лекции ведущих религиозных ученых (улемов). Местное население вполне адаптировано для общения с иностранцами.

Система религиозного образования имеет серьезный потенциал для совершенствования методик обучения персидскому языку. В частности, медресе и религиозные университеты, стараются выпускать новую учебную литературу, которая была бы полезна иностранцам, в первую очередь это энциклопедии, словари и т. п., а также направляют своих сотрудников в Россию для укрепления связи с российскими учебными заведениями. Студенты медресе в свою очередь непосредственно знакомятся с обычаями, традициями, менталитетом иранцев, приобретают определенные связи. Поэтому этим выпускникам, в отличие от российских студентов-иранистов легче строить личные и деловые отношения с иранскими партнерами.

В заключении, хотелось бы выразить надежду на то, что студенческие обмены, в которых будут участвовать с одной стороны религиозные медресе Кума и с другой светские российские вузы, по крайней мере, по линии изучения языков и культуры. Россия же является страной, в которой с уважением относятся к иностранцам их культуре и религии. И более того ислам занимает особые позиции в России, его ценности знакомы населению, в частности мусульмане на протяжении многих веков мирно проживают с людьми иных вероисповеданий и жизненных воззрений. Кроме того в России имеется огромный потенциал и опыт для такого обмена, а также готовность вести совместную научную деятельность, которая позволит вывести российско-иранские отношения на более высокий уровень.

Библиографический список

1. Емельянов В. Президент Ирана Мохаммад Хатами URL <http://www.portal-credo.ru/site/?act=rating&id=24>(дата обращения 09.03.2016 года)
2. МГУ и Тегеранский университет: договор о сотрудничестве на сайте МГУ им. М. В. Ломоносова. URL http://www.msu.ru/news/mgu_i_tegeranskiy_universitet_dogovor_o_sotrudnichestve.html (дата обращения 09.03.2016 года).
3. Университет «Аль-Мостафа». URL <http://en.miu.ac.ir/> (дата обращения 09.03.2016 года)
4. Фонда исследований исламской культуры. URL <http://islamfond.ru/ru/> (дата обращения 09.03.2016 года)

ФОРМА, СТРУКТУРА И СОДЕЖАНИЕ СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В СТРАНАХ СНГ

Н. С. Хасанова

*Старший научный сотрудник-соискатель,
Национальный институт художеств
и дизайна им. К. Бехзода,
г. Ташкент, Узбекистан,*

Summary. The article discusses the forms, structure and content of art education in the CIS countries in the framework of the analytical review of the pilot project of UNESCO / IFESCO named "Arts Education in CIS countries: development of creativity in the XXI century".

Keywords: art education; a unified national standard; a unique socio-cultural phenomenon; uniqueness of national system of art education; art school; evaluation of existing traditions in art education; realistic; academic; creative human formation.

Как известно, во второй половине XX века в республиках бывшего союза, один за другим начались процессы организации высшего художественного образования. Эти процессы сопровождались созданием учебных заведений, в виде различных институциональных структур. Если в рес-

публиках России, Украины и Прибалтики, как отдельные художественно-образовательные учреждения, в виде академий или институтов, то в Белоруссии, Узбекистане, Азербайджане и Армении художественное образование в рамках интеграции театральными вузами, а в остальных республиках они функционировали в качестве институтов искусств занимающихся подготовкой кадров в области – культура, музыкального образования, театра и изобразительного искусства.

Во всех республиках бывшего союза художественное образование было реалистической по содержанию, хотя и не во всех, строго академической. В источниках высказывается, необходимые в учебном процессе, создавались на основе достижений академического художественного образования, и сложившихся традиций ведущих институтов, например – Московская государственная художественно-промышленная академия имени С. Г. Строганова (МГХПА имени Строганова), а также Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина (Институт им. Репина), и в Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица (бывш. ЛВХПУ имени В. И. Мухиной).

Как правило, нормативные документы созданные обеспечивающими его институтами служили основой художественного образования во всех образовательных учреждениях в постсоветских стран, то есть единый государственный стандарт, единый учебный план, единая учебная программа, что, давало возможность взаимной интеграции и обмена опытом. В том числе, как средство для сравнения результатов учебной работы – ежегодные выставки выпускных творческих работ, проводимые в столичных городах бывшего союза.

Все это нашло свое отражение в документах МФГС по художественному образованию в странах СНГ, в котором утверждается, что: «Современное художественное образование в странах СНГ – это уникальное социально-культурное явление. Созданные в этих странах национальные системы художественного образования отличаются сущностным родством обеспечивающих его институтов и содержания, определяемого современным уровнем дифференциации родов и видов искусства» [3, с. 7].

Верная по сути, оценка сложившихся традиций в художественном образовании этих стран, что делает необходимым закрепления всего накопленного, и введения в практику обучения появляющихся новшеств в мировом пространстве.

Отличительной чертой, в числе достигнутых, как говорится в документе, является – сохранения форм национальной уникальности в художественном образовании: «При этом удаётся сохранять уникальность национальных систем художественного образования, которая определяется культурно-историческими, этнокультурными и общественно-политическими условиями, имеющимися в этих странах» [3, с. 7].

По форме, художественное образование в странах СНГ тоже было различной: В России изначально существовали отдельные институты – по изобразительному и прикладному искусству: В Москве – Московский государственный академический художественный институт имени В. И. Сурикова (МГАХИ имени В. И. Сурикова) и Московская государственная художественно-промышленная академия имени С. Г. Строганова (МГХПА имени Строганова), а также Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина (Институт им. Репина), и Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица (бывш. ЛВХПУ имени В. И. Мухиной). Кроме этого, Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова (РАЖВиЗ имени И. С. Глазунова) а также, и художественный институт им. В. И. Сурикова в Красноярске. Наряду с этим художественные факультеты входят в состав образовательных направлений отдельных университетов, политехнических и педагогических институтов. По сложившимся традициям в художественном образовании в странах СНГ образовательные учреждения специализируются по изобразительному, прикладному искусству и по дизайну. Если в одних странах отдельные институты, то в других факультеты по видам искусств.

В российском художественном образовании есть и те, и другие формы специализации, отличающиеся сущностным родством обеспечивающих его институтов и содержания, определяемого современным уровнем дифференциации родов и видов искусства: специальности по которым ведутся образовательный процесс в таких институтах как Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина (Институт им. Репина), и Московский государственный академический художественный институт имени В. И. Сурикова (МГАХИ имени В. И. Сурикова) – станковая и монументальная живопись, реставрация произведений изобразительного искусства, графика, скульптура, архитектура, теория и история изобразительного искусства.

В Московской государственной художественно-промышленной академии имени С. Г. Строганова (МГХПА имени Строганова), и Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица (бывш. ЛВХПУ имени В. И. Мухиной) – монументальная живопись, декоративная скульптура, графический дизайн, промышленный дизайн, интерьер, мебель, дизайн текстиля и одежды, художественная керамика и стекло. В образовательных учреждениях по художественному образованию в странах СНГ в целом такой же перечень специализаций по родам искусств – изобразительное, прикладное искусство и дизайн.

После обретения независимости в художественном образовании стран СНГ произошли коренные преобразования. Настоящее время во всех республиках бывшего союза функционируют высшие художественные учеб-

ные заведения, цель которых, в конечном счете поддержания и развития высокого поступательного развития отраслей художественного творчества.

Задачей формирования творческого человека, является, декларированный в аналитическом обзоре постулат – воспитания духовности в обществе: «Постоянные процессы адаптации художественного преподавания к изменениям условий жизнедеятельности, преодолевая все трудности периода, рассматривает возможности формирования творческого человека, самостоятельно организовывающего параметры своей жизненной среды. Речь идет о неимеющей аналогии внешности и значения этого вида области, его уникального соответствия влиять спонтанно в стремления достичь цели в художественном образовании, помогающее пройти процессы, появившееся под влиянием общественной культуры фрагментарных аспектов сознания» [1, с. 4].

Так как главная цель художественного образования, это формирования творческого человека, и критерием создаваемого им в произведении художественности в любом из направлений творчества является выражения собственного «я» – как художника, выражающая его отношения к жизни, к прекрасному, манера исполнения, в том числе профессионализм и мастерство.

Таким образом, образовательным учреждениям искусств, в которых происходит становление творческой личности, возлагается огромная ответственность, в том числе, и на воспитателя: «Требуется необходимость адаптации самой системы Национального художественного образования к новым социальным экономическим условиям.

Для стран СНГ впереди стоит еще одна, следующая задача – это улучшение качества образования и наряду с этим встают вопросы конкурентоспособности в художественном образовании» [1, с. 4].

После обретения постсоветском пространстве республиками своей независимости, а также, по причине их вхождения в образование в систему «Болон», в том числе происходящими в последнем десятилетии новациями в области художественного образования, в странах СНГ произошли коренные структурные преобразования в творческих вузах. В настоящее время во всех республиках бывшего союза высшее художественное образование по своей структуре, отличается разнообразием:

– в Азербайджанской Республике – Азербайджанская государственная художественная академия. В Академии функционирует три факультета: факультет изобразительного искусства, искусствоведение, зодчество и дизайн.

– в Армении – Ереванская Государственная художественная академия. Факультет изобразительного искусства состоит из 5-ти кафедр – изобразительного искусства, скульптура, графика, теория и история искусства, гуманитарных предметов; факультет дизайна и декоративно-прикладного искусства состоит из 3-х кафедр – дизайн и моделирование

одежды, декоративно-прикладное искусства и компьютерная графика, объединённая (скульптура, живопись, рисунок).

– в Казахстане – Академия Национального искусства. Казахская национальная академия искусств имени Т. К. Жургенова (КазНАИ) В структуре вуза существует 3 факультета: театральное искусство, музыкальное искусство, хореография, кино, ТВ и искусствоведение, живопись, скульптура, дизайн и декоративно-прикладного искусства.

– в Республике Кыргызия – Художественная Академия. Национальная академия художеств Кыргызстана имени Т. Садыкова. В структуре вуза существует 3 факультета: художественное керамика, станковая живопись, станковая скульптура, дизайн и художественное оформление среды, дизайн и промышленная графика, художественное моделирование костюма.

– в Молдове – Академия Музыки, театра и изобразительного искусства. В структуре вуза существует 3 факультета: музыкальное искусства, театральное искусства, изобразительное искусство; живопись, церковная живопись, графика, дизайн одежды, дизайн интерьера, декоративно-прикладное искусство, реставрация.

– в Таджикистане – Государственный институт искусств имени М. Турсунзаде. В структуре вуза существует 7 факультетов: исполнительский, музыкально-педагогический, театральное-художественный, культурология, библиотекведения и информации, заочный факультет, факультет повышения квалификации работников культуры.

– в Украине – Академия Национального изобразительного искусства и архитектуры. В структуре вуза существует 3 факультета, 8 специализированных: объединённый факультет изобразительного искусства: кафедра живописи и композиции, кафедра графических искусств, скульптура, реставрация произведений искусств, сценография. Факультет архитектуры: кафедра архитектурного проектирования, кафедра синтеза искусств, кафедра архитектурных конструкций. Факультет теории и истории искусств: кафедра теории и истории искусств;

– Львовская национальная академия искусств (ЛНАИ). Факультеты и специальности – Факультет изобразительного искусства и реставрации: монументально-декоративная живопись, монументально-декоративная скульптура, сакральное искусство, реставрация произведений живописи, реставрация произведений декоративно-прикладного искусства. Факультет истории и теории искусств: искусство, искусствоведение, менеджмент искусства. Факультет дизайна – моделирование костюма, проектирование интерьеров, графический дизайн, художественные изделия с кожи, моделирование трикотажных изделий. Факультет декоративно-прикладного искусства: художественное оформление текстильных изделий способом ткачества, художественное оформление текстильных изделий способом печати, художественная керамика, художественное стекло, витраж, худо-

жественные изделия из металла, художественные изделия из дерева; Харьковская академия дизайна.

– в Узбекистане – Национальный институт художеств и дизайна имени К. Бехзода. В структуре вуза существует 4 факультета: изобразительное искусство, прикладное искусство, дизайн, и теории и истории искусств. Станковая живопись, монументальная живопись, театрально-декорационная живопись, художник-постановщик фильма, графика, теория и история изобразительного искусства и музееведение.

Декоративная скульптура, художественная керамика, графический дизайн, художественное фото и компьютерная графика, интерьер, дизайн текстиля и одежды, реставрация произведений прикладного искусства, реставрация декора памятников архитектуры .

В целом в художественном образовании стран СНГ произошли коренные структурные преобразования. Значения понятия «художественная школа», в смысле «непрерывности» полного курса подготовки художника-профессионала предполагает непрерывность обучения от азов – начального художественного образования до высшего уровня – высокой профессиональной подготовки. В особенности, в традициях реалистической художественной школы, на основе научного обоснования теоретических ее положений. Вот что пишет об этом российский ученый С. Роцин: «Современные тенденции изобразительного искусства таковы, что разнообразие взглядов на понятие художественного творчества являются их характерной особенностью. Громадное количество художественных течений и направлений в состоянии привести в замешательство молодого художника в лучшем случае, а в худшем – увести от изобразительного искусства в концептуальное беспредметное творчество. И оказывается, что учиться, рисунку, живописи, композиции не нужно и даже вредно» [2, с. 5–6].

В настоящее время во всем мире наблюдается тенденция к возврату понятия «художественной школы» классическом ее представлении, вот что пишет об этом известный американский художник и педагог Роберт Беверли Хейл: «Еще несколько лет назад умение изображать человеческую фигуру не считалось обязательным для художников, и это поветрие охватило даже лучшие школы обучающие живописи. Во многих учебных заведениях, где готовят будущих художников, этот предмет преподавали поверхностно, пренебрежительно, а кое-где им просто пренебрегали. Однако это пагубное поветрие, по всей видимости, миновало, и рисунок вновь стали считать основой основ живописи – независимо от стиля или направления, которого придерживается художник» [2, с. 5–6].

В духе вышесказанного, созданные в этих странах системы подготовки художников в художественном образовании придерживалась реалистического направления в обучения, и сумела не только сохранить, но и выработать соответствующие традиции.

Библиографический список

1. Аналитический обзор. Художественное образование в странах СНГ: развитие творческого потенциала в XXI веке. Бюро ЮНЕСКО в Москве; НМУ «Национальный институт образования», 2012. www.unesco.org.
2. Рощин С. П. Формирование профессионально-личностных потребностей художника педагога: автореферат дис. ...доктора педагогических наук: 13.00.02. Теория и методика обучения и воспитания. (изобразительное искусство). – М., 2010.
3. Стратегические ориентиры развития художественного образования в странах СНГ. – М. : ЮНЕСКО, Московский государственный университет культуры и искусств, 2013. www.unesco.org.

VI. PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE: ACHIEVEMENTS, PROBLEMS, PROBLEMS

КУЛЬТУРА, ОБЩЕСТВО, ЛИЧНОСТЬ

О. Е. Ваулина,
О. А. Юркова

*Преподаватели,
Свердловский областной медицинский
колледж, г. Екатеринбург,
Свердловская область, Россия*

Summary. This article focuses on the role of the Russian language in culture. We consider the importance of spiritual values for the modern man. The only thing that can predotvratitduhovny crisis is education

Keywords: language; culture; education; tradition.

Русский язык – это национальный язык русского народа. Это язык науки, культуры. В расстановке слов, их значениях, смысле их соединений заложена та информация о мире и людях, которая приобщает к духовному богатству, созданному многими поколениями предков. Константин Дмитриевич Ушинский писал о том, что «каждое слово языка, каждая его форма есть результат мысли и чувства человека, через которые отразилась в слове природа страны и история народа».

Особенность русского национального языка состоит в том, что он является государственным языком в России и служит средством межнационального общения народов Российской Федерации. Произведенные исследования в российских республиках и ряде стран СНГ свидетельствуют о признании того факта, что на современном этапе решить проблему межнационального общения без русского языка затруднительно. Играя роль посредника между всеми языками народов России, русский язык помогает решать задачи политического, экономического и культурного развития страны.

Образовательная система связана с системой общественной, государственной. А язык – это основа нравственного кода нации. Именно благодаря языку сохраняется преемственность и непрерывность истории человечества. От поколения к поколению передаются только значимые духовные и культурные ценности, всё остальное исчезает само по себе, потому что перестает быть востребованным. Традиции и культура народа передаются с помощью языка, поэтому особая роль в образовании принадлежит словесности. Для того, чтобы идти вперед, чтобы успешно развиваться дальше, необходимо ясно понимать, что в основе этих ценностей находится великая русская культура

Культура тесным и непосредственным образом связана с образованием; в процессе образования человек усваивает в том числе и значимые духовные и культурные ценности. Неслучайно особенностью отечественного образования всегда являлась его образовательная функция.

Образование есть обучение плюс воспитание, без воспитательной составляющей нельзя всерьёз говорить о целостном образовании. Сохраняя воспитательную составляющую образования, мы должны учитывать быстро меняющуюся реальность и стараться быть эффективными перед лицом современных вызовов, поскольку от этого во многом зависит нравственное просвещение молодежи, духовная безопасность всего нашего общества.

Хотелось бы сказать о преподавании русского языка в нашем колледже. Именно такие воспитательно-просветительские цели преследует недавно введенный предмет «Профессиональная культура устной и письменной речи», это своеобразный культурный императив для современного молодого человека, вторжение в иное интеллектуальное пространство.

Без языка невозможно общение, невозможно строить диалог. В мировой культуре диалог часто выступал как литературный жанр, например, стихотворение Лермонтова «Журналист, читатель и писатель». Именно в диалоге, в непрерывном социальном общении рождается личность, способная к созидательному труду.

Сегодня мы наблюдаем кризис системы отношений, который имеет глубинные причины, кроющиеся в умах и сердцах людей. Тех, кто оказался заложниками культа потребления, жесткого, а порой и жестокого соревнования в благополучии. Именно такой взгляд на жизнь навязывается в современном обществе, духовные же ориентиры считаются устаревшими. В результате мораль воспринимается как личное дело каждого.

Единственное, что может предотвратить кризис личности, это просвещение. К сожалению, сегодня считается более престижным иметь набор гаджетов, чем собрать дома библиотеку. Люди, обладающие высоким интеллектуальным уровнем, в нынешних условиях куда менее востребованы и конкурентоспособны, чем те, кто тратит свою жизнь на личное обогащение.

Важное значение имеет работа по сохранению традиционных нравственных ценностей, распространение знаний о богатой русской культуре, чтобы противостоять деградации и омертвлению души. «Мы обязаны знать, – пишет профессор доктор филологических наук В. Ю. Троицкий, – одухотворенный русский язык – душа России, ее святыня, предметное воплощение высших духовных ценностей, нерушимое духовное достояние, без которого человек (и народ!) теряет своё лицо, при поругании которого народ испытывает ущерб своего достоинства и духовной самостоятельности, оттесняется, становится нравственно уязвимым и духовно бессильным. Мы, как зеницу ока, должны беречь родное слово. Слово дано для стремления к истине. Судьба наша – в словах, нами произносимых».

Библиографический список

1. Постановление Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви // Православная газета. – № 7. – 2016. – 2–3 февраля 2016.
2. Ирзабеков Василий. Тайна русского слова. – М., 2007.

СТАНОВЛЕНИЕ ПИСЬМЕННЫХ ФОРМ КУЛЬТУРЫ САХА (ЯКУТОВ)

С. В. Никифорова

*Кандидат культурологии, доцент,
Северо-Восточный федеральный
университет им. М. К. Аммосова,
г. Якутск, Республика Саха (Якутия),
Россия*

Summary. We offer an analysis of one of the transition moments in the development of written culture of the Sakha (Yakut) people - the story of the writing of the first Yakut drama "Manchaary". We consider the relationships "a historical figure – a folklore twin – a literary hero – a stage image" or more generally "reality – folklore – literature". We provide a detailed analysis of this context, which allowed us to identify a number of additional problems: "historical reality – oral tradition – writing – literary monument – contemporary cultural context". In other words, the principles of the relationship "folklore – written culture". We show the conditions, in which cultural synthesis develops.

Keywords: folklore; written forms of culture; a romantic hero; a literary character; a historical figure; tradition; storytelling; the method of translation; replication.

Ситуация, сложившаяся в первые десятилетия XX века, не оставляла традиционной культуре саха (якутов) альтернативы: быть или не быть письменным формам. «Быть» означало расширение горизонтов культурного поля, предоставляло новые технологии, ускоряло динамику культурного роста. «Не быть» вело к стагнации культуры, и это осознавалось каждым этнофором, особенно на фоне реформаторских и революционных процессов в жизни социума конца XIX – начала XX веков, когда, точно по Бахтину, на фоне «узнавания себя в глазах другой культуры» культура саха осваивала новые формы. В данной статье мы предлагаем рассмотреть становление письменных форм культуры саха (якутов) на примере истории написания и театральной судьбы первой якутской драмы. Это был момент синтеза вековых фольклорных форм культуры и новых письменных, таких как литература и театр.

Исследования в области взаимоотношения «фольклор и литература» на материале якутского эпоса имеют устоявшуюся научную традицию; достаточно указать на работы историков, этнографов, фольклористов и филологов Г. В. Ксенофонтова, Г. У. Эргиса (Гермогенова), И. В. Пухова, Ф. Г. Сафронова, Е. И. Убрятовой и др., кроме того, проблема становления

письменных форм культуры на материале якутской поэзии подробно разрабатывается Н. В. Покатиловой: «Якутская аллитерационная поэзия (генезис литературного текста)», «Становление литературы. Очерки по якутской раннелитературной традиции» и др. ... [20; 21; 22].

История постановки драмы В. В. Никифорова-Кюлюмнюра «Манчаары» является примером, позволяющим на компактном материале определить уровни перехода из одной культурной традиции в другую. Драма написана в тюрьме в 1906 году, во время заключения по делу «Союза якутов», была опубликована в 1908 отдельным приложением к газете «Саха дойдута» («Якутский край»), перевод на русский язык сделан для Цензурного комитета и опубликован в № 5 журнала «Ленские волны» за 1914 год. Премьера «Манчаары» состоялась в Якутске, в здании Иностранческого клуба осенью 1906 года. «Это был первый опыт представления на сцене» [10, с. 169]. Вообще, самодеятельный опыт постановки по сюжетам фольклорного текста уже был, разыгрывали фрагменты эпоса. Исполнители, они же талантливые сказители, импровизировали на сцене, вполне в духе устной традиции. Здесь же имеется в виду следующее: впервые разыгрывался литературный текст, требующий от исполнителя заучивания, а не импровизации на заданную тему как предполагается в устном народном творчестве, написанный на якутском языке и по законам жанра драмы. Несмотря на то, что в основу действия положен фольклорный сюжет, ситуация кардинально меняется. Появляется идея, вокруг которой цементируется сюжет, авторский текст, который нужно заучивать наизусть, отрабатывается выстраивание мизансцен, то есть проблемы оптимального использования сценического пространства и так далее. «Само содержание пьесы, реплики героев, берущие за живое, настолько всех волновали, что самодеятельные актеры проживали жизнь на сцене искренне и натурально. Во всяком случае, первый же спектакль показал их одаренность» [10, с. 169].

Роли были распределены следующим образом: заглавную роль Манчаары играл А.Е. Кулаковский (1877–1926) – один из основоположников якутской литературы, на тот момент уже известный как поэт; позже эту роль с большим успехом будет исполнять Т. В. Слепцов [17, с. 379], а пока он играет богача Чоочо. В роли матери Манчаары и Бэрт Маарыйа (Прекрасной Марии) зрителю предстала М. Н. Андросова-Ионова (1864–1941) – известный олонхосут (сказительница) и поэт [18, с. 22]. «Мария Николаевна была одной из первых женщин – якуток, которые стояли у истоков зарождающегося якутского сценического искусства» [8, с. 16–30]. Кроме артистических способностей, всесторонне одаренная, деятельная натура М. Н. Ионовой-Андросовой проявила себя в лингвистике (сказалось многолетнее сотрудничество с Э. К. Пекарским в работе над Словарем якутского языка), фольклористике, этнографии, агрономии и др. Матрену играла Е. Н. Аверинская, позже на эту роль была введена Е. К. Яковлева – жена будущего классика якутской драматургии А. И. Софронова-Алампа

(1886–1935). Сылгысыта – Н. Ф. Афанасьев, известный библиоман, роль князя Шишигина исполнил учитель И. П. Чириков. Качиката – П. В. Слепцов, фольклорист, этнограф, искусствовед, член Исполнительного комитета «Союза якутов», он же написал декорации к спектаклю. Оба, названные здесь, Слепцовы – сыновья известного дюпсинского олонхосута В. Г. Слепцова – одного из информантов Г. В. Ксенофонтова [17, с. 552]. «Очень скоро пьеса «Манчаары» распространилась по всем улусам и наследам, ... а затем была выпущена отдельным изданием», в 1908 году спектакль закрыли [17, с. 372]. Начались тягучие, вязкие, почти обреченные на провал переговоры с Театральным цензурным комитетом о разрешении постановки; к продвижению пьесы в Цензурном комитете был подключен Э. К. Пекарский. Лишь в 1913 году «удалось выхлопотать разрешение: «К представлению в театрах разрешается, но к представлению в народных театрах отнюдь не допускается» [17, с. 372]. В регионе, где не было профессионального стационарного театра, такое «разрешение» представляло завуалированный запрет. Формальная победа не снимала ключевой проблемы в контексте письменной культуры – проблемы тиражирования. В этой ситуации автор не мог оставаться безучастным к судьбе своего произведения. Кюльмнюр, будучи в Петербурге: «передал на просмотр В. Г. Тан-Богоразу», читал в салоне генерала В. А. Алексеева (Брута), в кафе поэтов «Бродячая собака», куда поехал вместе с присяжным поверенным А. С. Зарудным и врачом А. А. Фаресовой. С Зарудным он был знаком с 1908, тот приезжал в Якутск в качестве адвоката по делу «романовцев», где на стороне защиты выступал и В. В. Никифоров [6, с. 19–20].

«Недавно в 1923 году во время Всесоюзной сельскохозяйственной выставки в Москве на торжественном мероприятии в Большом театре состоялся разговор с директором Малого театра А. И. Южиным, с которым был знаком и ранее, о национальном творчестве восточных народов и о ... пьесе «Манчаары». Он очень заинтересовался ею и взял у меня один экземпляр, с целью выяснить, нельзя ли было бы поставить ее на русской сцене. Но ... вскоре А. И. Южин заболел и умер» [17, с. 373–374]. На волне официально провозглашаемого интернационализма в те времена постановка на прославленной сцене Малого театра нам не кажется невозможной. А. И. Сумбатов – Южин (1857–1927) великий актер, с 1918 года директор Малого театра, переживал обычный для руководителя театра репертуарный голод, о чем свидетельствует тот факт, что временами он вынужден браться за драматургию сам. В 20-е гг. особенно нужны новые имена, ибо классический репертуар идеологически не соответствует запросам победившего пролетариата. А тут предлагается материал, идеально согласующийся с тенденцией времени и его актерским амплуа, то есть вполне в стилистике тех героико-романтических образов, которые он гениально создавал в пьесах Шиллера, Гюго, Шекспира. А. И. Сумбатову-Южину должна была импонировать основная социально-идеологическая предпо-

сылка – отклик на исключительные события, протест главного героя против существовавших социальных устоев. Совершенно в духе романтической театральной эстетики пьеса «Манчаары» позволяет режиссеру акцентировать внимание зрителя на изображении контрастов и противоречий личности. Предложенный драматургический материал предоставляет возможность использовать те выразительные средства, которые были разработаны мастерами романтического направления: акцент на экзотику, внимание к народному, национально-самобытному началу (воссоздание «местного колорита»), исторические декорации и костюмы, жанровую правдивость массовых сцен и постановочных деталей. Материал первой якутской драмы являлся благодатным и в плане пафосного выражения, и предоставляемой актеру возможностью продемонстрировать весь арсенал технического мастерства: яркую драматическую экспрессию монолога, обильно сдобренную риторическими эффектами, стремительность жеста, психологическое напряжение паузы и бурную эмоциональность в изобилии предлагаемых критических положений. Все то, что декларировал романтический театр, а именно: непосредственность, искренность сценического переживания, как основное содержание актерского творчества, связанного с высоким романтическим героизмом в русле традиций таких корифеев сцены как М. Н. Ермолова, А. А. Остужев, сам А. И. Сумбатов-Южин, имеет место в пьесе «Манчаары». Заглавный герой пьесы В. В. Никифорова – романтический герой, такое определение указывает на авантюристность характера персонажа, занимательность сюжета, а также дополняется значениями: народный, самобытный, далекий, наивный, возвышенный, фантастический, удивляющий и пугающий. Перечисленные черты романтического героя без малейшей натяжки полностью приложимы к образу Манчаары.

«... При написании этой пьесы я вовсе не руководствовался целью описать действительные поступки и похождения Манчаары, ... ни в словах Манчаары, ни в описании жизни народа, ни в изображении любви его к близким - ничего принадлежащего доподлинно самому Манчаары нет» [17, с. 369]. В приведенном выше отрывке В. В. Никифорова из заметок, написанных спустя 20 лет и вновь в тюрьме, «Почему и как написана пьеса «Манчаары» (1927) обнажается ряд проблем, а именно: как строятся отношения «историческая личность – фольклорный двойник – литературный герой – сценический образ» или «действительность – фольклор – литература». Более детальный анализ этой связи выявляет ряд дополнительных проблем: «историческая реальность – устная традиция – запись – литературный памятник – современный культурный контекст», то есть, на каких принципах основываются отношения «фольклор – письменная культура». В этом утверждении В. В. Никифоров сознательно акцентирует внимание на том, что не ставит задачей зафиксировать фольклорный текст, то есть не берет на себя функцию писца; и не пытается реконструировать историче-

ские реалии, связанные с жизнью и деятельностью Василия Манчаары (1806–1870) как историк. Не требует доказательств то, что автор обращается к феномену Манчаары всякий раз, когда этому соответствуют «условия записи, то есть контекст, в котором существует традиция» [5, с. 317], – об этом у него говорится однозначно: «одно обстоятельство, о котором я случайно узнал, натолкнуло меня на идею. ... начальник тюрьмы, ... перевел меня в бывшую мастерскую, где в старину будто бы был заключен разбойник Манчаары. Это натолкнуло меня на мысль описать похождения Манчаары, вложив в его уста мысли и идеи, которые разделяю я сам» [17, с. 369]. В данном случае положение складывается точно по Фрейду: тюрьма → Манчаары, отсюда – постоянный эпитет, «туокун» (як. – разбойник).

В первом издании (1908), заглавие драмы «Манчары» (орфография источника) сопровождалось подзаголовком («Манчары туокун»), русский перевод публиковался без подзаголовка, дабы лишний раз не раздражать цензуру. Но именно в такой связке «туокун Манчаары» (разбойник Манчары) используется этот образ в устной традиции. Устойчивое сочетание: «Манчаары – разбойник – тюрьма» логична для В. В. Никифорова в обеих ситуациях, но использует он этот образ как «рупор идей», в демократичной, доступной по содержанию и способу трансляции форме с расчетом на неграмотную аудиторию, привычную к устной традиции: «... какую же форму придать... Если изложить в виде простого рассказа, то таковой будет доступен только читающей публике, почему я остановился на форме пьесы, ... Эту форму я избрал в особенности потому, что якуты очень сильно увлекаются сказками, которые сказочниками передаются ... в виде изображения сцен в лицах и с отдельным подражанием голосов, как будто говорят разные лица» [17, с. 369]. Драматург решает проблему выбора жанра, системы образов в пьесе, сюжетные линии в русле устной традиции, единственно возможной в современной ему культуре саха. Автор не выпускает из поля зрения тот факт, что зрителю известны сюжетные перипетии, характеристики действующих лиц, то есть драматический эффект строится с учетом знания аудиторией устной культурной традиции, но задача у него – наполнить фольклорный образ нужным ему идеологическим содержанием и довести эти идеи до зрителя. Мало написать некий литературный текст, важно, чтобы это было созвучно проблемам современников. Но не меньшую сложность представляла в реалиях того времени и проблема тиражирования. А это уже целиком проблема письменной культуры. Перед нами ведущие ее признаки, а именно: фиксированный текст, наличие автора и реальные способы распространения текста.

Известно, что В. В. Никифоров в октябре 1906, в собственном доме, в Никольском переулке, организует Якутский инородческий клуб для объединения «всех стремящихся к просвещению якутов и создания среди них якутской грамоты и литературы» [6, с. 26]. Одной из первых акций этого клуба стала театральная постановка пьесы В. В. Никифорова: «... исполне-

ние превзошло все мои ожидания и открыло мне глаза на такие стороны якутской жизни, которые я сам и не думал отмечать в своей пьесе» [17, с. 371]. А это тоже признак, характеризующий письменную культуру, когда судьба произведения не зависит от воли автора, а смыслы, первоначально вкладываемые создателем в текст, истолковываются разнообразнее и шире, чем предполагал автор. Но еще до того как текст был переведен и подготовлен для утверждения в Цензурном комитете, каждый спектакль, каждая публичная читка утверждали и расширяли поле письменной культуры саха. «Возможность тиражирования текста и есть, в сущности, главное свойство традиции, отличной от устной. Под тиражированием в данном случае понимается всякое распространение *фиксированного* текста или его отрывка любой протяженности. Тиражирование возможно не только при наличии книгопечатания (им может быть и чтение вслух)» [5, с. 316]. И вновь проблема тиражирования всплывет 20 лет спустя: «Мне не раз приходилось видеть ... как якутская молодежь, желая поставить на сцене пьесу «Манчаары», ... напрягает все свои усилия списать роли из какой-либо старой затасканной брошюры. Такой труд был бы излишним, если бы появилось новое издание» [17, с. 374]. Заметьте, речь идет о чисто техническом процессе, как о привычных формах, не стоит проблема читателя, проблема изобретения продуктивного способа трансляции, то есть ситуация складывается целиком в контексте письменной культуры. Всего двадцать лет минуло. И к тому, чтобы она стала такой В. В. Никифоровым приложено немало усилий.

Возвращаясь к проблеме «историческая личность – фольклорный двойник – литературный герой – сценический образ», отметим, что Василий Манчаары стал «легендарной личностью, выразителем стихийного протеста бедноты против угнетателей. В народе бытует цикл преданий о его бесстрашии, смелых набегах на имения улусных богачей, о дерзких побегах из тюрем и ссылок, что свидетельствует о пробуждении общественного сознания якутов» [23, с. 21] и Манчаары – историческая личность сам был не лишен творческого дара. До нашего времени дошло более 30 песен Манчаары (с вариантами) в записи 20–30-х гг. [1, с. 35]; по устным данным, Манчаары был известным певцом – олонхосутом.

Б. Н. Путилов в свое время выявил специфику связи: «эпос мог в рамках традиции осуществлять встречи с этнографической реальностью, а главное – находить в усвоенной традиции исключительные возможности для новых идеологических трактовок, включения новых значений, разработки новых конфликтов» [24, с. 21], то есть, связка: «историческая личность – этнографический двойник» - в фольклоре никогда не остается на уровне только добросовестной констатации исторических фактов. Позже в работе «Фольклор и действительность» он уточнил закономерность: «Гораздо чаще фольклорный художественный образ функционирует как модель, как концепция данной человеческой общности, относящаяся к ее ху-

дожественной, социальной или познавательной деятельности, а не как «художественное воссоздание» реальности. Там же, где фольклор как будто непосредственно обращается к реальности, ... там происходит обязательная их трансформация, «выворачивание», включение в «свой» фольклорный мир, где они обретают новую судьбу ... таковы специфические законы фольклорного сознания» [25, с. 67]. Во всех текстах (авторство которых приписывается Манчаары, народные предания о нем, драма В. В. Никифорова-Кюлюмнюра) использован обязательный арсенал фольклоризмов: яркий, меткий, образный язык поговорок и пословиц саха, символика народных песен, синтаксические параллелизмы, смысловые повторы, детализация описания. Манчаары во всех трех формах текстов одинок, как и эпические первопредки. В указанных контекстах одиночество носит знаковый, декларируемый характер, оно откровенно романтического плана, не зависящее от того, кто его окружает, порождаемое сознанием своей миссии, кроме этого он наделяется такой функцией культурного героя, как «защита человеческого мира» [13, с. 25]. С его образом связаны типовые «мотивы временной неудачи, пленения, заточения, ... прощения врага или примирения с ним ... В программную характеристику эпического героя, а равно и романтического героя литературного произведения входят ... безоглядность решений, прямота и открытость, резкость суждений ... в нем сосредоточены слагаемые нравственного кодекса, связанные с понятиями о высоких качествах человека, воина, защитника справедливости. В эпическом герое закодированы значения, которые ведут нас отчасти в мир патриархальных отношений и мифологического пошлого, но вместе с тем – в мир социального и имущественного неравенства» [24, с. 33–34].

И. В. Пухов в ряду характерных мотивов олонхо называет «союз героя с тунгусским богатырем» [26, с. 16], имеющийся в названных произведениях. Интересно сопоставить тексты – «Манчаары Бэрт Маарыйаба ыллаабыт ырыата» в исполнении Р. Г. Борисова, записан М. Н. Скрыбиным в 1968, в Мегино-Кангаласском улусе (текст 33, фрагмент восхваления Бэрт Марии В. Федоровым-Манчаары) [11, с. 165–166; 23, с. 170] – этот же фрагмент из пьесы В. В. Никифорова, красивый, полнозвучный, в стиле народной песни, с повторами, устойчивыми оборотами. [Русский перевод скорее парафраз ранней лермонтовской лирики, и судить по нему о достоинствах и недостатках оригинального текста пьесы некорректно. Основные идеи и пафос поэзии Лермонтова, чрезвычайно популярны в среде грамотных саха того времени, им близки романтические порывы русского гения, не случайно именно в эти годы А. Е. Кулаковский переводит «Демона»]. Существенная черта романтизма – интерес к изображению ярких чувств, высвобождению личности от оков условности и неискренности. В эпической традиции саха любовная линия строится как состязание, где героиня чаще всего ведет себя вероломно по отношению к кандидату на ее руку и сердце, редко олонхо обходится без описания «героического сватовства»,

«брачного боя» и, как правило, конфликт разрешается благополучно [26, с. 12–13]. Свадьба, семья – удел фольклорного персонажа, показатель правильно прожитой жизни, характеристика «киһи-хара» – подлинного, состоявшегося человека» [3, с. 48], не нарушающая мифологему судьбы в контексте традиционной культуры. Не зря предание, во искажение исторической правды, наделяло Манчаары на старости домом и семьей. Но традиционный сценарий судьбы героя не вписывался в тот образ борца за справедливое переустройство общества, который создает В. В. Никифоров. Это еще одно подтверждение закономерности, что вербальный фольклор не аналогичен литературе, первый возвращает к устоявшимся «вечным» ценностям; литература оставляет за собой возможность переосмысления, пересоздания, претендует на право ставить свои акценты в иерархии ценностей, низводя одни и возводя на вершину другие. Самым мобильным жанром, предоставляющим возможность мгновенной реакции, осуществления обратной связи является драма. Выбор жанра драмы был и потому еще не случаен, что в традиционной культуре саха и олонхо, и камлание шамана по природе также синтетичны и мобильны, как театр, и, как показано выше, автор не только понимает эту специфическую особенность воздействия театра, но и сознательно использует ее.

«Еще при жизни реальный Манчаары стал фольклорным и литературным героем: русский М. Александров, в 1852 г. написал поэму «Якут Манчара» [23, с. 22], где вразрез с исторической действительностью и устной традицией саха, появляется сюжетная линия сотрудничества русских охранников и якута-заключенного [28, с. 51–74]. В.Г. Короленко обращается к преданиям саха в рассказе «Манчаары и Омуоча» (1884), В. Л. Серошевский в «Якутских рассказах» (1885). Н. Ф. Борисовский (1897) в поэме о Манчаары использовал не только фактические сведения о недавних исторических событиях, но и фольклорные источники, так финал его поэмы – самоубийство заглавного героя является отголоском одного из сюжетных ходов варианта народного предания [28, с. 75–92]. В записи предания Манчаары, чтобы сбить с толку погоню, оставляет на берегу речки Юдомы свою шапку, и преследователи, по этой находке сделав вывод, что он утонул, прекращают погоню. Именно на этом эпизоде, утопив героя, завершает автор поэмы. Трагический финал судьбы борца за народное освобождение усиливал романтический пафос и способствовал достижению цельности образа.

Задолго до того, как В. В. Никифоров-Кюлюмнюр на якутском языке написал драму, Манчаары – минимум, четырежды – становился главным героем в произведениях русскоязычных литераторов. У всех он изображался трагическим персонажем – романтический герой, сильная, яркая личность; бунтарь-одиночка, обреченный на поражение, поставивший себя вне общества, поведение которого не вписывается в запрограммированный сценарий «правильной жизни человека», характерный для представителя

традиционной культуры. Мы не можем достоверно утверждать, что В. В. Никифоров читал все вышеназванные произведения, но как грамотный человек, заинтересованный во всем, что касалось якутов, вряд ли он игнорировал известия о них. На этом зыбком основании мы позволим себе сделать вывод, что он должно быть, если и не читал, то почти наверняка знал об их существовании, даже с учетом скорости обмена информацией в то время. И здесь возникает другая проблема: русские на русском языке о Манчаары пишут, а что же якуты? То есть для полноты культурного диалога не хватает того обстоятельства, что по В. С. Библеру определяется как «собственная оснастка» участников диалога. Время было уже не то, чтобы оставаться в пассивной роли поставщика экзотического материала (конечно, это тоже форма диалога культур, но другой его уровень). В таком контексте наше предположение об авторских амбициях, которые совпали с уровнем образования, психологическим состоянием и физической возможностью (вынужденное бездействие в тюрьме) – все эти факторы, взятые вместе, способствовали появлению идеи «написать пьесу о Манчаары, которая явилась первым опытом ...» [17, с. 369]. Театральная судьба пьесы «Манчаары» до вмешательства политических сил, изменивших судьбу автора и его произведения, являет собой свидетельство того, что синтез, осуществленный В. В. Никифоровым в данном драматическом тексте, носил органичный характер, так как наследование устных традиций здесь гармонирует с театральной новацией, поступательность в развитии идейного ряда ведет к усложнению образов. «Я хотел каждому действующему лицу придать ту или другую отличительную черту якутского характера» [17, с. 370].

Интеллектуальный и душевный настрой автора и зрителя идеально совпадал: целостность декларируемого автором и осознаваемого зрителем подтверждается многочисленными постановками того времени на всех возможных сценах республики. Нераздельность, синхронность эмоционального настроения соответствовали новому этапу становления национального самосознания. В условиях исторически развивающейся реальности, когда на традиционные приоритеты (обыденные, сословные) накладываются нарождающиеся, загруженные идеологией связи (усложняющие систему привычных взаимоотношений, примитивизирующие их), разводящие по двум непримиримым полюсам, но непременно меняющие облик культуры, пьеса своими новыми акцентами «головного», декларативного характера подводила зрителя к рефлексии. Происходящее на сцене заставляло переживать сердцем и постигать умом смену ценностных иерархий, что было актуально для каждого носителя культуры и потому соответствовало требованиям национального духа.

По сути, речь идет об одном из ключевых событий в культуре саха (якутов) – встрече многовековой устной традиции народа и первых шагах письменной культуры. Момент этот не был органичным или механическим

соединением, нельзя назвать это и столкновением, узнавание было дозированным и постепенным. Синтез не был одномоментным, бесконфликтным, но сложным, многоуровневым и, по меркам исторического времени, очень быстротечным.

Библиографический список

1. Алексеев Н. А. и др. Исторический фольклор якутов // Предания, легенды и мифы саха (якутов). – Новосибирск, 1995. – С. 11–36.
2. Башарин Г. П. История аграрных отношений в Якутии. – Т. 2. – М., 2003.
3. Бурцев Д. Т. Якутский эпос олонхо как жанр. – Новосибирск, 1998.
4. Драверт П. Л. Из истории Якутского национального театра // Сибирские огни, 1927. – № 3. – С. 190–194.
5. Клейнер Ю. А. Устная традиция и письменная культура // Б.Н. Путилов. Фольклор и народная культура. – СПб., 2003. – С. 314–320.
6. Клиорина И. С. «Буду держаться раз намеченной цели...» // Илин, 2004. – № 4. – С. 17–34.
7. Клиорина И. С. О судьбе пьесы В. В. Никифорова «Разбойник Манчаары». – Якутск, 1991.
8. Коркина Е. И. М. Н. Андросова-Ионова // Андросова-Ионова М. Н. Олонхо, песни, этнографические заметки. – Якутск, 1998. – С. 6–32.
9. Максимов Д. К. Очерк истории якутского драматического театра. – Якутск, 1985.
10. Малькова А. Василий Никифоров. – Якутск, 1994.
11. Манчаары норуот номоҕор / сост. И. Г. Березкин. – Якутск, 1972 (на як. яз).
12. Мелетинский Е. М. Избранные статьи. Воспоминания. – М., 1998.
13. Мелетинский Е. М. Культурный герой // Мифы народов мира. – М., 2000. – Т. 2. – С. 25–28.
14. Мучин В. И. Рассматривая старые фотографии // Илин, 2004. – № 6. – С. 40–5.
15. Найдакова В. Ц. Якутский театр. – Улан-Удэ, 1998.
16. Никитин П. П. Мастера якутской сцены. – Якутск, 1985.
17. Никифоров В. В. – Кюлюмнюр. Солнце светит всем / сост. И. Е. Федосеев – Досо. – Якутск, 2001.
18. Павлов А. А. Слово о М. Н. Ионовой-Андросовой // Якутский архив, 2004. – № 3. – С. 21–23.
19. Петров В. Т. Роль фольклора в зарождении якутской литературы. – Якутск, 1972.
20. Покатилова Н. В. Якутская аллитерационная поэзия (генезис литературного текста). – М., 1999.
21. Покатилова Н. В. Становление литературы (Очерки по якутской раннелитературной традиции). – Якутск, 1999.
22. Покатилова Н. В. А. Е. Кулаковский – первопоэт якутской традиции // Кулаковский А. Е. и его время. – М., 2003. – С. 125–189.
23. Предания о Василии Манчаары // Предания, легенды и мифы саха (якутов). – Новосибирск, 1995.
24. Путилов Б. Н. Эскурсы в теорию и историю славянского эпоса. – С-Пб., 1999.
25. Путилов Б. Н. Фольклор и народная культура. – СПб., 2003.
26. Пухов И. В. От фольклора к литературе. – Якутск, 1980.
27. Пухов И. В. Якутский героический эпос – олонхо. – Якутск, 2004.
28. Сафронов Ф. Г. Василий Манчары. – Якутск, 1991.
29. Софронов А. И. Уоскээбит кэпсээним // Драмалар. – Якутской, 1986. (на як. яз.).
30. Филиппова Т. И. Саха театра. – Дьокуускай, 2000. (на як. яз).

VII. THE MAIN VECTORS OF POLITICAL AND ECONOMIC COOPERATION OF THE EURASIAN SPACE

TURİZMİN İNKİŞAFININ TARİXİ-COĞRAFİ XÜSUSİYYƏTLƏRİ

E. Ə. İsmayılova

*Doktorant,
Azərbaycan Turizm və Menecment
Universiteti, Bakı, Azərbaycan,*

Summary. The first trips were carried out for various purposes in the world. But Thomas Cook was organized first tourism activity. The demand entertainment, comfort, to see more places in a few time, fast transport, quality service and affordable prices of people increase speed of this process. If we look at short history of travel in Azerbaijan the trade travel was prevailed. Located on the Great Silk Road, increase caravans buildings belong this factors. After gaining independence from the non-oil sector in the country increased State support for development of the tourism industry.

Keywords: Grand tour; Thomas Cook; initial travel; first travelers; history of the tourism; development of the tourism; tourism in Azerbaijan; Grand Silk way.

İlkin səyahətlərin həyata keçirilməsi turizm məqsədi daşımaya da, insanların öz daimi yaşayış yerlərini tərk etməsi ilə nəticələnirdi. Qədim Romada imkanlı şəxslər imperatorun icazəsi ilə Misirə istirahət məqsədi ilə səyahətlər həyata keçirir, ticarət məqsədilə “Böyük İpək yolu” salınır, bütün dövrlərdə zəvvarlıq məqsədi ilə insanlar uzaq ölkələrə səfər edirdi. Orta əsrlərdə müharibələr, müxtəlif ərazilərin zəbt olunması, yaxud öyrənilməsi ilə nəticələnən hərəkətlər sırasına “Xaç yürüşləri”-ni, dini məqsədlərlə edilən zəvvarlıq səyahətlərinə isə Məkkə, Mədinə, Qüds, Kərbala və s. kimi yerlərə ziyarətləri nümunə göstərmək mümkündür.

İlkin səyahətlər yeni ticarət yollarının aşkar olunması, Yer kürəsinin öyrənilməsi, naməlum ölkələrin və ərazilərin kəşfi məqsədilə həyata keçirilmişdir. Məsələn, ərəb səyyahı İbn-Bəttutə (Abu Abdulla Məhəmməd ibn-Abdulla əl-Ləvati ət-Tənci, 1304–1368) demək olar ki, bütün Şərqi ölkələrini piyada gəzmiş, Hindistanda, Çində olmuş və özünün bir çox ölkələrin və ticarət yollarının, müxtəlif xalqların adətlərinin coğrafi təsviri olan “Rihlə” əsərini yazmışdır; italyan taciri Marko Polo (1254–1324) XIII əsrin 70–90-cı illərində öz ölkəsindən Çinə yollanmış və orada 17 il yaşamışdır; məşhur dənizçi və səyyahlar Fernan Maqellan (1480–1524), Vasko da Qama (1469–1524), Xristofor Kolumb (1451–1506) çox böyük kəşflər etmişlər. Müasir dövrün nəqliyyat imkanları səyahətləri insanlar üçün rahat olan istənilən vaxtda həyata keçirməyə imkan verir [7, s. 6].

Zaman ötdükcə səyahətdən turizm adlanan tamamilə yeni bir anlayış meydana gəldi. Səyahətdən fərqli olaraq, turizm, iqtisadiyyat və siyasətin güclü təsirini hiss edən kateqoriyadır. Turizm – ilk növbədə, dəqiq müəyyən olunmuş məqsədləri olan, zaman kəsirləri ilə məhdudlaşdırılmış və bilavasitə turistlər tərəfindən həyat keçirilən, yəni turistin fəaliyyəti hesab olunan səyahətlərin xüsusi kütləvi növüdür; ikinci növbədə, bu cür səyahətlərin təşkili və həyata keçirilməsi (müşayət olunması) üzrə fəaliyyət, yəni turizm fəaliyyətidir. Turizmə ilk təriflərdən birini Avstriya iqtisadçısı Herman fon Şullard (Hermann Von Schullard) 1910-cu ildə vermişdir. O turizmi “xarici vətəndaşların müəyyən ölkə, şəhər və region daxilində və ondan kənarında girişinə, yaşamasına və hərəkətinə birbaşa aidiyyəti olan və əsasən iqtisadiyyat xarakterli fəaliyyətin ümumi cəmi” kimi xarakterizə etmişdir [2, s. 183].

Turizmin əsasları qədim dövrlərdən qoyulsa da, kütləvi-sosial hadisə kimi bu sənaye sahəsi təxminən XX əsrin 50-ci illərindən formalaşmağa başladı. Turizmin inkişafında 4 mərhələ ayrılır:

- Birinci mərhələ – qədim dövrlərdən XIX əsrin əvvəllərinə qədər.
- İkinci mərhələ – XIX əsrin əvvəllərindən XX əsrin əvvəllərinə qədər.
- Üçüncü mərhələ – XX əsrin əvvəllərindən İkinci Dünya müharibəsinə qədər.
- Dördüncü mərhələ – İkinci dünya müharibəsindən bu günə qədər [4, s. 5].

Birinci mərhələ – qədim dövrlərdən XIX əsrin əvvəllərinə qədər olan dövrü əhatə edir. Bu mərhələni eləcə də turizmin tarixdən əvvəlki dövrü də adlandırırlar. Turizmin bu mərhələsi qədim mədəniyyət və sivilizasiyaları əhatə edir (Qədim Yunanıstan, Misir, Roma imperiyası və s.). Səyahətlərin əsas motivlərini ticarət, zəvvarlıq, sağlamlıq məqsədləri və idman təşkil edirdi.

Maariflənmə meyillərinin güclənməsi dövründə səyahətlər əsas etibarilə təhsil ilə əlaqədar olmuşdur. Yüksək zümrə nümayəndələri gələcəkdə siyasi və ya ictimai fəaliyyətlə məşğul olmaq imkanı yaradan ali təhsil almaq üçün Avropaya istiqamətlənirdilər. Bu səyahətlər “grand tour” (möhtəşəm turlar) adlanırdı və Paris, Genuya, Milan, Florensiya və Roma kimi şəhərləri əhatə edirdi. Məs., Böyük Britaniyada bu cür marşrut Londonda başlanırdı, daha sonra tələbələr Parisə, oradan da Genuya, Milan, Florensiya və Romaya yollanırdılar, geri qayıdarkən isə tələbələr İsveçrə, Almaniya və Niderland ərazisindən keçirdilər [6].

İkinci mərhələ – elmi ədəbiyyatlarda həm də elitar turizm mərhələsi adlandırılır. Məhz bu mərhələ turizm xidmətləri göstərən müəssisələrin açılması ilə xarakterizə olunur. Turizmin inkişafının bu mərhələsində mühüm rolunu nəqliyyatda baş verən inqilabi dəyişikliklər oynamışdır. 1807-ci ildə Fulton tərəfindən ilk buxar gəmisi (paroxod) inşa edilir. 1814-cü ildə Stefanson tərəfindən ilk buxar qatarı yaradılır. Bundan əlavə, poçt daşımalarının üsulları təkmilləşdirilir, yol şəbəkələri genişləndirilirdi. Bütün bunlar yerdəyişmələri daha təhlükəsiz və sürətli, səyahətləri isə daha ucuz və sərfəli etdi [1, s. 14].

İlk “package tour” kimi (vahid qiymətə satılan kompleks turist xidmətləri) 1841-ci il iyulun 5-də ingilis keşişi Tomas Kukun Ayıqlıq cəmiyyətinin 570 üzvü üçün təşkil etdiyi qrup şəklində səyahəti göstərmək olar. Xidmətlər kompleksinə Lester şəhərindən Lafforo şəhərinə dəmir yolu vasitəsilə 20 millik səyahət, çay, bulka və nəfəsli orkestr daxil idi. Bütün səyahət hər bir səyahət iştirakçısına cəmi 1 şilling pula başa gəlmişdi. Əlbəttə ki, Tomas Kuk bu zaman maddi deyil, ilk növbədə sosial məqsədlər güdüdü. O, bu səyahət vasitəsilə iş vaxtından səmərəli istifadə etmək imkanlarına diqqəti cəlb etmək istəyirdi [3, s. 22].

Üçüncü mərhələ – sosial turizmin bərqərar olması ilə xarakterizə edilir. Birinci Dünya müharibəsi, XX əsrin 30-cu illərinin iqtisadi tənəzzülü və İkinci Dünya müharibəsi bu dövrdə turizmin inkişafına mənfi təsir göstərdi. Lakin buna baxmayaraq, məhz bu mərhələdə turizmin elementləri meydana gəlməyə başlayır. İsveçrədə 1935-ci ildə “Otelplan” şirkəti meydana gəlir. Onun yaradıcısı olan Q.Dutvaylerin ideyasının əsasını o təşkil edirdi ki, “kiçik insanın”, yəni gəlirləri o qədər də yüksək olmayan əhalinin turizmə cəlb olunması mühüm xana təsərrüfatının inkişafına çox böyük yardım göstərə bilərdi. Kütləvi ucuz turist səyahətləri şirkətin əsas məhsuluna çevrildi və bu öz bəhrəsini verdi [2, s. 191].

Dördüncü mərhələ – kütləvi turizm mərhələsi də adlandırılır. Məhz bu mərhələdə turizm kütləvi xarakter alır və yalnız yüksək təbəqə insanlarına aid olmayıb, inkişaf etmiş ölkələrin əhalisinin əsas hissəsinin tələbatına çevrilir. Bu mərhələdə istirahət və əyləncə sənayesi formalaşmağa başlayır. XX əsrin 50-ci illərində Qərbi Avropada yeni turizm firmaları, mehmanxanalar, attraksion və əyləncə mərkəzləri yaranır. İkinci Dünya müharibəsindən sonra turizm bazarında tələb və təklif arasında köklü dəyişikliklər baş verdi ki, bu da konveyer turizminin kütləvi differensasiya olmuş turizmə çevrilməsi haqqında danışmağa əsas verdi. Hər iki halda söhbət kütləvi turizm barədə gedir və bu zaman turizm prosesində yalnız elita deyil, o cümlədən orta sinif, 80-ci illərdən etibarən isə az gəlirli əhali də iştirak edir [10, s. 232].

Beynəlxalq aləmdə turizmin inkişaf mərhələləri ilə yanaşı Azərbaycanda da bu sənaye sahəsinin özünəməxsus irəliləmə tempi mövcuddur. Lakin bu bölgü sistemi müxtəlif müəlliflərin əsərlərində fərqli verilmişdir. Mədəniyyət və Turizm Nazirliyinin verdiyi məlumatlara əsasən Azərbaycanda turizmin inkişaf mərhələləri aşağıdakılardan ibarətdir:

- Qədim və orta əsrlərin ticarət karvanları mərhələsi.
- XIV əsrdən XIX əsrin sonlarına qədər olan mərhələ.
- XIX əsrin sonu XX əsrin ortalarına qədər olan mərhələ.
- XIX əsrin sonlarından sonrakı mərhələ.
- Müstəqillik dövrünə qədər olan mərhələ (1950–1991).
- Müstəqillik dövrü mərhələsi [11].

Bölgü prinsiplərinin müxtəlif müəlliflərdə fərqli olmasına baxmayaraq, Azərbaycanla bağlı olan inkişaf bəşəriyyət tarixinin unikal hadisəsi olan Böyük İpək yolunun (BİY) meydana gəlməsi ilə sürətlənmişdir. Bu yol XIX əsrdə alman

tədqiqatçı coğrafiyaçısı Ferdinand Fon Rixthofen tərəfindən “İpək yolu” adlandırılırdı. İpək yolunun fəaliyyətə başlaması ilə əlaqədar olan faktlar müxtəlif olsa da, onun başlanğıcının hələ eramızdan əvvəl III–II minilliyə aid olduğu bildirilir. Antik müəlliflərin məlumatlarına görə BİY-nun ən fəal hərəkətli traslarından biri Qafqaz Albaniyasının ərazisindən (Müasir Azərbaycan Respublikasının ərazisində yerləşən qədim dövlət) keçirdi. Bu yol elmi dairələrdə “Strabon yolu” kimi daha məşhurdur. Çünki ilk dəfə olaraq bu yol barəsində Strabon daha ətraflı və müfəssəl məlumat vermişdir [7, s. 235–236].

Ticarət məqsədilə həyata keçirilən səfərlərin həddindən artıq olması gecəlmə yerlərinə ehtiyacı artırdı. Nəticədə bir sıra karvansaraların inşası baş tutmuş və ticarət yollarının üzərində yerləşən tək Təbriz şəhərində həmin dövr ərzində 200 karvansara fəaliyyət göstərmişdir. 1902-ci ildə Şamaxıda baş vermiş zəlzələ nəticəsində bir sıra karvansaralar tamamilə məhv olsa da, müasir zamanımıza qədər gəlib çıxmış Multan və ya Hindistan, Buxara, Fars, Ləzgi, Aşağı və Yuxarı karvansaraları göstərmək olar. Müxtəlif dövrlərdə Azərbaycan ərazisində olmuş Marko Polo, Ryui Qonzales Klaxvio, Afanasi Nikitin, İosafat Barbaro, Ambrocco Kontarini, Antoni Cenkinson, Vincensi Alesandri, Sadko, Övliyə Çələbi, Fedor Kotov, Aleksandr Düma və başqaları özlərinə məxsus olan səyahətnamələrində bu yerlər barəsində məlumat vermişdir. Hazırkı dövrdə isə bu karvansaraların bir neçəsindən turizm obyektinə kimi istifadə olunur.

Ölkədə neft sənayesinin inkişafı ilə xarici və yerli varlıqlar üçün XX əsrin əvvəllərindən etibarən “Yeni Avropa” oteli tikilərək istifadəyə verilir. Sonrakı dövrlərdə bu yerləşmə müəssisəsinin adı “Bakı”, “Göygöl” kimi adlandırılır. Hazırkı dövrdə isə tarixi əhəmiyyət daşıyan binada “Lükoyl” şirkətinin Bakı filialı yerləşir. Bir neçə ildən sonra isə özünün gözəl xüsusiyyətləri ilə seçilən və hazırkı dövrdə Nizami Gəncəvi adına “Ədəbiyyat muzeyi” kimi fəaliyyət göstərən “Metropol” oteli açıldı. Beləliklə, Bakı şəhərində “Qrand otel”, “Qafqaz”, “Bolşaya Moskovskaya” kimi mehmanxanalar tikilərək, istifadəyə verildi [9, s. 14–15].

1917-ci il Oktyabr İnqilabından sonra bu vaxta qədər mövcud olan turizm hərəkatının təşkili formaları və büroları, özəl turist kontorları öz fəaliyyətini dayandırdılar. Sovet hakimiyyətinin ilk illərində yaşlı əhali arasında ekskursiyaların təbliği Baş Siyasi Maariflənmə İdarəsinin ekskursiya bürosuna həvalə edildi. 1922-ci ildə Sovet Azərbaycanının paytaxtı Bakıda ilk ekskursiya dərnəkləri yaradıldı. Belə dərnəklərdən biri – “III İnternasional” mərkəzi fəhlə klubunun nəzdində yarandı.

1929-cu ilin 12 aprel tarixində SSRİ-də xarici turizmi idarə edən ilk müəssisənin yaranma günü kimi tarixə daxil oldu. Həmin gün SSRİ Əmək və Müdafiə Şurası “İnturist” xarici turizm üzrə Dövlət Səhmdar Cəmiyyətinin (DSC) təşkili haqqında qərar qəbul etdi və bununla ölkənin xalq təsərrüfatının yeni sahəsinin təməli qoyuldu [8].

İkinci Dünya müharibəsi illərində turizm-ekskursiya təşkilatlarının fəaliyyəti dayandırıldı. Müharibədən sonra Bakı turist bazasının fəaliyyəti bərpa

olundu (10 noyabr 1947-ci il). 1950-ci ilin sentyabr ayında turizm-ekskursiya idarəsi nəzdində Bakı ekskursiya bazası yaradıldı. 1969-cu ilədək turizm şurasının maddi-texniki bazası zəif inkişaf etmişdi: Mingəçevirdə (1957), Yalamada “Xəzər” (1963) və Hacıkənddə (1966) turist bazaları turist qəbulu ilə, respublikamızda Bakı (1965), Abşeron (1967) və Gəncə (Kirovabad 1967) ekskursiya büroları ekskursiyaların təşkili ilə məşğul olurdular.

Sonrakı illərdə respublikada turizm-ekskursiya müəssisələri şəbəkəsi genişləndi, turizm təsərrüfatının maddi-texniki bazası möhkəmləndirildi. 1983-cü ildə turizm ləvazimatlarının kirayəsi atelyesi, 1982-ci ildə təmir-tikinti sahəsi fəaliyyətə başladı. 1983-cü ildə Naxçıvan, Xankəndi və Mingəçevirdə, 1984-cü ildə Gəncə və Sumqayıtda turist klubları açıldı. 1985-ci ildə ekskursiya bürolarının sayı artaraq 19 oldu. 1986-cı ildə Bakıda “Abşeron” turist mehmanxanası ilk turistlərini qəbul etdi.

28 aprel 1983-cü ildə SSRİ Nazirlər Soveti “Azərbaycan SSR-in Xəzər dənizi sahillərində Ümumittifaq əhəmiyyətli kurort zonasının yaradılması tədbirləri haqqında” qərar qəbul etdi. 2 oktyabr 1984-cü il tarixdə Azərbaycan SSR Nazirlər Sovetinin qərarına əsasən, "Azərbaycan Respublikasında 1985-1990-cı illərdə və 2000-ci ilə qədər turizmin inkişafı sxemi" qəbul olundu. Qəbul olunmuş proqrama əsasən, 1990-cı ilə qədər 7700, 2000-ci ilə qədər isə 21300 yerli müxtəlif turist obyektləri tikilib istifadəyə verilməli idi. İlk mərhələdə tikilməsi nəzərdə tutulan obyektlərin 70 faizi (5300 turist yeri) birbaşa Xəzər sahillərində, 30 faizi isə (2400 turist yeri) respublikanın digər bölgələrində yaradılmalı idi.

Əfsuslar olsun ki, Azərbaycanda turizmin sonrakı illərdə inkişafına və nəzərdə tutulan layihələrin həyata keçirilməsinə maneələr yarandı. Əgər proqramda nəzərdə tutulanlar həyata keçsəydi, Azərbaycan, sözün əsl mənasında, inkişaf etmiş turizm diyarına çevrilə bilərdi. SSRİ-nin dağılması, Dağlıq Qarabağ hadisələri, 1980-ci illərin sonu – 1990-cı illərin əvvəllərində respublikamızın iqtisadi-sosial həyatının bütün sahələri kimi turizm sahəsinə də böyük ziyan vuruldu. Müharibə şəraitində yaşayan Azərbaycana turist səfərləri tamamilə dayandırıldı, ölkənin müxtəlif bölgələrində olan turist bazalarında və sanatoriya-kurort müəssisələrində qaçqın və məcburi köçkünlər müvəqqəti olaraq məskunlaşdırıldı. Turizm müəssisələrinin bir hissəsi ləğv edildi, bir hissəsi isə fəaliyyətlərini məcburi olaraq dayandırdı [5].

Müstəqillik dövründə Azərbaycanın yalnız siyasi, iqtisadi cəhətdən dirçəlməsi üçün deyil, həmçinin turizm sahəsinin inkişafı istiqamətində işlər görülür. Bu illər ərzində bir sıra turizm agentlikləri, yerləşmə müəssisələri, dövlət dəstəyi ilə həyata keçirilən layihələr və regionların inkişafı ilə əlaqədar olan dövlət proqramlarının qəbulu və yerinə yetirilməsi reallaşdırıldı. Lakin hələ də turizm sənayesinin inkişafı sahəsində çoxsaylı problemlər öz həllini gözləyir.

Bibliografiya

1. Ağakərimov M. M., Baba-zadə S. İ. Ekskursiya və Ekskursiya rəhbəri. Bakı, 2006. – 171 s.
2. Bilalov B. Ə. Turizmin tarixi. Dərs vəsaiti. – Bakı, Mütərcim, 2008. – 328 səh.
3. Биржаков М. Б. Введение в туризм. Санкт-Петербург : Издательский дом Герда, 2006. – 512 ст.
4. Бабкин А. В. Специальные виды туризма : учебное пособие, 2008. 306 с.
5. Mürvətov Əlixan. Azərbaycanca turizmin inkişafı ulu öndərin adı ilə bağlıdır. Azərbaycan. – 2009. –7 may. – S. 3.
6. Макаренко С. Н., Саак А.Э. История туризма. – Таганрог : Издательство ТРТУ, 2003. – 94 с.
7. Rəhimov S. H., Turizm ekskursiya işinin təşkili. Dərs vəsaiti.-Bakı: Mütərcim, 2004. – 312 s.
8. Rəhimov Sabir. Azərbaycanca turizm işinin təşkili mərhələləri. Mədəniyyət qəzeti. 17.08.2011
9. Soltanova H. B., Ağakərimov M. M., Baba-zadə S. İ. Mehmanxana təsərrüfatı. – Bakı : “Parni iz Baku” Nəşriyyat evi, 2005. – 228 s.
10. Соколова М. В. История туризма: учебное пособие. 7-е изд. – М. : Издательский центр «Академия», 2012. – 352 с.
11. Azərbaycanca Turizm haqqında. <http://www.mct.gov.az/service/lang/az/page/35/>

ВЕКТОРЫ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

Д. А. Мустафа

*Аспирант,
Российский университет
дружбы народов, г. Москва, Россия,*

Summary. Currently, Russia is trying to expand its influence in the Middle East. Its current policy is the result of the synthesis of the strategic directions, which dominated the country for the last 100 years in this important region. On the basis of political analysis, the author tries to reveal the political role of the Russian Middle East.

Keywords: Russia; Israel; Iran; Iraq; Egypt; Syria; Middle East; USA; foreign policy.

Важность исследования внешней политики Российской Федерации на Ближнем Востоке обусловлена тем, что международные отношения в начале XXI века вступили в совершенно иной, качественно новый этап своего развития [1; 3; 5]. Мы констатируем распад биполярной системы мира, увеличение количества региональных конфликтов, усиление процессов глобализации, ускорение трансформации международного порядка [2].

Ближний Восток всегда привлекал внимание ведущих международных акторов. Каждые кардинальные политические изменения в нем влияли на расстановку сил в мире, ибо он занимает важнейшее положение в современной системе международных отношений при наличии огромных за-

пасов ресурсов, большого милитаристского потенциала, благополучного расположения торгово-экономических путей и т. п.

Россия сегодня должна стремиться к тому, чтобы ее рассматривали как строго придерживающегося международно-правовых норм миротворца, а участие Москвы в международных вопросах как важный фактор стабильности в регионе Ближнего и Среднего Востока [4].

Рассмотрим некоторые главенствующие направления российской политике на Ближнем Востоке.

Значительный позитивный поворот наметился в отношениях с Израилем. Около 40 % его граждан это иммигранты из России. Израиль является крупным торговым партнёром. Тем не менее, на наш взгляд, политика России должна быть выдержанной. Так как в России около 20 миллионов мусульман, и только 600 тысяч евреев. В тоже время она по-прежнему поддерживает палестинцев и близка с Ираном. Важнейшей задачей России в этом направлении является усиление с Израилем партнерства на стратегическом уровне. Она не имеет объективных противоречий с ним. Развитию отношений в значительной мере способствует мощная русскоязычная диаспора.

Египет распротёр объятия для России сразу же после того, как администрация Б. Обамы приостановила часть программ военной помощи египетскому правительству в качестве ответа на низложение президента М. Мурси и «Братьев-мусульман». После их свержения она была урезана. Реакцией на это стало резкое падение поддержки египтянами США и, в частности, президента Б. Обамы. На наш взгляд, происходит укрепление влияния России в Египте, он расширяет сферу сотрудничества с Россией в течение 40 лет, в тоже время недоверие к Соединенным Штатам растет [6]. Египет покупает российское вооружение. Это дает новый импульс российско-египетским отношениям и позволяет довести их до высокого прежнего уровня, который когда-то существовал в отношениях с Советским Союзом.

Важно отметить, что еще в 2009 году, правительство Ирака было в состоянии конфронтации с сирийским режимом (и, таким образом, с Ираном). Иракцы пригрозили силой в ответ на террористическую поддержку со стороны Сирии, тем самым пытаясь получить международную поддержку инициативе по созданию трибунала ООН для осуждения сирийских чиновников. Когда иракское правительство обратилось к США за помощью, то они заявили, что не будут принимать в этом участие, и что Ирак и Сирия должны урегулировать свои разногласия дипломатическим путем.

США и Россия имеют интенсивные стимулы для сотрудничества, особенно в связи с усилением Китая, а также наличие общих интересов в стабильности на Ближнем Востоке и желание продолжения борьбы с терроризмом. Тем не менее, США отчасти поддерживали «Братьев-мусульман» и их ядерная сделка с Ираном подталкивает арабский мир к

сотрудничеству с Россией. Соглашение Вашингтона с Ираном относительно его ядерной программы вызвали огромный резонанс, и укрепило существующие разногласия, и обострило проблему.

Напряжённость в отношениях между Соединёнными Штатами и Россией не нова. Только за последние 10 лет у правительств этих стран возникало несколько серьёзных поводов для разногласий – начиная от размещения американских ПРО в Европе и войны в Ираке, до истории с Э. Сноуденом и конфронтация на Украине. Однако, несмотря на всё это, сегодня на Ближнем Востоке у этих двух государств есть общие интересы, чем в какой-либо другой период нескольких последних десятилетий. И договор по сирийскому урегулированию это подтверждает.

Ближний Восток ожидают кардинальные перемены. Новые политические альянсы будут, несомненно, в скором времени сформированы, и многие из этих трансформаций будут зависеть от степени стабильности в регионе. Между тем, для тех, кто стоит за радикальными (экстремистскими) силами в новой расстановке политических сил, на наш взгляд, не найдется места. В этой связи, соперничество между Россией и США будет продолжаться и в будущем. Тем не менее, недавние события показали их общие интересы на Ближнем Востоке, так что вряд ли может произойти критическое ухудшение отношений между двумя странами.

Таким образом, Российская Федерация являлась и является стороной, высоко заинтересованной в поддержании мира и стабильности на Ближнем Востоке. Российское государство на протяжении многих лет прикладывает значительные усилия для повышения своего авторитета в этом регионе

Библиографический список

1. Аникин В. И., Анненков В. И., Бажанов Е. П. и др. Современный мир и геополитика: монография. – М. : Канон+, 2015. – 448 с.
2. Анохин М. Г., Бочанов М. А., Ваховский А. М. и др. Политика. XXI век. Инновационные технологии : монография / под общ. ред. М. Г. Анохина, В. М. Платонова, О. Е. Гришина. – М. : РУДН, 2013. – 435 с.
3. Анохин М. Г., Гришин О. Е., Малек Т. Проблемы интеграции в современном мире: теоретические аспекты // Международные отношения и интеграционные проекты на постсоветском пространстве : материалы Международной научно-практической конференции (г. Днепрпетровск, 18–19 мая 2012 г.): в 2-х частях. – Д. : ТОВ «Інновація», 2012. – ч. 2. – С. 35–37.
4. Вавилов А. И. США и Большой Ближний Восток Время Б. Обамы. – М. : Новости Югры. – 321 с.
5. Урилова Е. И. Политика Российской Федерации на Ближнем Востоке: автореф. ... дис. к. и. н. – М., 2009.
6. Шелест П. Будущее американско-российской политики на Ближнем Востоке. Mixednews.ru. URL: <http://mixednews.ru/archives/45568> (дата обращения: 23.02.2016)

VIII. MIGRATION POLICY AND SOCIO-DEMOGRAPHIC DEVELOPMENT EUROPEAN AND ASIAN COUNTRIES

QADIN PROBLEMLƏRİNİN KULTUROLOJİ ARAŞDIRMALARI

S. A. Əliyeva

*Kulturologiya üzrə fəlsəfə doktoru, dosent,
Azərbaycan Dövlət Universiteti,
Bakı, Azərbaycan*

Summary. In the article woman in the culture problems are analyzed. It was described the attitude to woman in the period of Victorian epoch and the following period. It was paid attention to the gender problems on different cultural situations.

Keywords: culture; woman; gender; period of Victorian epoch.

Mədəniyyətlərin müqayisəsi epistemoloji sistemə produktiv alqoritmlər verir. Mədəniyyət kompravistikası identifikasiya və differensiasiya əməliyyatları, alqoritmləri üçün müstəvi açdığından təfəkkürü müxtəlif idarki (koqnitiv) imkanlarla təmin edir. Həmin imkanlardan biri hələ Platon və Aristotel dövründə formulə edilmiş «bildiklərimiz əsasında bilmədiklərimizi bilməkdir». İdentifikasiya məhz buna xidmət edir. Biz əvvəllər tanış olmayan hadisəni dərk etmək üçün hansısa tanış hadisə ilə eyniləşdiririk və bunun nəticəsində birincidə ikincinin cəhətlərini aşkar edib onun haqqında müəyyən informasiya əldə edirik. Əlbəttə, eyniləşdirmə əməliyyatını belə formulə edəndə bir situasiya arada qalır: axı, tanış olmayanı yanlış olaraq eyniləşdirəndə əldə edilən informasiya da yanlış olur. Miflər, magiya və folklor metaforaları belə yanlış eyniləşdirmələrlə zəngindir. Onlar, məsələn, reallığın faktını, tutalım, xəstəlikdən sağalmaq yolunu konkret konvensional işarələrlə (sağaldıcı sözlər, musiqi seqmenti), ikonik işarələrlə (sağalmaqda olan adamın təsviri ilə) eyniləşdirəndə müalicə haqqında yanlış bilgi alırlar. Bu yanlışlığa görə də hesab edirlər ki, adamın şəkli üstündə dua oxunanda adam sağalacaq. Halbuki adama da keçsin. Deməli, adamın özü ilə şəklini müalicə obyektini kimi eyniləşdirmək səhvdir. Magiyada identifikasiyanın yanlışlığını belə açanda mübahisələr qalxır. Əslində, maarifçilik ideologiyası, rasionalizm, modernləşmə fəlsəfəsi arxaik təsəvvürləri, dini mədəniyyətləri bu arqumentlərlə boşa çıxarmaq istəyəndə qarşı tərəfin ideoloqları maraqlı özünümüdafiə arqumentləri irəli sürürlər: onlar pirlərin möcüzəli müalicəvi rolunu, psixi-nevrotik xəstəliklərdən magiya sayəsində qurtulma hallarını xatırladırlar. Lakin bu mübahisədə maarifçiliyin, rasionalizmin «oğurlanmış insan telindən» insan bədəninə xəstəliyi ötürən fiziki kanalın getməsi inancını boşa çıxarmaq nisbətən asandır. Oğurlanmış teli yandırmaqla insanın özünü zədələmək prosesini

identifikasiya etmək mifin və dinin yanlış eyniləşdirmələrinə örnəkdir. Bu yanlış identifaksiyalardan mədəniyyət zərərə düşsə belə, başqa planda faydalana bilir: magiya aktları üstündə qurulmuş nə qədər Hollivud filmləri var ki, miflərin, magiyanın «səhvlərini» ciddi mənəvi məqsədlərin pozitiv həllinə cəlb edir.

O ki qaldı differensləşdirmənin koqnitiv və ya epistemoloji roluna «anti-identifikasiya» anlayışı altına düşən bu alqoritmin önəmi eyniləşdirmənin törətdiyi illüziyalardan idrakı qurtulmaqdır. Fizioqnomik identifikasiya-fəlsəfəsinin tərəfdarları pələng sifətinə oxşar insanı xasiyyətə də pələnglə eyniləşdirir. Bu zaman differensləşdirmə əməliyyatı yanlış əqli nəticənin qarşısını alır. Əslində, dünya sənəti hər iki əməliyyatın nəticələri ilə zəngindir. «Kitabi-Dədə Qorqud» da «Yalançı oğlu Yalancıq» adını daşıyan xain öz adı ilə eynilik təşkil edirdi, axı, dastanda o, yalanla məqsədinə çatmaq istəyirdi [1, s. 58].

XIX əsrdən bu yana rus və Azərbaycan ədəbiyyatı belə identifikasiyalarla doludur (məsələn, Dostoyevskidə «Smerdyayev» soyadının mənası pis qoxudur). Digər tərəfdən, bu tip eyniləşdirməni kontrapunkt prinsiplə pozan faktlarla da ədəbiyyat zəngindir. Biz eyniləşdirmə və fərqləndirmə alqoritmi ilə işləməyin idrak üçün nə demək olduğunu göstərəndən sonra mədəniyyətlərarası kompravistikanın idrakla bağlı faydası,barədə suala cavab tapırıq.Fikrimizi əsaslandırmaq üçün Azərbaycan alimi prof.Niyazi Mehdiinin kompravistika ilə əlaqədar qoyduğu bir problemi tədqiqata cəlb edək. O göstərir ki, müqayisəli araşdırmaları bir çox hallarda «birində olan o birisində yoxdur» prinsipi idarə edir [2, s. 112]. Bu prinsipin cazibəsi ondadır ki, fərqləri təzadlar səviyyəsinə qaldıraraq maksimum qabarıq göstərir. Bu fərqlər isə, öz növbəsində, yüksək təəccüb oyatdığı üçün xüsusi ekspressivlk qazanır. İki mədəniyyəti tutuşdurma prosesində «birində olan o birisində yoxdur» prinsipi əsasında, məsələn, aşkar edilir ki, bir mədəniyyətdə olan davranış, yeməklə bağlı qadağalar o birisində yoxdur; bir mədəniyyətdə olan papaqlar, geyimlər, əşyalar o birisində yoxdur. Parlaq örnək kimi XIX əsrə qədər Azərbaycan kənd məişətində gürcü kənd məişətindən fərqli olaraq masaların, kəkillərin olmamasını göstərmək olar. Bu əsrə qədər Azərbaycan məclislərində kişi qonaqlar olan məkanda qadınlar olmazdı, ancaq qadınların iştirakına bu qadağalar ruslarda və gürcülərdə yox idi. Hətta bu qayda Sovet dönəmində də Azərbaycanda işləyərək çayxanaları kişi dünyası etmişdi. Yalnız müstəqillik dövründə qloballaşma prosesləri ilə əlaqədar olaraq çayxana və restoran dünyaları kişi dominantlığından azad oldu.

Ənənəvi azərbaycanlı dünyasında kişinin hüzür, hörmət əlaməti kimi papaq çıxarması yox idi. Kişinin başı namazda da, məsciddə də örtülü qalmalı idi. Bu qaydanın hətta teoloji əsasını açanlar da var: başdakı papaq kişinin başı üstündə Allahın olmasının rəmzidir. Lakin müsəlmanlarda və yəhudilərdə olan bu qayda xristianlarda olmadığı üçün iki ziddiyyətli məqam yaradır. Manaf Süleymanov xatırladır ki, III Aleksandr Bakıya gələndə qarşılayanların ön sırasında, qubernatorun yanında Hacı Zeynalabdin də durubmuş. Lakin qubernator nə qədər desə də o, imperator görünəndə papağını çıxarmır. III Aleksandr narazılıqla soruşur ki, sən kimi təəbəsən. Deyir Rus İmperiyasının

[3. s. 28–29]. Təsvir olunan hadisə mədəniyyətlərarası dress-kod fərqi və anlaşmazlığına parlaq nümunədir. Hacı Zeynalabdinin təsəvvürlər sisteminə imperator qarşısında papaq çıxarmamaq heç cürə sayğısızlıq kimi dəyərlənmir, əksinə, imperatorun qarşılama mərasimini əsil «kişilərin iştirakı» ilə mənalandırır.

«Birində olanın o birində olmaması» prinsipi səyahətnamələrin əsas təəssüratlarını təşkil edir. Orta əsr müsəlman səyyahları bu prinsip əsasında kvalifikasiya etdikləri faktlar və hallarla oxucularını təəccübləndirməyi sevirdilər. Səfəvi Şahzadəsi xristianlığı qəbul edəndən sonra İspaniyada «Farsistanlı Don Juan» adını almış Oruc bəy Bayatının yol qeydlərində hadisə və faktların seçilməsinin əsas meyarlarından biri «bizdə olmayıb onlarda olanlar» tutur. Səyahətnamə öncə Farsistan üçün, sonra isə İspaniya üçün nəzərdə tutulduğundan «biz» əvəzliyi öncə səfəvi ölkəsini, sonra İspaniyayı nəzərdə tuturdu [7, s. 25, 29]. Onu da deyək ki, göstərdiyimiz prinsip təkcə səyahətnamələrə yox, Oğuz xanın, İsgəndərin ölkə fəthlərinə həsr olunmuş bədii mətnlərdə də öz kodunu vermişdi [6, s. 183–221].

Mədəniyyətlərin müqayisəsində kontrast kəskinliyini zəiflədən başqa prinsip epistemoloji baxımdan daha faydalı və realist görünür. Onu Azərbaycanın görkəmli alimi Niyazi Mehdi belə formulə edir: «onlarda elə olan bizdə belədir» [2, s. 113]. Hər iki prinsipin təhlili görüldüyü kimi, bizim tərəfdən pozitiv dəyərləndirilir. Lakin onlarla bağlı bir məqama etiraz etmək istərdik. Professor Niyazi Mehdi göstərdiyimiz müqayisə prinsiplərini məqaləsində stereotip adlandırır. Çünki bu terminin bir nöqsanı var. O dinamikliyi, çevikliyi yox, qurumuş strukturları nəzərdə tutur. Halbuki «birində olan o birində yoxdur» və «onlarda elə olan bizdə belədir» prinsipləri müqayisə əməliyyatları üçün Lakanın termini ilə desək, «sürüşkən strukturlarla» işləmək imkanı verir. Ona görə də hər ikisi birlikdə stereotip yox, alqoritm, yəni əməliyyat aparmaq qaydalarına daha uyğun gəlir. Kulturoloji kompravistikada «onlarda elə olan bizdə belədir» prinsipindən doğan alqoritmlə işləyəndə eyniliklərdə fərqlərin oyununa girirsən. Fəlsəfi dillə desək, abstrakt ümumilərdən konkretliklərdə açılan ümumilərə keçirsən.

İndi isə izah etdiyimiz bu metodoloji haldan əsas mövzumuza keçək. Mədəniyyətlərin müqayisəsində qadın fenomeninə yanaşmaq və bu mövzuda yer almış və bu səpkidə mövcud olan fərqlər mədəniyyətlər haqqında çoxplanlı informasiya əldə etməyə imkan verir. Qadın bir çox mədəni hadisələrin mənasında mühim rol oynayır. Tarix boyu nə qədər savaqlar qadın üstündə olub («İlliada»-nı və «Kitabi-Dədə Qorqud»-un bəzi boylarını yada salaq). Qadına sevgi nə qədər bədii əsərlərin yaranmasına səbəb və bəhanə olub. Qadın bədəni nə qədər gözəl paltarlara siluet və detallar verib. Bu tip diskursları adət və ənənələrlə, ailə ilə, dini normaları və bütünlükdə əxalqi normaları əsaslandırmaqla bağlı artırmaq olar. Əgər siyahıya Yunqun «Anima» arxetininin, feministlərin «Afina», «Artemida» kimi mifologiyalarla bağlı arxetiplərinin mədəniyyətdə törətdiyi nəticələri də əlavə etsək çox müqaisəli

mənzərə alınır [5]. Amma, bu o demək deyil ki, kişi fenomeni primitiv anlayışdır. Və bu o deməkdir ki, mədəniyyətlərin müqayisəsində müqayisə məsələləydanə çıxanda dörd-beş önəmli fenomen varsa, onlardan biri də qadındır. Təsadüfi deyil ki, XIX əsri qadınlar əsri adlandırırlar. Bu əsrdə müasirləşmə və avropalaşma Uzaq Şərqdən Yaxın Şərqə qədər bir çox ölkələri əhatə edəndə ən əvvəl qadın emansipasiyası ilə bağlı islahat ideyalarına və praktikalarına gətirib çıxarmışdı [11, s. 99]. Bu əsrdə kişilərin mənəviyyatını, kimliyini müəyyənləşdirən əsas amillərdən biri də onun qadın azadlıqlarına və haqlarına münasibəti olmuşdu.

Qadınların statusu, psixologiyası, mənəviyyatı baxımından Qərb və Şərq mədəniyyətlərinin müqayisəsi bu mədəniyyətlər haqqında çox şey deyir. Lakin qadın fenomeni həmin müqayisələrdə müəyyən illüziyalar da yaradır. Məsələn, kifayət qədər faktlar və hallar göstərir ki, tutalım, yapon və ingilis qadın tipi apasında fərqlərin məsafəsi iki fərqli dünya qədərdir. Eyni sözləri türk və yapon qadınları arasındakı fərq haqqında da söyləmək olar. Bu fərqləri «birində olan o birində yoxdur» prinsipində aşkar edəndə xeyli ekzotik davranış, geyim, hətta üz ifadələri amillərinə rast gəlicən. Cəvahirəl Neru xatırladır ki, Böyük Moğolların hakimiyyətinin ilk dövrlərində Hindistanda türk (eləcə də əfqan) qadınları at sürüb ova çıxır, hətta ata minib qonaq gedirdilər [8, s. 137–138]. Bunu o zamankı hind qadınları haqqında demək olmaz. Və əslində, yaponların qadın ideali da «belə sərbəstliyi» nəzərdə tutmurdu. Macar türkoloqu R. Laszlo türklərin patriarxal sistemində qadının sosial rolunu kişilərə baxanda aşağı olmasını qəbul etsə də əlavə edir ki, hər halda ətrafdakı xalqların, eləcə də müsəlmanların qadınları ilə müqayisədə türk qadınlarının vəziyyəti üstün idi [10, s. 57]. Məntiqi nəticə əsasında ehtimal etmək olar ki, türk qadınlarının statusunun üstünlüyü onlara verilən qeyri-hüquqların qeyri-türk qadınlarında olmaması idi (birində olanın o birisində olmaması idi). Mövcud səbəbin incəliklərinə varanda maraqlı nəticələrə çıxmaq olar. Birinci nəticə odur ki, köçəri həyatında yaşayan soslumlarda qadını evə, həyatə bağlamaq mümkünsüz idi. Köçün ritmi, adamların bir-birinin gözü qabağında daha çox olması, qarşıya çıxan problemlərin həlli üçün qadınli-kışili hamının işə cəlb olunması qadınları dar davranış və ünsiyyət situasiyalarına salmağı çətin və mənasız edirdi. Daha sonralar oturaq həyata keçmiş türklərdə isə adət və ənənə inersiyası ilə qadının nisbi azadlığı yenə də qalır, hərçənd oturaq dünyanın memarlığı, məkan strukturu və sosial təbəqə münasibətləri zaman keçdikcə öz diktəsini edir və sonda görürsən ki, türk qadını da din və patriarxal qaydaların dar çərçivələrinə salınır. Biz bu prosesi cahilik dövründən çıxmış ərəblərdə də görürük. Onların həyatında köçəriliyin adətləri qaldıqca qadınların sərbəstliyi də qalırdı. Yalnız Abbasilər dövründə hərəmxana prinsipində qadınların qapalı məkana məhkum edilməsi möhkəm bir qaydaya çevrildi [4, s. 102–105]. XIV əsrdə ərəb səyyahı İbn Batuta Anadoluda gəzib dolaşanda öz təəssüratını belə yazmışdı: burada kişilər də, qadınlar da bərabərdilər, qadınlar yaşmanlanmırlar. Lakin Pars Tuğlaçı hesab edir ki, Osmalının ilk dönəmində qadınlar üzü açıq gəzsələr də

sonralar Bizansın təsiri ilə yaşmandılar [12, s. 42]. Oxşar proses Hindistanda Böyük Moğolların hakimiyyətində də baş vermişdi. Bu hakimiyyət artıq oturuşmuş siyasi rejimə çevrildə qadınların hicablanması yuxarı təbəqənin simvoluna, göstəricisinə çevrildi (Cəvahirəl Neru).

Söylədiklərimiz «birində olan o birisində yoxdur» alqoritminə kifayət qədər ehtiyatlı yanaşma üsulu tələb edir. Çünki dərinə gedəndə aşkar olur ki, birində olan o birisində də varmış, ancaq başqa qiyafələrdə, metamarfozalarda. Viktorian dövrü öz əxlaqi riqorizmi, mənəvi islahatları ilə təkə Britaniya imperiyasına yox, bütün dünyaya təsir etmişdi. Bu təsirin miqyasını onda görmək olar ki, Meyci islahatları dövründə Yaponiyada Viktorian əxlaqi ruhunda qadınlarla bağlı «yaxşı zənən və müdrik ana» düsturu ilə formulə edilmiş ideologiya formalaşmışdı [9, s. 183].

Viktorian əxlaqi qadının alt paltarının, lüt qollarının görünməsini nalayiq sayırdı və beləliklə, onlardan təmizkarlıq tələb edəndə bunu təkə fizikiliyə yox, həmçinin mənəviliyə aid edirdi. Düzdür, Viktorian etika hicab və parancanı qəbul etmirdi. Ancaq İslam dünyasında belə bir deyim vardı, qadında əsas fiziki yox, mənəvi çarşabdır.

Bibliografiya

1. Kitab-i Dədə Qorqud ensiklopediyası. – Bakı, 2001. – S. 58.
2. Mehdi Niyazi. 110 nəsnə. Nərəsindən bir az. – Bakı, 2014. – S. 112.
3. Süleymanov Manaf. Eşitdiklərim, oxuduqlarım, gördüklərim. Bakı, 1987. – S. 28–29.
4. Агаев Ахмед бек. Женщина по исламу и в исламе //Азербайджан в мире. – № 4. Октябрь, 2006. – С. 102–105.
5. Болен Джин Шинода. Богини в каждой женщине. Новая психология женщины. Архетипы богинь. Гл. 1.
6. Гянджеви Низами. Искендер-намэ. – Баку, 1983. – С. 183–221; Рашид-аддин Фазлаллах. Огузнаме.
7. Книга Орудж бека Байата Дон Жуана Персидского. – Баку, 1988. – С. 25, 29.
8. Неру Джавахарлал. Открытие Индии // Открытие Индии. Философские и эстетические воззрения в Индии XX века. – М., 1987. – С. 137–138.
9. Modern Japanese Society, Part 5, Vol. 9. BRILL, 2004 // Gössman Hilaria, Lens Ilze, Kerstin Katharina Vogel, Ulrike Vöhl. Gender. – p. 183.
10. Rasonyi Laszlo. Tarihde Türklük. Ankara: Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü, 1993. – S. 57.
11. Zaynab Rahman. Women and society. Delhi: Kalpaz Publications, 2005. – P. 99
12. Aksoy Murat, Başörtüsü-Türban, Batılılaşma-Modernleşme, Laiklik ve Örtünme, İstanbul: Kitap Yayınevi, 2005. – S. 42.

АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА РЫНОК ТРУДА РФ

А. М. Белоусов

*Студент,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
г. Санкт-Петербург, Россия,*

Summary. The article analyzes the development of the modern migration legislation and its impact on the Russian labor market. During the study becomes clear that, while the process of obtaining the necessary documents for citizens from countries with visa-free entry control is an absolutely chaotic process, for citizens from countries with visa order of entrance procedure for obtaining a work permit has not undergone fundamental changes. The results as set out in the model of legislation on the employment of migrants are contentious and may have a negative impact on the labor market in Russia.

Keywords: labor migration; social rights; patent; labor market; process of assimilation.

В работе произведен анализ развития современного миграционного законодательства и его влияние на рынок труда РФ. В ходе исследования выясняется, что для граждан из стран с визовым порядком въезда процедура получения разрешения на работу не претерпела кардинальных изменений, при этом процесс получения необходимых документов для граждан из стран с безвизовым контролем въезда являет собой абсолютно хаотичный процесс. Итоги поиска пригодной модели трудоустройства мигрантов по принципам современной законодательной базы представляются спорным. Однако следует выделить следующие достоинства:

1. Потенциал законного трудоустройства граждан из стран с безвизовой процедурой въезда, как у физических, так и у юридических лиц на одинаковых условиях;

2. Упразднение системы квотирования для трудоустройства иммигрантов из стран с безвизовым режимом въезда [2, с. 12].

При всем этом следует отметить, что модель имеет абсолютно не обоснованную ориентацию на иммигрантов из стран с безвизовой процедурой въезда, в то время как миграционные процессы из «визовых» стран обладают значительным потенциалом. Следовательно, ратифицированная функционирующим миграционным законодательством (с 2015 г. – для иммигрантов из стран с безвизовой процедурой въезда в Россию), квота не показывает истинной потребности в иностранной рабочей силе для восполнения дефицита [3, с. 86–88].

Постановлением Правительства РФ от 22 декабря 2006 г. № 783 утверждается иной порядок установления потребности в иностранной рабочей силе. Примерами изменений в механизме квотирования являются:

- в регионах установленные уполномоченные органы, которым делегировалась большая часть полномочий межведомственных управлений. Ориентировочно в 80 % субъектов Российской Федерации обязанности уполномоченных органов передавались службам занятости;
- период представления заявок работодателями в службы занятости был урезан;
- спрос на труд иностранцев теперь устанавливался не только в целом по субъекту, но и по ведущим профессиональным группам.

Кардинальное изменение миграционного законодательства, произошло 1 января 2015 года, стал действовать Федеральный закон от 24 ноября 2014 года № 357-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5].

Данный закон позволяет гражданам из стран с безвизовым режимом въезда, осуществлять трудовую деятельность на основании патента. Следовательно, патент становится универсальным документом, что позволило обеспечить прозрачность и законность трудоустройства граждан из стран с безвизовой процедурой въезда у любого работодателя. В итоге квоты на привлечение иностранной рабочей силы были сняты для мигрантов из «безвизовых» стран. При этом они имеют некоторые ограничения [4, с. 74–79]:

1. Нахождение в пределах субъекта РФ, на территории которого выдан патент;
2. Занятие деятельностью (профессия, место, вид трудовой деятельности), определенной в патенте.

Важный шаг со стороны правительства в желании гарантировать социальные права и трудовые возможности мигрантов, предотвращение их наглой эксплуатации, что в свою очередь станет главным критерием их благополучной ассимиляции, осуществлен путем принятия особой главы в Трудовом кодексе РФ «Особенности регулирования труда работников, являющихся иностранными гражданами или лицами без гражданства» [6].

Но каким образом данная мера в действительности повлияет на трудоустройство мигрантов на российском рынке труда, говорить рано.

Помимо огромного перечня документов, как очередного «финансового» барьера для легального трудоустройства мигрантов, патентная система выделилась увеличением суммы авансового платежа по НДФЛ, составившей на 2015 год – 1568 рублей [1, с. 107]. К тому же субъекты РФ наделены правом назначать отличные от федеральных коэффициент индексации суммы платежа. Доходы от реализации патентов полностью перечисляются в региональные бюджеты, что стимулирует субъекты РФ к неоправданному увеличению суммы авансовых платежей. Так, например, Москва и Московская область установили величину патента на уровне 4

тыс. рублей в месяц, примерные доходы от выдачи разрешений в 2015 году составили порядка 12 и 7 млрд. рублей соответственно [1, с. 110].

По моему мнению, объективно дать оценку изменениям в современном миграционном законодательстве достаточно трудно, особенно для мигрантов из стран с безвизовым режимом. Патентная система, реализация которой значительно упростила и во многом легализовала доступ таких мигрантов на рынок труда России, по средствам отмены квотирования, одновременно создала массу новых барьеров, например, удорожание стоимости процедуры трудоустройства. Согласно экспертным оценкам, за год расходы, сопряжённые с получением патента, медицинской страховки и прохождением экзамена для мигранта, осуществляющего трудовую деятельность в Москве или Санкт-Петербурге, составляют порядка 100 тысяч рублей [1, с. 112]. Вызывает сомнения, что такие суммы за право легально трудиться, станут стимулом для мигрантов законно оформить свое пребывание в России.

Для трудовых мигрантов из стран с визовым режимом въезда последовательность приобретения разрешения на работу не изменилась, кроме того, что с 1 января 2015 года в перечень документов были внесены изменения, на данный момент обязательными к предоставлению являются: договор (полис) ДМС и документ, доказывающий знание русского языка, истории России и законодательства [4, с. 93].

Вопросы к реализованной в России системе квотирования трудовых мигрантов, актуальной с 2015 года только для иностранцев из стран с визовым режимом въезда, определено неуместностью введённых на её основе квот истинному дефициту трудовых ресурсов. Однако основанием для такого дисбаланса служит осуществление оценки спроса рынка труда по средствам лишь требований работодателей на привлечение трудовых мигрантов.

Изучив мнения экспертов и полагаясь на результаты собственного исследования, пришел к выводу о том, что оценка обоснованного спроса на труд мигрантов вынуждена отвечать дефициту рабочей силы, определяемому как разность текущего спроса на труд и предложения на рынке. Текущий спрос складывается из работников, требуемых для восполнения дефицита труда. Предложение рабочей силы, в свою очередь, складывается за счет граждан, находящихся на рынке труда. С учетом выше изложенного, отмена квотирования для трудовых мигрантов из стран с безвизовой процедурой въезда, в 2015 году следует признать главным достижением нынешнего миграционного законодательства России.

Библиографический список

1. Волох В. А., Герасимова И. В. Экономические эффекты от реализации государственной миграционной политики Российской Федерации, 2015.
2. Ивахнюк И. Деньги вперед // Миграция XXI век. – 2015.

3. Рыжкова А. Н. К вопросу об административной ответственности за незаконное осуществление иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. – 2014.
4. Татаркин А. И., Васильева А. В. Оценка потребности российского рынка труда в иностранной рабочей силе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015.
5. Федеральный закон от 24 ноября 2014 г. № 357-ФЗ <http://www.consultant.ru>
6. Федеральный закон от 1 декабря 2014 г. № 409-ФЗ <http://www.consultant.ru>

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА ДИНАМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АРКТИЧЕСКОГО СЕВЕРА

Т. М. Бормотова

*Кандидат социологических наук,
Всероссийский научно-исследовательский
институт МВД России, г. Москва,
Россия,*

Summary. The author emphasizes the issues of national Arctic policy, which is to construct a new system of social relations in the use of the "North" of Russia. Particularly relevant to policies: legislative regulation of national-territorial entities, the scientific support of the process of regional development management, and federal support for socio-economic development, a new study in the rise and the dynamic development of the Arctic North and its migration.

Keywords: migration; Arctic coast; the indigenous peoples; demographic resources; the Arctic territory; the northern route.

Регионы Крайнего Севера России всё чаще рассматриваются как всемирная кладовая полезных ископаемых и иных ресурсов, подлежащих скорому освоению, что делает его местом столкновения интересов мировых держав, которое в перспективе может стать основной ареной глобального противостояния.

Заинтересованность государства в подъеме и динамичном развитии Арктического Севера и миграция его населения подразумевает новые исследования, тем более что обществоведческий интерес к прошлому и настоящему Арктического Севера обусловлен наличием нерешенных социально-экономических проблем.

Набирающий обороты процесс сокращения населения России заставляет с особой тревогой относиться к демографической ситуации, складывающейся в последние годы на слабозаселенных просторах арктического побережья, в тоже время «вопрос миграции связан с экономическими, интеллектуальными, региональными, культурными, национальными, религиозными, политическими и другими аспектами развития общества» [1, с. 7].

Вопрос о том, сможет ли Россия и в дальнейшем осваивать Арктический север, опираясь исключительно на внутренние демографические ре-

сурсь, и, в более острой постановке, – сможет ли Россия удержать регионы арктического побережья, стал предметом публичных дискуссий только в последние годы.

Миграция за пределы районов Крайнего Севера, в основном, связана с ликвидацией значительной части существующих пока поселков.

Определяя политику дальнейшего развития северных районов Российской Федерации, произвольно встает проблема: или и дальше наращивать мощности по освоению Севера и решать социально-экономические нужды страны сегодняшнего дня, или резервировать часть территории и природных ресурсов, чтобы с большей пользой и на новой технической основе использовать их в будущем.

Проблема сохранения или восстановления традиционной социальной организации коренных народов Севера, вне которой ни один из них не может выжить в качестве носителя самобытной культуры и обречен на превращение в «этнографический материал».

При разработке механизма социально-экономического развития малочисленных народов Севера первоочередное значение имеет создание и принятие законодательных актов, которые четко определили бы правовой статус национально-территориальных образований, роль и место народных сходов, ассоциаций, советов старейшин, других общественных организаций, особый характер представительства этих народов в Советах всех уровней. Для обеспечения нормальной среды жизнедеятельности всех северян, и в первую очередь коренных жителей, необходимо проводить разумную политику хозяйствования с целью сохранения природной среды их обитания.

Данные социологических опросов населения свидетельствуют, что в северных территориях Российской Федерации проблемы бедности, низких зарплат и пенсий вызывают особенное беспокойство и тревогу.

Криминальная ситуация в арктических регионах Российской Федерации также характеризуется высоким уровнем напряженности.

Нет сомнения, что интенсивное освоение арктических территорий, расширение социальной базы ее участников будет сопровождаться существенными изменениями социально-демографических характеристик, негативно воздействующих на криминогенную ситуацию.

Очевидно, что для решения указанных проблем законодательно необходимо обеспечить функционирование жизнеспособных социальных структур и системы их правоохранительного обеспечения в северных российских регионах. Это невозможно сделать без разрешения вопроса о правовом статусе арктической зоны Российской Федерации.

На сегодняшний день согласно Стратегии развития арктических территорий России, прошло много мероприятий, посвященных развитию Арктики.

Накануне развертывания крупных мегапроектов Арктическая зона сталкивается с возрастающим дефицитом квалифицированных кадров в

результате их масштабного оттока в последние два десятилетия в центральные районы России и общего снижения численности населения России в трудоспособном возрасте.

Очевидно, что миграция населения в настоящий момент не в полной мере выполняет свою основную функцию – перераспределение массы людей по территории страны в целях сбалансированности спроса и предложения на рынке труда. Реализация политики в области миграции предполагает необходимость решения в ближайшей перспективе конкретных управленческих задач на федеральном и региональном уровне. Следует также признать, что жёсткое директивное управление миграционными процессами в имеющемся нормативно-правовом пространстве невозможно, да и опасно, особенно с точки зрения вероятных политических последствий.

Следовательно, необходимо преодолеть стихийное развитие миграции на Арктическом побережье, найти рычаги воздействия на этот процесс, снизить негативные последствия для общества и государства. Нам нужно быстрее включать социальные механизмы управления миграцией: создавать целевые программы, в том числе – инвестиционные, обеспечивающие необходимые социально-экономические условия жизнедеятельности иммигрантов, восстановление и развитие экономики и социальной сферы северных районов их преимущественного проживания, «...особенно сохранения населения в приграничных районах, сдерживания ”утечки умов”, неконтролируемого перемещения населения и т. п. ...» [2, с. 7].

Библиографический список

1. Бормотова Т. М. Влияние социальных предпосылок актуализации миграции на разработку эффективной миграционной политики и ее реализацию // *Этносоциум и межнациональная культура*. – 2012. – № 10 (52). – С. 7–9.
2. Бормотова Т. М. Формирование гражданского общества и государственное регулирование миграционных процессов // *Человек и труд*. 2012. – № 7. – С. 69–70.
3. Бормотова Т. М., Яковлев О. В. Осмысление общественных отношений в использовании Российского арктического севера и динамики его миграции населения // *Paradigmata poznani*. – 2014. – № 2. – С. 272–277.

ИССЛЕДОВАНИЕ МИГРАЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2014 ГОДУ

М. Д. Ескина

Студентка,
Новосибирский государственный
университет, г. Новосибирск, Россия,

Summary. This article is focused on the reasons of migration of population within regions in the Russian Federation in 2014. By way of regression analysis, this paper quantitatively assesses the interaction between immigration into a region and its economic and geographical characteristics such as, its average salary, unemployment rate, retail trade turnover and the cost of changing a place of residence. Carrying out a group research for regions it was found out that statistically significant factors of migration differ according to specific group features. **Keywords:** migration; reasons of migration; migration attractiveness; regression analysis.

Введение

Исследование проблем миграционных процессов сегодня является актуальным направлением в связи с глобальным ростом потоков переселенцев. Миграция – важный фактор развития государства, непосредственно влияющий на состав и структуру населения. Как внешняя, так и внутренняя миграция оказывают воздействие на социальную, экономическую и политическую сферы жизни общества. Именно поэтому процессы перемещения такого важного фактора, как человеческий капитал, должны протекать под наблюдением и контролем со стороны государства посредством миграционного законодательства. Для построения оптимальной, эффективной миграционной политики первостепенным становится изучение причин миграционных перемещений, исследованию которых и посвящена эта работа.

Обобщенная постановка модели

Для оценки факторов миграционной привлекательности регионов Российской Федерации была построена линейная регрессионная модель на основании статистических данных из официальных источников за 2014 год, использован критерий Фишера с уровнем значимости 95 %.

При выборе зависимой переменной были рассмотрены различные статистические показатели: миграционный прирост, число прибывших в регион и коэффициент брутто-миграции. В связи с тем, что основной целью является оценка факторов привлекательности, а не миграционной активности, в качестве зависимой переменной было выбрано число прибывших в регионы за 2014 год.

Целесообразно считать, что факторы, влияющие на миграционную привлекательность региона, первостепенно имеют экономическую направленность. Как и в большинстве исследований вопросов миграционных перемещений, важным определяющим фактором решения о переезде стал уровень среднемесячной номинальной заработной платы в регионе. Поми-

мо потенциальных средних доходов мигранта необходимо учесть и его обязательные расходы на смену места жительства. Наиболее значимая статья расходов мигранта – это покупка жилья, поэтому в модель был введен показатель средней цены жилья за 1 м², а текущие расходы жизнедеятельности были отражены с помощью фактора стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг.

Помимо ценовых факторов в модели отражены и показатели стабильности и рыночного благополучия регионов. Так, для характеристики ситуации на рынке труда был выбран показатель уровня безработицы, который также, как и средний размер заработной платы, отвечает за перспективность переезда в тот или иной регион. В качестве фактора общей экономической активности внутри региона был выбран показатель оборота розничной торговли. Его выбор как одного из детерминантов миграционной привлекательности обусловлен, с одной стороны, тем, что оборот розничной торговли напрямую связан с удовлетворением предъявляемого жителями региона спроса на товары и услуги, а, с другой стороны, тем, что приезжие, которые по каким-либо причинам не могут найти работу, часто ведут деятельность именно в сфере торговли.

В качестве неэкономического регрессора в модель был включен показатель, отражающий географическое положение. Этот географический коэффициент, рассчитанный как линейная комбинация градусов широты и долготы административного центра региона, отражает, как общие особенности инфраструктуры в регионе, так и его климатические особенности.

Таким образом, в качестве регрессоров в модели были выбраны:

- ценовые регрессоры (уровень среднемесячной заработной платы в регионе, средняя цена жилья за 1 м², стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг).
- характеристики местных рынков (уровень безработицы, оборот розничной торговли).
- географический коэффициент (линейная комбинация градусов широты и долготы административного центра региона).

Гипотезы модели

Выбранные переменные модели предположительно имеют положительное или отрицательное влияние на число прибывших в регион переселенцев, то есть на его миграционную привлекательность. Первоначально были выдвинуты следующие гипотезы о воздействии факторов:

Н1: положительное влияние на миграционную привлекательность оказывают: размер среднемесячной заработной платы, оборот розничной торговли,

Н2: отрицательное воздействие на приток мигрантов в регион оказывают средняя цена жилья за 1 м², стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг, уровень безработицы и географический коэффициент.

Действительно, размер заработной платы, несомненно, положительно коррелирует с общим благосостоянием индивида. Таким образом, уровень средней зарплаты рассматривается как стимул к переезду в регион, то есть как фактор притяжения.

Оборот розничной торговли характеризует масштабы и уровень экономического развития региона, значит, при прочих равных условиях, также будет вносить положительный вклад в миграционную привлекательность.

Как главная компонента издержек на переезд, цена жилья скорее всего будет оказывать отрицательное влияние на миграционную привлекательность и будет выступать как сдерживающий фактор переезда в тот или иной регион.

Поскольку решение о миграции принимается не на короткий период, а с расчетом на длительное проживание на новом месте, то важную роль начинают играть текущие издержки жизнедеятельности мигранта. Следовательно, высокие цены на продукты повседневного спроса должны оказать сдерживающее воздействие на стремление переселенцев обустроиться в конкретном регионе страны.

Так как, принимая добровольное решение о миграции, индивид стремится улучшить свое благосостояние, то невероятное значение приобретает возможность работать и получать доход. Высокий уровень безработицы отражает напряженность на рынке труда и может отрицательно влиять на решение о переезде в конкретный регион.

Также предполагается, что чем меньше географический коэффициент, то есть, чем западнее и южнее расположен административный центр региона, тем более привлекателен регион для мигрантов. Эта гипотеза связана, во-первых, с удаленностью от развитой в плане инфраструктуры европейской части России. Действительно, западная часть нашей страны в экономическом плане развита лучше, чем восточная. Самые крупные города, в том числе столица г. Москва и г. Санкт-Петербург, расположены в европейской части России. А во-вторых, сравнительная привлекательность юго-запада страны может быть связана с его климатическими особенностями. Климат в юго-западной части России значительно мягче, чем на северо-востоке.

Этапы проведения анализа

Первый этап. Совокупный анализ.

На первом этапе анализа была проведена оценка параметров регрессии по всем регионам РФ. В целях получения более достоверных результатов из рассмотрения были исключены вложенные субъекты и федеральные округа, таким образом, в исследовании использовались данные по 80 регионам России.

Второй этап. Группировка данных.

Для расширения анализа причин миграционной привлекательности регионов в зависимости от их специфических характеристик была проведена группировка представленных элементов выборки.

А) Группировка по степени миграционной привлекательности

На втором шаге анализа для группировки данных регионы России были ранжированы по числу прибывших мигрантов за год. На основании предложенной сортировки регионы были разделены на 4 группы: 1) привлекательные для миграции регионы (более 100 тысяч прибывших); 2) регионы средней миграционной привлекательности (от 50 до 100 тысяч прибывших); 3) регионы умеренной миграционной привлекательности (от 20 до 50 тысяч прибывших); 4) регионы низкой привлекательности (менее 20 тысяч прибывших) (рис. 1):

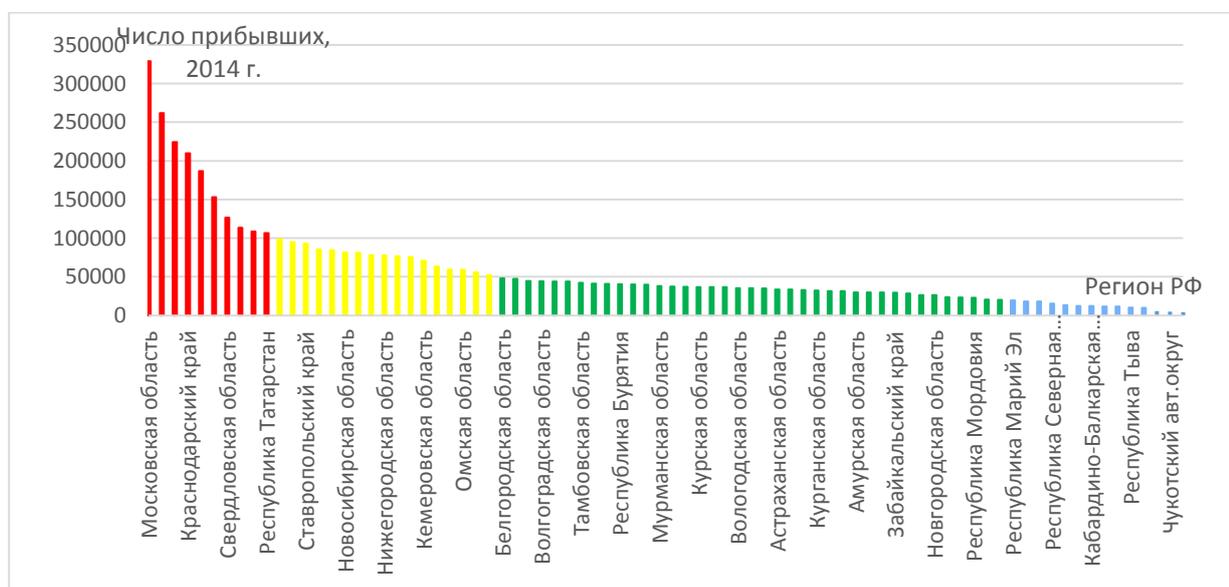

Рисунок 1 – Численность прибывших в регионы РФ за 2014 год

Б) Группировка по территориальному расположению

Третий этап анализа заключался в отдельном рассмотрении приграничных и внутренних регионов России. В данной работе под приграничными регионами подразумеваются те регионы, которые имеют общую сухопутную границу с другими государствами. Таким образом, регионы восточного и северного побережья России в число приграничных не входили, так как в основном они в значительной степени удалены от других населенных пунктов вне РФ, за исключением Японии и США.

В целом, приграничные регионы должны характеризоваться большей миграционной активностью, соответственно предположительно и факторы, влияющие на приток мигрантов будут иметь некоторые особенности в сравнении с внутренними регионами страны.

Результаты расчетов и выводы на основании анализа модели межрегиональной миграции в РФ.

Совокупный анализ

Оценка параметров линейной регрессии для всех регионов РФ в целом (без вложенных субъектов и федеральных округов) показала, что значимыми факторами, влияющими на приток мигрантов в регион, являются: среднемесячная номинальная заработная плата, оборот розничной торговли, средняя цена жилья за 1 м², и стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг. Как и предполагалось, среднемесячная заработная плата и оборот розничной торговли влияют на приток мигрантов положительно, а средняя цена жилья за 1 м² и стоимость фиксированного набора потребительских товаров и услуг оказывают отрицательное воздействие. Фактор уровня безработицы оказался незначимым. Общая оценка модели характеризуется достаточно высоким значением коэффициента $R^2 - 61,1 \%$.

Групповой анализ. Интенсивность миграции.

При оценке регрессионных моделей в отдельных группах регионов, объединенных на основании миграционной привлекательности были получены следующие результаты.

А) Для группы 1 (привлекательные для мигрантов регионы – более 100 тысяч прибывших) характерно влияние на приток мигрантов таких факторов, как размер среднемесячной заработной платы и оборот розничной торговли. При этом коэффициент R^2 составил 61,2 %. Данные результаты соответствуют логическим предположениям, так как к первой группе относятся экономически развитые регионы, которые традиционно привлекают амбициозных мигрантов как из других регионов, так и из-за границы. Главными мотивами, побуждающими к переезду, стали факторы, отражающие финансовые перспективы. К регионам первой группы относятся: г. Москва, Московская область, Ростовская область, Республика Татарстан.

Б) Для второй группы регионов, то есть регионов средней миграционной привлекательности (от 50 до 100 тысяч прибывших), была выявлена значимость факторов оборота розничной торговли и географического коэффициента. Действительно, преобладающая часть регионов средней миграционной привлекательности расположены в юго-западной части России. Можно сделать предположение, что переезд в регионы данной группы зачастую обусловлен поиском более комфортных условий проживания, а именно относительно благоприятного климата, развитого рынка и инфраструктуры. R^2 для группы 2 составил 53,7 %. Субъекты представители данной группы: Челябинская область, Нижегородская область, Новосибирская область, Омская область, Самарская область.

В) Третья группа регионов отличается умеренной миграционной привлекательностью (от 20 до 50 тысяч прибывших). Анализ оценки коэффициентов регрессии для данной группы показал, что значимым оказалось воздействие факторов оборота розничной торговли, средней цены жилья и показателя уровня безработицы. Полученные результаты выявили

увеличение количества значимых факторов по сравнению с более привлекательными регионами. Это можно интерпретировать как рост числа критериев, определяющих решение о переезде. Если в более привлекательных регионах определяющими были уровень потенциальных доходов и географическое положение, то в данной группе немаловажную роль играют издержки, а именно их крупная составляющая – цена жилья. Регионы предстатели: Республика Бурятия, Курская область, Рязанская область.

Г) В четвёртой группе представлены наименее привлекательные с точки зрения миграции регионы России. Модель в целом оказалась незначимой. Даже если ввести предположение о допустимом уровне значимости модели менее 95 %, например, 90 %, то все регрессоры для данной группы, тем не менее, определяющего воздействия на зависимую переменную не оказывают. Это может означать, что решения о переезде в регионы данной группы обусловлены личными мотивами и являются сугубо субъективными. К данной группе относятся такие регионы, как: Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Республика Тыва, Республика Ингушетия, Чукотский автономный округ.

Групповой анализ. Территориальное расположение.

При группировке регионов РФ по территориальному признаку, а именно при разделении их на приграничные и внутренние, были получены следующие

результаты.

Для группы приграничных регионов (имеющих сухопутные границы с другими государствами) значимыми факторами, побуждающими к миграции, стали оборот розничной торговли и географический коэффициент. R^2 составил 92,1 %. На основании этих результатов можно сделать вывод о том, что большую часть мигрантов в этих регионах составляют приехавшие граждане стран, граничащих с Россией на юго-западном направлении, что подтверждается данными статистики [4]. Розничная торговля же является популярной сферой деятельности многих категорий мигрантов, а значимость географического коэффициента свидетельствует о миграционном приоритете южных регионов европейской части нашей страны.

Результаты оценки параметров регрессии для внутренних регионов

России показали значимость оборота розничной торговли и средней цены жилья за 1 м². R^2 составил 92 %.

Заключение

На основании полученных результатов и анализа различий факторов миграционной привлекательности для разных групп регионов, можно сделать вывод о том, что отличительной чертой наиболее привлекательных регионов является значимость уровня заработной платы. Таким образом, для того, чтобы стимулировать выбор переселенцами менее населенных областей нашей страны, необходимо оказывать им дополнительную финансовую поддержку со стороны государства. Также следует взять под

государственный контроль такой аспект, как состояние на рынке труда в конкретном регионе. Фактор безработицы оказался значимым для умеренно привлекательных регионов, следовательно, если гарантировать трудоустройство и стабильный заработок вновь прибывшим жителям, можно добиться большей сбалансированности в распределении трудовых ресурсов и способствовать экономическому росту в отдельно взятых регионах.

В целом, исследование показало, что основные факторы, определяющие миграционные перемещения населения в России в 2014 году, имели экономический характер, в то время, как особенности географического положения оказались менее значимыми. В заключении стоит отметить, что выявленные тенденции перемещения населения соответствуют базовой постановке гравитационной модели.

Библиографический список

1. Вакуленко Е. С. Миграционные процессы в городах России: эконометрический анализ // Прикладная эконометрика, 2012. – № 1(25).– С. 25–50
2. Никонов О. И., Тарасьев А. А., Луценко А. В. Задача моделирования динамики межрегиональных миграционных потоков// Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. – № 2. – 2014.
3. Огородников П. И., Макарова Н. А. Моделирование миграционных потоков в регионе // Экономика региона. – № 2. – 2013.
4. Распределение числа прибывших по направлениям передвижения // Регионы России. Социально-экономические показатели. – 2015.
5. Bodvarsson O. B. and Van den Berg H., The Economics of Immigration: Theory and Policy, DOI 10.1007/978-1-4614-2116-0_2, # Springer Science+Business Media New York, 2013.
6. Economic Impacts of Immigration: A Survey Sari Pekkala Kerr William R. Kerr Harvard Business School, 2013.
7. Gerber T. Individual and Contextual Determinants of Internal Migration in Russia, 19852001 // University of Wisconsin, Mimeo. – 2005.
8. Korel' I. I., Korel' L. V. Modern contrasts in Russia's interregional migration // Regional Research of Russia. – 2015.

WAYS OF ADDRESSING MIGRATION ISSUES IN UZBEKISTAN UNDER GLOBALIZED WORLD

Z. A. Kadirova

*Senior scientific researcher,
Tashkent State University of Economics,
Tashkent, Uzbekistan*

Summary. The present article is devoted to labor migration processes and their modern tendencies in Uzbekistan. In the article describes the development of labor migration processes and regulatory measures in Uzbekistan under globalized world. The article studies the causes and consequences of labor migration relations of Uzbekistan with Russia and Korea, legislative basics of relations in this sphere between countries and their role in development of migration processes. The article is based on statistic data of the Republic of Uzbekistan, the Russian Federation, the Republic of Korea and international economic organizations.

Keywords: migrant; emigration; immigration; migration policy; labor market; labor resources; remittances.

Globalization has brought countries and nations closer. National borders are no more a barrier for exchanging ideas, resources and technology. Every single nation has experienced the consequences of globalization to some degree. Uzbekistan has been gradually integrating into the world economy since gaining its independence back in 1991. The need to integrate stems from the desire to advance the national economy and social well-being of population through importing advanced technologies or stimulating exports. However, opening up the country also meant exposure to increase in the mobility of its human capital. As a result, Uzbekistan has witnessed labor migration in and out of the country in the past couple of decades, driven by various causes, which is having inevitable social and economic implications for the country.

Migration has particular implications for Uzbekistan mainly due to its state of demographic development. Three vital characteristics create a favourable condition for migration of labor from Uzbekistan [4]:

- Population growth rate of 1,55 % per annum
- Young population with 29 % aged under 15
- Low level of urbanization with 63,7 % of population living in rural areas.

Decentralization and transition to free market economy caused significant changes in Uzbekistan like in other Central Asian markets, like the development of competition among participants of labor market and the increase in the number of unemployed people in labor market. The resulting conditions in the labor market were offset, initially, by internal migration, and later, by international migration.

During the first decade of independence, migration was characterized by ethnic migration, as Russians, Belorussians, Tatars and Ukrainians returned to their homeland. However, by 2000s labor migration began to include Uzbeks

searching for jobs. Such cases were observed not only in Uzbekistan, but in other neighboring countries of Central Asia as well.

Today the government of Uzbekistan pays close attention to the problems of employment of population. The government is taking measures such as creating new jobs and retraining personnel. The 13th clause of the law “About the employment of population” which was adopted in 1992, guarantees the right of citizens of Uzbekistan to work abroad and search for job independently. This gives the chance to decrease the rate of unemployment, activate and legalize migration processes and develop the cooperation relations in the field.

On 12 November 2003, the Cabinet of Ministries adopted the Resolution “About the measures to improve the organization of working abroad for citizens of Uzbekistan”. This served to organize the infrastructure of labour institutions which would assist Uzbek citizens working abroad. On this basis, in the same year, the Charter to streamline the employment of Uzbekistan citizens abroad was adopted [5]. Based on this Charter, legal bases of organizing employment of Uzbekistan citizens abroad were created. Moreover, the Ministry of Labor and Social Protection of Population of The Republic of Uzbekistan created Agency of Foreign Labor Migration and Regional bureaus for foreign employment placement. Moreover, holders of the private labor contracts became eligible to work abroad, if they have the special permit from The Agency of Foreign Labor Migration. These permits are given only by the Agency of Foreign Labor Migration (TAFLM) or Regional bureaus for foreign employment placement of citizens in order to prevent human trafficking. Other legal entities or individuals do not allow provision of such services.

Creation of regional bureaus for foreign employment placement of citizens in regions like Tashkent, Bukhara, Nukus, Fergana, and Karshi reflects the government’s measures in social and legal protection of the rights of labor migrants. These bureaus are engaged in providing employment abroad to citizens who want to work abroad, in informing the population about the opportunities and terms of working abroad, in getting and filling quotas from foreign employers in importing labor force from Uzbekistan.

The governmental labor migration agreements signed between the governments of Uzbekistan and other foreign countries opened many opportunities for citizens who want to work abroad. Today there are many Uzbek labor migrants in Russia, Kazakhstan, Republic of Korea, and USA. The below given statistics show that a big number labor emigrants from Uzbekistan are sent to Russian Federation. In turn, Uzbek citizens constitute the largest share of the migrants in Russia.

Number of migrants flow from Uzbekistan to Russia in 2002–2012 [6]

Years	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Thousand people	24, 9	21, 4	14, 9	30, 4	37, 1	52, 8	43,5	42, 5	24, 1	62,6	56,34 3

Source: <http://www.statdata.ru/pmg-migration-russia>

Analyses and observations in recent years show that migrants from Uzbekistan to Russia experience some problems and difficulties in: registration of the license, full payroll calculation with employer, creation of decent working conditions by employers, attraction to heavy work overtime, as well as social protection in manufacturing. Under such circumstances, the importance of establishing interstate relations, setting up legal bases for such relations, as well as protecting the social rights of Uzbekistan citizens abroad increases.

In 2007, Uzbekistan and Russia signed bilateral agreement on labor migration. According to this agreement, which regulates labor migration, entry and departure of Uzbekistan citizens into Russia would be performed within laws and international contracts signed between Uzbekistan and Russia. This agreement seeks to stop illegal migration, reduce its negative consequences, as well as prevent human trafficking and stipulates that Uzbekistan citizens in Russia can work legally only after signing a labor contract with an employer or upon signing a civil contract with a customer. Because nearly half of labor migrants from Uzbekistan are engaged in heavy work like construction where the probability of accidents is high, there is a need to prevent and counter their consequences. According to the bilateral agreement, if Uzbekistan citizen dies or is traumatized due to the fault of a Russian employer, employer should:

- pay compensation which is mentioned under the Russian law system
- inform about his death consulate of Uzbekistan in Russia,
- cover the cost of sending the body of dead, his belongings and money to the home country (unless labor agreement stipulates otherwise).

In 2007, Uzbekistan and Russia signed three more agreements. They are all about departing illegal migrants, preventing illegal migration and protecting labor migrants' rights [7]. The rights of migrants include the right to have rest and access to medical care, which should be mentioned in labor. According to Russian legislation, an employer should compensate medical services to Uzbek citizens. The agreements also envisage such issues as working conditions and salaries of legal migrants in Russia. Moreover, legislation stipulates that migrants from Uzbekistan should not be paid with the salary lower than if paid for Russian citizen for the same level and profession, and that their working conditions should be equal. The agreement also mentions that salaries of Uzbek migrants could be transferred to Uzbekistan and the tax on their income to be regulated by Russian laws and international agreement on taxes. Thus, such agreements give a chance to labor migrants from Uzbekistan in Russia to be social and legal protected. All this factors served as a cause of growth of the number of Uzbek citizens who want to work in Russia. By 2007, Uzbekistan was the leading exporter of labor force to Russia [1].

Another destination for Uzbek migrant labor is the Republic of Korea . With the population of 48,9 million, Republic of Korea turned from an emigration destination for many years into an immigration center in recent two decades.

The Republic of Korea was experiencing high rates of economic growth and low unemployment by early 1990s when it began attracting low skilled foreign labor force for vacancies which local population did not want to perform. Liberalization of immigration processes initiated by the government gave a chance of returning home for ethnic Koreans displaced during Japanese colonial period and living in China and CIS countries. Along with them, ethnic population from those countries like Russians, Tajiks, Kazakhs, and Uzbeks in particular, began to immigrate to Korea. This trend, however, led to the growing number of illegal labor migrants working at Korean companies. As result, the Korean government began to sign international agreements on employment of foreign labor force with countries supplying labor. Signing the first agreement in labor migration with Uzbekistan in 1995 led to dispatch of Uzbek citizens to Korea under the Program of Industrial Training [5]. During 1995–2007, the Industrial Training Program attracted 19 thousand migrants from Uzbekistan to work in Korean Republic [7].

However, some shortcomings of the Industrial Training Program caused inconveniences for labor migrants, because of which the number of illegal migrants grew sharply. In particular, the requirement to work as a trainee during the first year became a reason to receive less salary than usual workers get in the labor market. This situation forced trainees to look for another work illegally.

In 2003, Korean Republic began to employ foreign labor force based on “Employment Permit System”-EPS or “Free Hire System” programs and created new types of special visas for labor migrants [3]. Thus, the Korean government began to renew agreements in labor migration with foreign countries. As a result, like with other countries, the Ministry of Labor of Korean Republic signed a memorandum in 2006 with the Ministry of Labor and Social Protection of Uzbekistan in order to send labor migrants to Korean Republic through Employment Permit System (EPS) or Free Hire System (FHS).

In March 2007, two new agreements were signed consequence to this Memorandum. First was about tests of Korean language for labor migrants who want to work in Korea. Next was about responsibilities of Agency of Foreign Labor Migration and Korean Human Resources Development Service.

Memorandum signed between Uzbekistan and Korean Republic carries importance in social protection of Uzbekistan labor migrants in Korea. Employment Permit system gives an opportunity for Uzbekistan labor migrants to participate in social protecting programs which government holds. Labor migrants in Korea get “insurance right of worker” which protects them from illness and injuries.

Migrant workers who are injured during the working hours are entitled to compensation payments as local workers. Injured migrant worker is paid “temporary payment for disablement” which makes 70 % of average salary for every missed day. Injured labor migrant, which is not recovered after treatments, receives “permanent payment for disabled”.

In November 2011, Social Security Agreement between Uzbekistan and Korea was signed which concerning – “elimination of double payments”. According to this agreement, labor migrants from Uzbekistan in Korea instead of making double payment for social security, make it only once in one country [2, p. 120–121]. During 2007–2012, 15 thousand Uzbekistan citizens were sent to Korean Republic through EPS [8]. On January 7, 2012, the Agency has sent documents of 3,9 thousand Uzbekistan citizens to “Korean National Pension System” for pension payments [8]. On December 13, 2012 during the visit of the members of the Ministry of Employment and Labor of Korean Republic to Uzbekistan, the memorandum between two countries was renewed. The new Memorandum included such issues like ensuring transparency to sending and receiving migrant workers by social agencies, reducing fees for money remittances and preventing illegal migration of Uzbek labor migrants in Korean Republic.

According to the information of the Agency of Foreign Labor Migrations, Uzbekistan is currently conducting negotiations in the field of labor migration with Japan, Poland, Latvia, Malaysia, New Zealand, and Australia. Signing agreements on labor migration with receiving countries creates opportunities for migrants to work legally in destination countries, to ensure their social and legal security, to prevent human trafficking, and to create the legal basis for achieving positive results in this field.

In conclusion, I would like to point to the following:

Firstly, following the integration of Uzbekistan into the world economy, the labor market of Uzbekistan has become an inevitable participant in the international labor migration trends.

Secondly, developing or developed countries, which have shortage in labor, will continue attracting migrant workers from countries like Uzbekistan, which have excess of labor.

Thirdly, export of labor generates vital source of foreign exchange into the country and increases the skills for migrants working in industrial or high-tech areas.

Finally, by signing intra-governmental agreements on labor security with key importers of labor, Uzbekistan is providing protection to its citizens and ensuring adequate medical treatment and compensation.

Bibliography

1. Щербакова Е. Регистрируемый миграционный прирост населения России. URL:<http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0303>.
2. Jung-Eun Oh, Don Kwan Kang, Julia Jiwon Shing. Migration Profile of the Republic of Korea. IOM MRTC Research report Series. – № 2011-1.
3. Young-bum Park. South Korea: Balancing Labor Demand with strict controls www.migrationinformation.com
4. www.data.worldbank.org World Bank statistics
5. www.migration.uz
6. <http://demoscope.ru/weekly/2014/0591/barom02.php>

7. www.uzembassy.ru
8. www.mehnat.uz

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА

В. А. Силантьева

*Кандидат исторических наук, доцент,
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия*

Summary. In the article considered a modern migration policy of the Russian Federation in the conditions of crisis. Analyzed innovations in migration legislation. The illegal migration problem and its impact on the Russian labour market are analysed.

Keywords: migration; migrants; migration flows; migrant workers; illegal migrants; labor migration; migratory legislation; migration policy; migration in times of crisis.

В современном мире миграционные процессы играют значимую роль в социально-экономическом и демографическом развитии государств. Основные миграционные потоки устремлены из экономически бедных государств в более развитые страны. Масштабы миграции имеют тенденцию к постоянному увеличению, вовлекая все большее число людей. Примером могут служить миграционные потоки, захлестнувшие страны Европы в настоящее время. Неслучайно вопросы разрешения миграционного кризиса, интеграции беженцев и переселенцев в принимающие сообщества, борьбы с терроризмом стали темами обсуждений на Всемирном экономическом форуме, проходившем с 20 по 23 января 2016 г. в Давосе (Швейцария), а миграционный кризис в Европе СМИ сравнили с «великим переселением народов». На фоне миграционных проблем европейских государств ситуация в России выглядит несколько иначе. Россия в последние 20–25 лет оставалась крупным реципиентом в системе миграционных процессов, так как являлась с одной стороны транзитом в экономически благополучные государства, с другой – имелась возможность заработать в России, что особенно актуально было для граждан государств бывшего СССР. Однако в начале 2015 г. миграционная ситуация изменилась. Глава Федеральной миграционной службы РФ Константин Ромодановский в феврале 2015 г. отметил, что миграционный поток в Россию упал почти на 70 % по сравнению с началом 2014 г. Происходит сокращение числа мигрантов из стран Центральной Азии (исключение Киргизия) и возрастает количество приехавших граждан Китая, Республики Корея и КНДР в РФ. По его словам, число законно работающих в России иностранных граждан выросло на треть, количество мигрантов, вовремя не обратившихся в ФМС, сократилось на 11 %. Для граждан Украины из-за непрекращающегося конфлик-

та, повлекшего за собой социально-политические и экономические проблемы, действует особый режим, поэтому статистика их не учитывает [7]. Численность украинцев выросла в 1,6 раза, увеличивается и число трудовых мигрантов из Молдовы [10]. Благодаря борьбе с незаконной миграцией количество иностранцев в России в 2015 г. сократилось на 10 % [4].

С чем же это связано? Во-первых, осознавая важность проблемы миграции и адаптации мигрантов на территории РФ, разработаны ряд мер по контролю над миграционными процессами. В 2012–2015 гг. реализовался первый этап Концепции государственной миграционной политики РФ, рассчитанной до 2025 г. [6]. Согласно Федеральному закону от 20 апреля 2014 г. № 74-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [2], иностранные граждане, желающие получить разрешение на временное проживание, вид на жительство, разрешение на работу либо патент обязаны документально подтвердить знание русского языка, основ законодательства и истории России. Исключение составляют иностранные высококвалифицированные специалисты. Таким образом, трудовые мигранты в течение 30 календарных дней должны обратиться в ФМС России для получения патента, при условии, что иностранцы в качестве цели пребывания в РФ укажут работу и успешно сдадут экзамены на знание русского языка, истории и основ законодательства РФ. Сдача комплексного экзамена предполагает наличие определенного уровня знаний, а чтобы их получить требуются время и условия, что нередко отсутствует. Кроме того, въезд в РФ осуществляется по загранпаспортам (за исключением некоторых стран), необходимо оформить медицинский полис, предоставить документы об отсутствии судимости и наличии места для пребывания. Все это привело к резкому сокращению желающих работать в России, так как не секрет, что трудовые мигранты не владеют и минимальными знаниями русского языка, не говоря уже об элементарных знаниях по истории или основах российского законодательства. Ужесточились и правила в отношении иностранных мигрантов, нарушивших порядок пребывания в РФ. Ранее, если иностранцы превышали разрешенные раз в полгода 90 суток пребывания в стране, а также не выезжали из России в течение месяца со дня окончания этого срока, то въезд в нашу страну ограничивался на 3 года. Теперь за нелегальное нахождение в России больше, чем 180 суток, мигрантов могут лишить права въезда на пять лет, в случае нелегального нахождения более чем на 280 суток – на десять лет. С 1 января 2016 г. – въезжающие в страну иностранцы обязаны проходить процедуру дактилоскопии. Все эти меры сократили количество мигрантов, прибывающих в страну.

Во-вторых, введение экономических санкций в отношении РФ со стороны ЕС и США повлекло изменение курса валют. Девальвация российского рубля привела к сокращению желающих иностранных граждан работать в России, так как это стало экономически невыгодно: в пересчете

на местную валюту трудовые мигранты стали зарабатывать значительно меньше. По данным Центробанка РФ денежный поток переводов за границу значительно снизился: в 2014 г. из РФ в страны СНГ было переведено 19054 млн. \$ США, в 2015 г. – 11057 млн. \$ США. Среди стран-реципиентов лидируют Узбекистан (19,9 %), Украина (15,1 %), Таджикистан (13,6 %) и Молдова (10,6 %) [5]. Немаловажен и факт удорожания самого патента на работу: территория действия патента ограничивается субъектом, в котором он получен, а цены на него (налог на доходы физических лиц – НДФЛ) регионы вправе устанавливать сами. К примеру, с 1 января 2015 г. трудовые мигранты в Москве должны были платить 4000 рублей в месяц, а в 2016 г. – уже 4200; в Санкт-Петербурге остался на уровне 2015 г. – 3000 рублей (в 2014 г. – 1200 рублей) [8]. Для иностранных граждан возможность получения разрешения на работу в России составляет один год (граждане Таджикистана – три года). Более доступны патенты (1816 руб.) в республиках Северного Кавказа – Кабардино-Балкарской, Карачаево-Черкесской, Ингушетии, Дагестан, а также в Калужской и Мурманской областях, республиках Алтай и Марий Эл [9]. Это послужило причиной того, что иностранные граждане стали рассматривать другие страны для своей трудовой деятельности или остаются на родине.

В-третьих, в рамках Концепции государственной миграционной политики РФ в Уголовный кодекс РФ в статью 322.1 «Организация незаконной миграции» были внесены изменения, направленные на ужесточение уголовной ответственности за организацию незаконной миграции и приравнивании к категории преступлений средней тяжести, а деяния, предусмотренного частью второй данной статьи, к тяжким преступлениям [1]. Кроме того, согласно Федеральному Закону №115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» в случае административного выдворения иностранного гражданина, осуществляющего трудовую деятельность в РФ без разрешения на работу, средства, затраченные на обеспечение его выезда за пределы РФ, взыскиваются либо с выдворяемого, а в случае их отсутствия в судебном порядке – с работодателя или заказчика работ (услуг), привлечших указанного иностранного гражданина к трудовой деятельности (ст. 18, 34) [3]. Вследствие этого, если ранее работодатели активно использовали труд нелегалов, то теперь их привлекают к юридической ответственности за незаконное использование рабочей силы.

В-четвертых, снижаются темпы строительства в России. Это связано, как с введением санкций и удорожанием стройматериалов, так и с экономическим кризисом. Именно на эту сферу приходилась значительная часть иностранной рабочей силы. В-пятых, введен ряд ограничений в отношении иностранных работников. Например, с 1 января 2015 г. иностранные граждане для управления общественным транспортом (такси, автобусы, маршрутные такси, трамваи и т.д.) обязаны получить российские водительские

удостоверения. Национальными правами для этого воспользоваться не получится [8].

Однако, несмотря на снижение миграционных потоков в настоящее время, Россия продолжает оставаться государством-реципиентом, поэтому миграционная политика РФ должна способствовать осуществлению стратегии социально-экономического и политического развития государства, действовать демографическому развитию, обеспечивать национальную безопасность в соответствии с национальными геополитическими интересами.

Библиографический список

1. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 10.01.2016) // Электронный ресурс. СПС «Гарант».
2. О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Федеральный закон от 20 апреля 2014 г. № 74-ФЗ (ред. от 24.11.2014) // Электронный ресурс. СПС «КонсультантПлюс».
3. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Электронный ресурс. СПС «КонсультантПлюс».
4. Глава ФМС: в 2015 году число мигрантов в России стабилизировалось. URL: <http://ria.ru/society/20160102/1353262641.html#ixzz43YAeWhub> (дата обращения: 19.03.2016).
5. Данные Центрального банка Российской Федерации. URL: http://www.cbr.ru/statistics/print.aspx?file=CrossBorder/Cb_rem_14.htm&pid=svs&sid=TGO_fiz_post (дата обращения: 20.03.2016).
6. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.). URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244/#ixzz3c1VDTHOI> (дата обращения: 18.03.2016).
7. Магай М. Число въезжающих в Россию трудовых мигрантов сократилось на 8 %. URL: <http://top.rbc.ru/business/16/02/2015> (дата обращения: 15.02.2016).
8. Миграционные законы – 2015: что нужно знать о въезде и пребывании в РФ. URL: <http://www.tajembassy.ru/ru/press/news/19-migratsiya/165-migratsionnye-zakony-2015-cto-nuzhno-znat#sthash.CvKcniY3.dpuf> (дата обращения: 22.02.2016).
9. Сколько стоят патенты для мигрантов в регионах России в 2016 году? URL: <http://tjk.rus4all.ru/infographics/20160102/726408758.html> (дата обращения: 18.03.2016).
10. ФМС: мигрантов из Украины в России больше, чем из Центральной Азии. URL: <http://ria.ru/society/20150109/1041858153.html#ixzz3btgODCP9> (дата обращения: 15.03.2016).

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА В СОВРЕМЕННОМ ЕГИПТЕ: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

С. Н. Турк

*Старший преподаватель,
Кубанский государственный аграрный
университет, г. Краснодар, Россия,*

Summary. The article considers the current aspects of demographic policy are the reasons of «population explosion». Describes socio-economic consequences of this process. The traditionally high birth rate in Egypt due to the following factors: first, there is an objective economic need for children, whose labour from the low productivity is widely used in home subsistence farming. Children are the economic and social need, free labor; secondly, the low overall cultural level of the population. There is a correlation between level of education and number of children in the family. Illiteracy or availability of primary education, low General cultural level, the almost complete lack nesamani interests to a large extent determines the absence of the majority of Egyptian women and self-conscious approach to the question of the number of children in the family; third, the high birth rate contributes to the historically established tradition of large families, which is encouraged by Islam.

Keywords: demography; fertility; mortality; abortion.

Египет – самая большая по численности населения арабская страна и третья на африканском континенте (после Нигерии и Эфиопии). Одной из самых сложных задач, которую предстоит решить властям Арабской Республики Египет (АРЕ) в начале XXI века, является проблема бурного демографического роста.

Благодаря высокой рождаемости численность населения быстро растёт и насчитывает – 90 млн. (оценка на февраль 2016, 14-е место в мире), то есть в среднем естественный прирост населения составляет ежегодно 1,2–1,3 млн человек [10]. Согласно статистике, каждую секунду в Египте рождается 20 младенцев.

Сегодня демографическая проблема достаточно актуальна в стране пирамид в связи с тем, что 96 % территории составляет пустыня и лишь 4 % – освоенное жизненное пространство – район дельты и долины Нила (еще с эпохи фараонов), где проживает около 97 % населения страны.

В столице Египта Каире по самым скромным подсчетам, на сегодняшний день проживает 17 млн человек [8].

Высокой рождаемости способствует исторически сложившийся обычай многодетности, который поощряется исламом. Вызванный к жизни экономическими факторами (стремлением иметь как можно больше рабочих рук), этот обычай был освящен религией и постепенно превратился в фактор социально-психологического порядка, прочно утвердившись в народном сознании [3, с. 75–76].

Семья с тремя-четырьмя детьми считается в Египте малодетной. Норма – 7–8 детей. Власти Египта проводят кампанию с целью убедить

жителей страны иметь меньше детей с тем, чтобы число членов среднестатистической семьи снизилось с пяти до четырех человек.

Исламские экстремисты, усматривающие в контроле над рождаемостью заговор с целью ослабления арабской нации, постоянно обвиняют правительство в покушении на право мусульман выполнить волю Аллаха, то есть рожать детей [2, с. 154].

«Демографическая революция» произошла в Египте, как и в большинстве развивающихся стран, во второй половине XX века. После второй мировой войны, вплоть до революции 1952 г., в Египте еще не было более или менее организованного движения за ограничение рождаемости [1, с. 40].

Только после революции государство начинает предпринимать шаги, чтобы управлять приростом населения, продвигая ограничение рождаемости, открывая первые клиники планирования семейства.

В конце 1953 г. в Каире была создана Национальная комиссия по проблемам народонаселения, в которую вошли представители министерств просвещения, здравоохранения, финансов, а также специалисты по вопросам экономики, социологии, видные медики, гигиенисты и демографы.

К середине 1962 г. Национальная комиссия по проблемам народонаселения располагала уже 28 клиниками и профилактическими пунктами, было положено начало пропагандистской работе по применению контрацептивов, расширилась подготовка медицинских работников и т. д. [6, с. 237].

1 февраля 1966 г. по всей стране началась широкая кампания по пропаганде планирования семьи, в которую включились печать и радио.

Однако тысячелетние традиции и предрассудки, особенно в крестьянской среде, равно как и неграмотность большинства населения, служили серьезным препятствием на пути выполнения этой программы.

Отсюда делалось заключение, что ликвидация зародыша, не достигшего трехмесячного срока, не может считаться убиением души и, следовательно, не противоречит каноническим положениям ислама [6, с. 238].

Вопрос об отношении ислама к контролю рождаемости до сих пор вызывает некоторые споры. Все мусульманские теологи выступают против умерщвления детей, обычно со ссылкой на заповедь: «...Не убивайте детей ваших из-за страха бедности. Мы пропитаем их и вас; поистине, убивать их – великий грех!» [4, Сура 17, аят 33].

Аборт без медицинских показаний в Египте официально запрещен. Аборт допускается, если сохранение беременности грозит жизни или здоровью женщины, или в том случае, когда обнаружены дефекты развития зародыша, при условии, что срок беременности не превышает трех месяцев (тогда же у зародыша, по мнению богословов, появляется душа). После этого аборт фактически приравнивается к убийству [7, с. 46].

Через прессу, мыльные оперы и кино Египет распространял определенный образ современной арабской женщины, и она не была отягощена стадом детей.

Официальная пропаганда за сокращение рождаемости велась осторожно, чтобы не оскорбить чувства верующих, привыкших считать, что детей посылает Аллах. Ученые Аль-Азхара узаконили использование противозачаточных средств, планирование стало соответствовать исламским законам шариата.

Однако реализация демографической политики затруднена нехваткой финансовых ресурсов и часто ограничивается лишь декларативными заявлениями.

В 90-е гг. в правлении президента Хосни Мубарака все средства массовой информации АРЕ пропагандировали тип семьи, в которой число детей не превышает двух-трех. Официальные власти стремились создать в обществе новую поведенческую атмосферу, когда семья с большим числом детей выглядит несовременно, архаично.

В 2008 году баннеры, украшавшие улицы Каира, призывали: «Прежде чем завести ещё одного ребёнка, убедись, что можешь обеспечить его всем необходимым».

По мнению правительства страны и многих экспертов, слишком быстрый прирост населения девальвирует достижения египетской экономики, провоцирует рост социальной напряженности в обществе, истощает ресурсную базу страны.

Темпы прироста населения означают чрезвычайное давление на социальную инфраструктуру, школу, систему здравоохранения, ресурсы продовольствия, возводят препятствия на пути экономического и социального прогресса, бедных делают ещё беднее [3, с. 182].

Арабские страны уже сейчас сталкиваются с проблемами бедности, несмотря на сверхобеспеченность нефтяными ресурсами. В последние годы запасы нефти, газа и грунтовых вод истощаются. Из всех арабских стран в Египте наиболее обострены все демографические проблемы.

Правительство признает, что при таких темпах прироста страну неизбежно ждут голод и социальные беспорядки.

Кроме того, власти прекрасно осознают, что порождаемая бурным демографическим ростом безработная и неграмотная молодежь подобна «бомбе с часовым механизмом», способной привести к политическим и социальным потрясениям [9, с. 35].

Демографический взрыв в Египте, произошедший в последние годы, усугубил социальную напряженность, которая стала косвенной причиной восстания в 2011 году [см: 5, с. 21].

Среди самых активных заполнивших площадь Тахрир протестующих были десятки тысяч молодых безработных – выпускников Каирского,

каирского Американского и других египетских университетов, не востребованных на рынке труда, амбициозных, не видящих перспективу.

Демографическая политика может быть успешной лишь в сочетании с мерами по развитию образования, здравоохранения и социального обеспечения.

Реальное решение демографической проблемы в Египте должно ориентироваться не на искусственное навязывание идеалов малодетной семьи, а с осознанием объективной необходимости и экономической целесообразности сокращения размеров семьи.

Библиографический список

1. Абрамова И. О. Много ли египтян в Египте. // Азия и Африка сегодня. – 2002. – № 5.
2. Бибикова О. П. Арабы. Историко-этнографические очерки. – М., 2008.
3. Васильев А. М. Египет и египтяне. – М., 2000.
4. Коран / пер. И. Ю. Крачковского. – М., 2000.
5. Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. Египетская революция 2011 года. Структурно-демографический анализ. Азия и Африка сегодня. – 2011. – № 7.
6. Лебедев Е. А. Программы «планирования семьи» в некоторых арабских странах // История и экономика стран Арабского Востока и Северной Африки : сб. статей. – М., 1975.
7. Любовь и секс в исламе : сборник статей и фетв. – М., 2004.
8. Мамед-заде П. Н. Демографическая проблема в Египте // <http://www.iimes.ru/>
9. Мамед-заде П. Н. Египет: демографическая «бомба» тикает все слышнее. Азия и Африка сегодня. – № 29–30. – 2008.
10. Численность населения стран мира на 2016 год <http://total-rating.ru/1574-chislennost-naseleniya-stran-mira-na-2016-god.html>.

**ПЛАН МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ, ПРОВОДИМЫХ ВУЗАМИ
РОССИИ, АЗЕРБАЙДЖАНА, АРМЕНИИ, БОЛГАРИИ, БЕЛОРУССИИ,
КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА И ЧЕХИИ НА БАЗЕ
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»
В 2016 ГОДУ**

Дата	Название
20–21 апреля 2016 г.	Здоровье человека как проблема медицинских и социально-гуманитарных наук
22–23 апреля 2016 г.	Социально-культурные институты в современном мире
25–26 апреля 2016 г.	Детство, отрочество и юность в контексте научного знания
28–29 апреля 2016 г.	Культура, цивилизация, общество: парадигмы исследования и тенденции взаимодействия
2–3 мая 2016 г.	Современные технологии в системе дополнительного и профессионального образования
5–6 мая 2016 г.	Теория и практика гендерных исследований в мировой науке
7–8 мая 2016 г.	Социосфера в современном мире: актуальные проблемы и аспекты гуманитарного осмысления
10–11 мая 2016 г.	Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире
13–14 мая 2016 г.	Культура толерантности в контексте процессов глобализации: методология исследования, реалии и перспективы
15–16 мая 2016 г.	Психолого-педагогические проблемы личности и социального взаимодействия
20–21 мая 2016 г.	Текст. Произведение. Читатель
22–23 мая 2016 г.	Реклама в современном мире: история, теория и практика
25–26 мая 2016 г.	Инновационные процессы в экономической, социальной и духовной сферах жизни общества
1–2 июня 2016 г.	Социально-экономические проблемы современного общества
5–6 июня 2016 г.	Могучая Россия: от славной истории к великому будущему
10–11 сентября 2016 г.	Проблемы современного образования
15–16 сентября 2016 г.	Новые подходы в экономике и управлении
20–21 сентября 2016 г.	Традиционная и современная культура: история, актуальное положение и перспективы
25–26 сентября 2016 г.	Проблемы становления профессионала: теоретические принципы анализа и практические решения
28–29 сентября 2016 г.	Этнокультурная идентичность – фактор самосознания общества в условиях глобализации
1–2 октября 2016 г.	Иностранный язык в системе среднего и высшего образования
5–6 октября 2016 г.	Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований
10–11 октября 2016 г.	Актуальные проблемы связей с общественностью
12–13 октября 2016 г.	Информатизация высшего образования: современное состояние и перспективы развития
13–14 октября 2016 г.	Цели, задачи и ценности воспитания в современных условиях
15–16 октября 2016 г.	Личность, общество, государство, право: проблемы соотношения и взаимодействия

17–18 октября 2016 г.	Тенденции развития современной лингвистики в эпоху глобализации
20–21 октября 2016 г.	Современная возрастная психология: основные направления и перспективы исследования
25–26 октября 2016 г.	Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов
28–29 октября 2016 г.	Наука, техника и технология в условиях глобализации: парадигмальные свойства и проблемы интеграции
1–2 ноября 2016 г.	Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия
3–4 ноября 2016 г.	Профессионализм учителя в информационном обществе: проблемы формирования и совершенствования.
5–6 ноября 2016 г.	Актуальные вопросы социальных исследований и социальной работы
7–8 ноября 2016 г.	Классическая и современная литература: преемственность и перспективы обновления
10–11 ноября 2016 г.	Формирование культуры самостоятельного мышления в образовательном процессе
15–16 ноября 2016 г.	Проблемы развития личности: многообразие подходов
20–21 ноября 2016 г.	Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования
25–26 ноября 2016 г.	История, языки и культуры славянских народов: от истоков к грядущему
1–2 декабря 2016 г.	Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях
3–4 декабря 2016 г.	Проблемы и перспективы развития экономики и управления
5–6 декабря 2016 г.	Безопасность человека и общества как проблема социально-гуманитарных наук

ИНФОРМАЦИЯ О НАУЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Название	Профиль	Периодичность	Реферативные базы	Импакт-фактор
Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера»	Социально-гуманитарный	Март, июнь, сентябрь, декабрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Directory of open access journals (Россия), • Open Academic Journal Index по адресу, • Research Bible (Китай), • Global Impact factor (Австралия), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • International Society for Research Activity Journal Impact Factor (Индия), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), 	<ul style="list-style-type: none"> • Global Impact Factor за 2015 г. – 1,041, • Scientific Indexin Services за 2015 г. – 1,09, • General Impact Factor за 2015 г. – 2,1825, • РИНЦ за 2014 г. – 0,194.
Чешский научный журнал «Paradigmata poznání»	Мультидисциплинарный	Февраль, май, август, ноябрь	<ul style="list-style-type: none"> • РИНЦ (Россия), • Research Bible (Китай), • Scientific Indexing Services (США), • Cite Factor (Канада), • General Impact Factor (Индия), • Scientific Journal Impact Factor (Индия), 	<ul style="list-style-type: none"> • General Impact Factor за 2015 г. – 1,5947.
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Экономический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный журнал «Ekonomické trendy»	Педагогический	Февраль, май, август, ноябрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный журнал «Aktuální pedagogika»	Психологический	Март, июнь, сентябрь, декабрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный и практический журнал «Akademická psychologie»	Социологический	Февраль, май, август, ноябрь	РИНЦ (Россия)	
Чешский научный и аналитический журнал «Sociologie člověka»	Филологический	Февраль, май, август, ноябрь	РИНЦ (Россия)	

**ИЗДАТЕЛЬСКИЕ УСЛУГИ НИЦ «СОЦИОСФЕРА» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»**

Научно-издательский центр «Социосфера» приглашает к сотрудничеству всех желающих подготовить и издать книги и брошюры любого вида:

- ✓ учебные пособия,
- ✓ авторефераты,
- ✓ диссертации,
- ✓ монографии,
- ✓ книги стихов и прозы и др.

Книги могут быть изданы в Чехии
(в выходных данных издания будет значиться –
Прага: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)
или в России

(в выходных данных издания будет значиться –
Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

Мы осуществляем следующие виды работ.

- Редактирование и корректура текста (исправление орфографических, пунктуационных и стилистических ошибок).
- Изготовление оригинал-макета.
- Дизайн обложки.
- Печать тиража в типографии.

Данные виды работ могут быть осуществлены как отдельно, так и комплексно.

Полный пакет услуг «**Премиум**» включает:

- редактирование и корректуру текста,
- изготовление оригинал-макета,
- дизайн обложки,
- печать мягкой цветной обложки,
- печать тиража в типографии,
- присвоение ISBN,
- обязательная отсылка 5 экземпляров в ведущие библиотеки Чехии или 16 экземпляров в Российскую книжную палату,
- отсылка книг автору по почте.

Тираж включает экземпляры, подлежащие обязательной отсылке в ведущие библиотеки Чехии (5 штук) или в Российскую книжную палату (16 штук).

Другие варианты будут рассмотрены в индивидуальном порядке.

PUBLISHING SERVICES
OF THE SCIENCE PUBLISHING CENTRE «SOCIOSPHERE» –
VĚDECKO VYDAVATELSKÉ CENTRUM «SOCIOSFÉRA-CZ»

The science publishing centre «Sociosphere» offers co-operation to everybody in preparing and publishing books and brochures of any kind:

- ✓ training manuals;
- ✓ autoabstracts;
- ✓ dissertations;
- ✓ monographs;
- ✓ books of poetry and prose, etc.

Books may be published in the Czech Republic
(in the output of the publication will be registered

Prague: Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»)

or in Russia

(in the output of the publication will be registered

Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера»)

We carry out the following activities:

- Editing and proofreading of the text (correct spelling, punctuation and stylistic errors).
- Making an artwork.
- Cover design.
- Print circulation in typography is by arrangement.

These types of work can be carried out individually or in a complex.

«Premium» package includes:

- editing and proofreading of the text;
- production of an artwork;
- cover design;
- printing coloured flexicover;
- printing copies in printing office;
- ISBN assignment;
- delivery of required copies to the Russian Central Institute of Bibliography or leading libraries of Czech Republic;
- sending books to the author by the post.

Circulation includes copies, which are obligatory delivered to the leading libraries of the Czech Republic (5 items) or to Russian Central Institute of Bibliography (16 items).

Other options will be considered on an individual basis. For questions and requests you can contact us by e-mail sociosphere@yandex.ru.

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ»
Faculty of Social Sciences and Psychology, Baku State University
Kama Institute of Humanitarian and Engineering Technologies
Penza State Technological University
Tashkent Islamic University

PEOPLES OF EURASIA: HISTORY, CULTURE AND INTERACTION PROBLEMS

Materials of the VI international scientific conference
on April 5–6, 2016

Articles are published in author's edition.
The original layout – I. G. Balashova

Do sazby 13.04.2016
Formát 60x84/16
Papír bílý standardní
Počet tiskových archů 8,9.
Tiráž 100 ks

Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ», s.r.o.:
Identifikační číslo 29133947 (29.11.2012)
U dálnice 815/6, 155 00, Praha 5 – Stodůlky, Česká republika.
Tel. +420608343967,
web site: <http://sociosfera.com>,
e-mail: sociosfera@seznam.cz